
знание—сила
№10 1967
ИЗВѢСТІЯ
27 октября 1917 г.
Центральнаго Исполнительнаго Ком
и Петроградскаго Совѣта
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТА
Декретъ о мирѣ,
КЪ ГРАЖДАНАМ
РОССІИ!
Дѣло, за которое боролся

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ, ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ЗНАНИЕ–СИЛА

Год издания 42-й

№ 10 • октябрь • 1967

1917–1967

ВЫСОКО ПОДНЯВ НАД МИРОМ ЗАЖЖЕННЫЙ ВЕЛИКИМ ОКТЯБРЕМ ФАКЕЛ СОЦИАЛИЗМА, СОВЕТСКИЙ НАРОД, ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ ОТКРЫЛИ НОВУЮ ЭПОХУ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. СОЦИАЛИЗМ, ПРЕВРАТИВШИЙСЯ В XIX ВЕКЕ ИЗ МЕЧТЫ В НАУКУ, В XX СТОЛЕТИИ С ПОБЕДОЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СТАЛ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ МИЛЛИОННЫХ МАСС ТРУДЯЩИХСЯ.

ОТ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ 1917 ГОДА ЧЕРЕЗ СУРОВЫЕ ВОЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ И ГОДЫ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ТРУДА ПРОХОДИТ СЛАВНЫЙ ПУТЬ БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ, СОЕДИНИВШИЙ ВОЕДИНО НАШЕ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

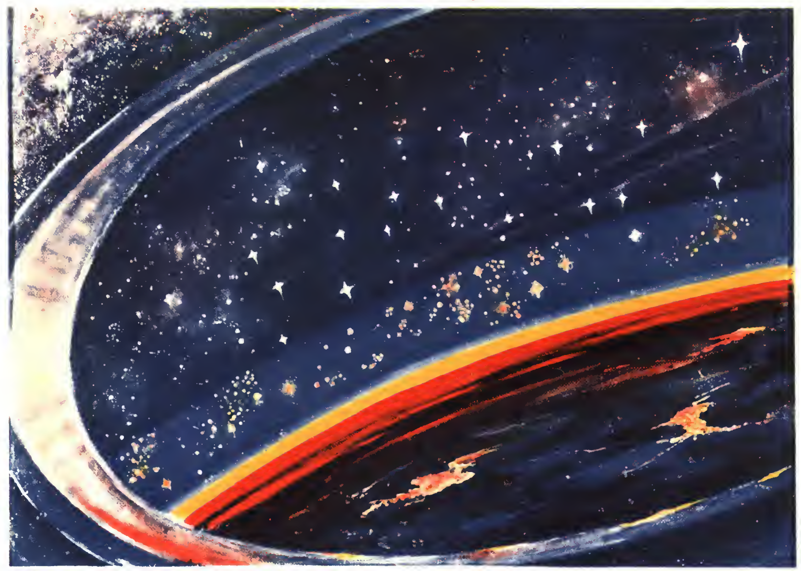
В номере:

Этот номер нашего журнала посвящен пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, посвящен ее истории, ее победам, успехам советского государства, советской техники, советской науки.

Среди авторов этого номера — Феликс Эдмундович Дзержинский. Журнал впервые публикует важную речь одного из вождей революции и крупнейших хозяйственных руководителей нашей страны.

Среди героев этого номера — революционные моряки 1912 года, красногвардейцы 1917 года, замечательные физики наших 20-х и 30-х годов, наркомы-альпинисты, летчики Великой Отечественной войны, ученые наших дней — строители и защитники земли Советов.

Первый раздел этого номера рассказывает о современной советской науке, проникающей во все области нашей жизни. Во втором разделе — рассказ о событиях великой эпохи Октября и подготовке революции. В третьем — яркие штрихи славной картины строительства и защиты социалистического Отечества. В четвертом — события из истории советской науки.

Дорогу в космос открыл социализм. Перед вами картина космонавта А. Леонова «Восход солнца над планетой Земля».

Этими иллюстрациями (здесь они уменьшены) открываются четыре раздела:

1. Рассказы о современной советской науке...

2. События великой эпохи Октября и подготовка революции...

Ленин с нами

Нашей Великой революции — полвека, по масштабам человеческой жизни — пора зрелости. Отмечая знаменательные даты, мы обычно прикладываем к ним иной масштаб, более точный: 50 лет Советской власти — этап в истории развития человеческого общества. А для истории 50 лет — мгновение... Но за столь короткий исторический срок наша страна прошла гигантский путь борьбы и побед, в ней произошли величайшие преобразования.

Задумываясь о пройденном пути и мысленно представляя себе совершенное, сознаешь, что невозможно исчерпать тему созидания — великое индустриальное строительство, коренное переустройство сельского хозяйства, гигантское накопление материальных ценностей для блага человека, культурная революция.

Все это стало возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. Она положила начало избавлению человечества от эксплуататорского строя, оказала глубочайшее воздействие на весь последующий ход мировой истории, открыла эпоху всеобщего революционного обновления мира — эпоху перехода от капитализма к социализму.

* * *

Этот номер журнала «Знание—сила» открывается портретом Ленина. Вечно живой, Ленин был и останется в веках символом нового мира.

«Во главе партии, руководившей величайшей в истории революцией, стоял гениальный мыслитель, несгибаемый революционер — Владимир Ильич Ленин. Он был идейным вдохновителем и организатором революции. Всю свою сознательную жизнь Ленин отдал революционной борьбе рабочего класса. В новых исторических условиях эпохи империализма он творчески развил теорию марксизма, поднял ее на новую ступень. Ленинская теория революции явилась крупнейшим вкладом в научный коммунизм. Она идейно вооружила партию, рабочий класс в их борьбе против господства буржуазии, за политическую власть. Опираясь на учение К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленин разработал важнейшие теоретические и практические проблемы строительства социализма и коммунизма». (Тезисы ЦК КПСС — «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

«Ленин разработал важнейшие теоретические и практические проблемы строительства социализма и коммунизма»... Многие конкретные указания Ленина, его идеи, мысли воплощены в статьях, книгах, стенограммах речей, деловых записках, декретах Советской власти, партийных документах. Все это огромное богатство ленинского наследства находит свое отражение и в далеком теперь уже плане ГОЭЛРО, и в более поздние времена — планах первых пятилеток, и в совсем близких по времени от нас событиях — Программе КПСС, принятой на XXIII съезде КПСС и в утвержденных этим съездом Директивах по составлению плана развития народного хозяйства в 1966—1970 годах. Ленинские идеи будут вдохновлять нас на решение новых задач и далеко за рубежами XX века.

Мы, современники и очевидцы гигантского взлета научной мысли, подлинной технической революции, — никогда не перестанем удивляться и восхищаться глубоким проникновением Владимира Ильича в различные области науки и техники, ставшие неотъемлемой частью строительства социализма и коммунизма. Вошедшая в историю знаменитая беседа Владимира Ильича с Гербертом Уэллсом в 1920 году символизирует глубокую веру Ленина в будущее советской науки даже в ту пору, когда наша страна лежала «во мгле». Ведь беседа шла вокруг «дерзновенного проекта» (план ГОЭЛРО), который впоследствии стал реальностью с помощью рычага точных наук, находившегося в руках ученых и техников.

И в 1920 году, и раньше, будучи невероятно загруженным важнейшими государственными делами, Ленин находил время систематически заниматься вопросами науки и техники. Он говорил: «Без новейшей техники, без новых научных открытий мы коммунизма не построим».

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунов 30 января 1924 года опубликовал статью, озаглавленную «Отношение тов. Ленина к технике и науке». Эта статья — интереснейший документ, где сжато, почти конспективно соединены многочисленные факты непосредственного участия Владимира Ильича в становлении советской науки и техники. В статье Н. П. Горбунова сказано: «Благодаря непосредственному вмешательству Владимира Ильича, благодаря его постоянной помощи было положено основание и дан ход таким начинаниям, как радиотелефонное строительство с грандиозными перспективами установления связи каждой деревни непосредственно с центром, использование горючих сланцев, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение государственного Электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета в Московском Высшем техническом училище, Сельскохозяйственная выставка. Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технической работы, которое так или иначе не было бы связано с именем Владимира Ильича».

Разумеется, перечень этих начинаний далеко не полный и не охватывает всего диапазона интересов Ленина к науке и технике. С первых шагов Советской власти, в самые трудные годы ее становления, он личным примером указывал своим соратникам, как нужно использовать даже малейшую возможность для приложения научной мысли к практике и одновременно брал далекий прицел, предвидя значение и роль науки в строительстве коммунизма. В уже упомянутой статье Н. Горбунова говорится, что в программу партии, принятую VIII съездом, был внесен при поддержке Владимира Ильича особый абзац. Вот его текст:

«Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и к ее сближению с производством: создание целой сети новых научных учреждений, прикладных институтов, лабораторий, станций опытного производства по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. Российская коммунистическая партия, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с подъемом производительных сил страны».

«Советская власть уже приняла ряд мер, направленных к развитию науки»... За этими скупыми словами кроется титаническая работа, проделанная партией, Лениным, потому что «меры принимались» в ту пору, когда решалась судьба Революции.

* * *

Чем полнее знакомишься с историей советской науки и деятельностью Ленина в ее сфере, тем явственнее ощущается атмосфера Октябрьской революции от ее истоков до наших дней. Такое же неослабное внимание нашей партии к судьбам советской науки, такая же организующая роль партии, как и при жизни Ленина, такая же чуткость к ученым и их нуждам... Заветы Ильича взяты на вооружение всеми советскими людьми. Конечно, несоизмеримы по сравнению с прошлым масштабы и размах советской науки, бесконечно увеличилась ее роль в строительстве коммунизма. Многое изменилось в нашей жизни со времен Ленина — неизменным остался ленинский стиль в деятельности Коммунистической партии.

Десять лет назад, в дни сорокалетнего юбилея Октябрьской революции, в стране произошло большое событие: завершилось строительство Куйбышевской ГЭС. Создание этой станции стало таким же символом эпохи, какими были в свое время Днепрогэс и Магнитогорский металлургический комбинат, а еще ранее Волховстрой, Шатура, Кашира...

Не случайно в дни пуска Куйбышевской ГЭС Г. М. Кржижановский, председатель ГОЭЛРО, вспоминал: «Еще в грозные послеоктябрьские 1919—1920 годы, в преддверии великих работ по плану ГОЭЛРО, Ленин думал об освоении русских рек. В 1919 году Владимир Ильич неоднократно говорил со мной о возможностях энергетического использования великой русской реки ВОЛГА.

3. Картины строительства и защиты социалистического Отечества...

4. События из истории советской науки.

КАК ПОРАДОВАЛСЯ БЫ СЕГОДНЯ ИЛЬИЧ ОГНЯМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ».

В дни пятидесятилетия Великого Октября мы с полным основанием можем повторить: КАК ПОРАДОВАЛСЯ БЫ ЛЕНИН ВЕЛИЧЕСТВЕННЫМ СВЕРШЕНИЯМ В НАШЕЙ СТРАНЕ ЗА ПОЛУВЕКОВОЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Вчитаемся в Тезисы ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской революции: «Строительство коммунизма осуществляется на основе науки»... Мы уже рассказывали на страницах журнала «Знание—сила», как в начале 1918 года Наркомпрос вступил по инициативе Владимира Ильича в переписку с Президиумом Всероссийской Академии наук. Речь шла о привлечении высшего научного учреждения страны к участию в социалистическом строительстве. Академия наук выразила готовность сотрудничать с советской властью, но в вопросе о том, как именно должна помогать Академия народу, в чем конкретно должно выразиться ее участие в работе по развитию народного хозяйства, среди ученых в то время еще не было ясности. Необходимую четкость внес Ленин: его набросок о работе Академии наук, написанный в апреле 1918 года, послужил основой дальнейших планов Академии, позволил разработать организационные принципы, обеспечивающие сочетание фундаментальных научных исследований с решением практических задач. И мы могли бы проследить непрерывную цепь решений Партии и Правительства от ленинского наброска до новой Программы КПСС, в которой подчеркнуто, что мы живем в эпоху, когда наука все больше становится непосредственной производительной силой.

Перенесемся мысленно в московский Дом ученых, где в начале юбилейного 1967 года происходило традиционное годичное Общее собрание Академии наук СССР.

На трибуне докладчик — Главный ученый секретарь Президиума Академии академик Я. В. Пейве. Вслушиваясь в его доклад, едва успеваешь схватить, о чем идет речь: сообщения кратки, в них лишь называется тема работы. Никаких пояснений и деталей. Мы узнаем, что советские ученые только что завершили или ведут исследования:

по подготовке к пуску гигантского ускорителя протонов на 70 миллиардов электроновольт в Серпухове;

по разработке нового метода исследования космических лучей сверхвысоких энергий по радиоизлучению широких атмосферных ливней;

по теории ферромагнетизма кристаллов, содержащих магнитные и немагнитные примеси, и по дальнейшему развитию теории и дисперсии высокочастотного звука в сверхтекучем гелии;

разработан квантовый генератор нового типа, который может быть использован для создания оптических сверхбыстродействующих вычислительных машин;

разработана методика комплексного контроля и защиты турбогенераторов 500—800 тысяч киловатт и гидрогенераторов 500 тысяч киловатт с внутренним водяным охлаждением;

обрабатывается информация, полученная станциями «Луна-9» и «Луна-13», совершившими мягкую посадку на поверхности Луны...

Мы перечислили лишь несколько работ, а ведь докладчик в Доме ученых назвал сотни столь же принципиальных, значительных и интересных исследований, которые ведут сейчас советские ученые!

Нет нужды цитировать слова Ленина, обращенные к молодежи с трибуны III съезда Комсомола: все мы их помним. Знаменательно, что крупнейшие ученые протянули молодежи руку помощи. В 1928 году в «Комсомольской правде» было напечатано письмо профессора Баха рабочим-химикам: «Минуло 40 лет с тех пор как я написал свою книгу «Царь-голод»... Она получилась в результате пропаганды, которую я вел среди рабочих в качестве члена партии «Народная воля», и представляет собой сводку бесед, которые я имел с ними...

На закате дней своих я с радостью продолжаю дело, которое делал в молодости. С удовольствием жду часа, когда встречусь с вами в институте уже не для того, чтобы объяснять вам, что такое капиталистический строй, а для того, чтобы организованно делиться с вами техническими знаниями, которые столь необходимы для социалистического строительства».

Традиция революционеров слилась с традицией ученых: делиться знаниями, чтобы глубже и быстрее воплощались в жизнь ленинские идеи революционного переустройства общества.

Экспериментальные школы при университетах, олимпиады, встречи ученых с молодежью, работы ученых над новыми школьными учебниками, участие ученых в работе научно-популярных журналов — все то, что сегодня получило в нашей стране такой широкий размах, продолжает дело, начало которому положил Ленин: «ДЛЯ УСПЕШНОГО ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА НЕОБХОДИМО БЫЛО ОСУЩЕСТВИТЬ КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ... В трудных условиях культурной отсталости, острой нехватки квалифицированных кадров и средств государство создавало новую систему народного образования, обеспечившую всеобщую грамотность населения, быстрый подъем науки и культуры, воспитание подрастающего поколения в духе социализма». И осуществляя это, «Партия руководилась ленинскими указаниями о том, что социалистическая культура может быть создана на основе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого, всех ценностей мировой культуры...» (Тезисы ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции).

Предоставим слово цифрам:

В 1913 году в России было 136 тысяч человек с высшим образованием.

К концу 1966 года в народном хозяйстве СССР было занято 5.227 тысяч человек, имеющих высшее образование.

Еще более разительно сопоставление количества всех специалистов — как с высшим, так и со средним образованием.

«Если в 1913 году в хозяйстве страны было занято около 200 тысяч специалистов, — говорится в Тезисах ЦК КПСС, — то в 1966 году их было уже почти 13 миллионов человек».

В 1914/15 годах в высших учебных заведениях обучалось 127 тысяч студентов, среди которых большинство было выходцами из дворянской и буржуазной среды.

В 1966/67 году в высших учебных заведениях СССР занималось 4.123 тысячи студентов.

В 1914 году в России насчитывалось 11,6 тысячи научных работников.

В 1966 году их число возросло до 711,6 тысячи человек.

Мы рассказали лишь о нескольких фрагментах той величественной картины, которая открывается перед нашим народом, перед всем человечеством с вершины пятидесятилетия Октябрьской революции.

Вступая во второе пятидесятилетие существования Советской власти, мы говорим:

Высоко подняв над миром зажженный Великим Октябрем факел социализма, советский народ, ленинская партия открыли новую эпоху всемирной истории. Социализм, превратившийся в XIX веке из мечты в науку, в XX столетии с победой Великой Октябрьской социалистической революции стал социально-политической практикой миллионных масс трудящихся.

Мы на верном пути к цели — построению коммунизма, подготовленному всем полувековым развитием советского общества.

От души поздравляем наших читателей с великим праздником!

Только социалистическое общество открывает возможности широкого и планомерного развертывания научных исследований, использования их достижений в интересах человека труда, для успешного решения выдвигаемых научно-технической революцией социальных проблем.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

50 лет Великого Октября — пятьдесят ступеией, которыми советская наука шла вверх. Множеством свершений, открытнй, достижеиий отмечен ее путь. Атомные реакторы, космические корабли, вакциuа против полиомнелита, лазеры, турбины, ситетические материалы — всего ие перечислнть даже на миогих страницах. И зная, что могущество советской иауки, разнообразие ее поисков, проникиовение ее во все области нашей жизни, богатство ее свершений — у всех на глазах, редакция решила в этом, праздничном номере рассказать о сегодняшнем дие, о тех буднях, в которых рождается великое.

Академик Б. М. Кедров — химик по образованию, философ по призванию, один из крупнейших в нашей стране историков науки. Бонифатий Михайлович принадлежит к первому поколению советских ученых, к тем, кто пришел в науку из революции.

МЫСЛИ О СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Наука, говорится в Программе КПСС, становится в наши дни производительной силой. С каждым годом она оказывает все большее влияние на жизнь общества. Великий Ленин предвидел это будущее могущество науки, призывал привлекать ее для решения задач, стоящих перед партией, перед народом.

Как это было? С каким житейским и духовным грузом приходили учиться — в университеты, институты, на рабфаки — люди, еще живущие в иных ритмах, люди, прошедшие гражданскую войну, выросшие и впервые осознавшие себя на фронтах молодой Республики?

— Мне было, — рассказывает Бонифатий Михайлович, — 18 лет, когда я поступил на химический факультет Московского университета. Только что окончилась гражданская война. Для каждого из нас начиналась новая жизнь. Помню, я казался себе вполне самостоятельным, сложившимся человеком. А, может быть, так оно и было? Ведь я начал работать очень рано, в 14 лет. Меня взяла к себе в «Правду» в помощники секретаря редакции — пусть это слово слишком громко звучит для четырнадцатилетнего мальчишки, но именно так это называлось — Мария Ильинична Ульянова. Что я делал? Старался помогать, как умел. Однажды, помню, обрабатывал рабкоровскую корреспонденцию, делал и систематизировал вырезки из газет (наклеивал их на большие листы), когда позвонил Владимир Ильич — я догадался по голосу, — он интересовался, где Мария Ильинична, и попросил позвать ее к телефону. Хотя у нас не было принято спрашивать: «кто просит?», я не утерпел и спросил: «Кто это говорит?» — ответ в трубку: «Скажите, что брат». Я видел Ленина девятилетним мальчиком. Однажды вечером он был в гостях у моих родителей, в Швейцарии, в Берне. Отец мой, старый член партии (с 1901 года) был пианистом. Он весь вечер музицировал, Ленин слушал. Почему-то (должно быть родители кое-что рассказали мне о необычном госте) я очень хорошо запомнил и тот далекий вечер, и наш дом, даже обстановку комнат. Когда этим летом я ездил в командировку в Швейцарию, — зашел в нашу старую бернскую квартиру. Изменилось там все, конечно, неузнаваемо, но тот давний вечер ожил, ожил и человек, молчаливо просидевший весь вечер на диване...

Так вот. Несколько месяцев, с перерывами, я проработал в «Правде». В 15 лет вступил в партию, и с той поры партийная судьба бросала меня в разные углы России. В 15 лет я несколько месяцев был помощником военного следователя, в 16 был комиссаром отдельной роты связи.

Сейчас, оглядываясь назад, можно и повозмущаться: «подумать только, каким соплякам доверялись тогда судьбы людей»! Может быть, и я бы засомневался в правомерности столь ранней ответственности, если бы сам не прошел этого пути. Но к 16 годам я успел многое повидать, о многом задуматься. И потом, я был не один. Мне помогали, меня учили. Я благодарен судьбе за то, что с детства жил среди настоящих большевиков.

...Когда гражданская война окончилась, обнаружилось, что едва ли не главная задача партии — вырастить свои собственные, в том числе научные, кадры. Мне очень хотелось учиться, и я оказался в Московском университете.

Все мы тогда (я говорю о молодежи того времени) рвались к учебе. Учебные планы, программы лекций, темы семинаров — все тогда обсуждалось на диспутах и собраниях и решалось демократически — большинством голосов. Причем одна треть этих голосов принадлежала представителям студенчества. Такой был тогда порядок.

Мы чувствовали, как многое предстоит сделать нам, практически первому выпуску советских специалистов. Пожалуй, мы первыми перешли тот невидимый рубеж, который в те годы разъединял науку — в лабораториях, на заводах, в университетских аудиториях. И у нас на глазах — это было впечатляюще и поучительно — совершился поворот деятелей науки к новой власти, к тому мировоззрению, которое она несет. В среде старой интеллигенции вспыхнул интерес к марксизму: оказывается, разобраться в том, что происходит, можно с помощью уже существующей и, главное, развивающейся, воплощающейся ежедневно в жизнь — теории. Да! Старое поколение ученых постепенно начинало понимать, насколько точен был Луначарский, когда, выступая в 1924 году перед научными работниками Казани, он утверждал: «Маркс не говорил «я встал на точку зрения пролетариата и пришел к научным выводам», он говорил: «я пришел к научным выводам и вследствие этого встал на точку зрения пролетариата».

К 1928—30 годам завершился этот процесс: в науку пришли первые советские специалисты и одновременно по-настоящему начали работать, поняв и признав новую власть, те, кого тогда по ставшему уже привычкой приему сокращения слов называли «спецами».

Бонифатий Михайлович, что, по Вашему мнению, наиболее характерно для успехов советской науки с чисто человеческой стороны? Не только научные, но и человеческие итоги прошедших 50 лет...

— Советский народ прошел за эти годы путь, на который капитализму понадобилось бы 200—300 лет. Так вам ответит любой школьник-старшеклассник. И будет прав. Но он вряд ли сумеет точно рассказать об условиях, в которых мы прожили эти 50 лет. Я имею в виду не только нашу внутреннюю историю. Я имею в виду историю науки.

Изменилось ли что-то в науке после английской буржуазной революции? Отсчитайте первые 50 лет — да, изменения есть, но они нарастают медленно, незаметно. Дальше. Великая французская революция — еще 50 лет. Перекрывается карта Европы, льется кровь, Наполеон пытается диктовать свои требования старой науке. А она? Она невозмутима в своем академическом спокойствии.

А если начать отсчет с 25 октября? Что происходит в это время в научном мире? Разрушается классическая физика, вот-вот треснут по всем швам старые взгляды на фундаментальнейшие законы естествознания. Идет XX век, предлагая миру совершенно невиданные темпы развития. Химической атомистике 150—200 лет, ядерной физике лет 50—60. Воздухоплаванию — 100, астронавтике 10. Скорость событий спрессовывается в современной науке в 5—10 раз по сравнению с XVIII и даже XIX веками. С чем можно сравнить эту головокружительную стремительность?

Представьте: человек в один прекрасный день узнает, что отныне в силу разных — не важно каких — условий ему предстоит жить в среднем не 70, а 7 лет. Как бы изменился ритм его жизни? В год ему—10 лет. В три — он зрелый человек. И все надо успеть, понять, почувствовать, сделать. Уплотнить жизнь? Но как? Ведь еще никто в мире этого не знает, не знает, как приступить к решению таких задач.

Приблизительно сходные ощущения возникают, когда задумываешься над судьбами развития современного научного знания. Время одной человеческой жизни вмещает теперь по своим масштабам то, на что раньше требовались целые эпохи...

Перед Советской республикой стояли две неслыханные по трудности задачи: овладеть всем тем, что уже было сделано на Западе, и одновременно тут же включиться в марафонский научный бег, приноровиться к тому новому, что пришло в мир, к тому, что мы называем современной научно-технической революцией.

Конечно, нельзя утверждать, что в Советском Союзе наука начиналась почти на пустом месте. В истории случаются такие парадоксальные разрывы, когда чрезвычайно отсталая в технико-экономическом отношении страна вырывалась в научном отношении далеко вперед и даже обгоняла самые «передовые» страны мира. Бутлеров с его химико-органической школой, Менделеев с его периодическим законом, математическая школа, биология — в этих областях в России были сделаны открытия мирового значения. Но все это были отдельные школы, отдельные островки; реальных условий для широкого развития науки в царской России не было. Академия наук была нежизнеспособна, университеты слабосильны.

А между тем XX век требовал уже иного подхода к науке. Обособленные науки не могли уже решать новые задачи, требовалось их взаимодействие, взаимное проникновение. В конце XIX в. Энгельс предрек поражение тому методу, который можно назвать «островным изучением». Надо было суметь предвидеть, что в ближайшие десятилетия наука превратится в разновидность индустриального труда, с его массовостью, подчинением единой цели и, главное, разделением труда. А предвидя, действовать, налаживать новые методы организации науки.

И новые методы пришли, пришли с революцией, пришли с новыми людьми. Пришли с новым, непривычным для старой России бережным отношением к ученым, с уважением к тем знаниям и научным идеям, которые аккумулировались у наиболее выдающихся представителей науки.

Очень скоро после революции начали создаваться научно-исследовательские институты. К ним-то и перешла постепенно ведущая роль в развитии фундаментальных исследований. Это был небывалый в истории мировой науки прогресс. Небывалый по своему замаху, по своим реальным масштабам, даже если угодно, по самой географии науки. Сеть научных центров начала пронизывать всю страну.

Вряд ли здесь имеет смысл рассказывать о вещах общеизвестных. Мне хотелось бы подчеркнуть здесь только одно. Наши научные методы, наши традиции начали складываться в 20-е годы. Сейчас, спустя десятилетия,

нельзя не обратить внимание на то, какое огромное влияние оказали они на методы развития науки в других странах мира. Может быть, мы даже недооцениваем подчас силы и значительности своего влияния. Но факт остается фактом: наши, советские формы планирования научных исследований, методы развития отдельных отраслей в масштабе всего государства после второй мировой войны были приняты почти во всех промышленно-развитых странах. Почти во всех послевоенных преобразованиях в истоках — опыт Советского Союза.

Бонифатий Михайлович, коль скоро речь зашла о проблемах организации науки, скажите, пожалуйста, какие исследования Вы включаете в число наиболее принципиально важных и необходимых для дальнейшего прогресса советской науки? Или, может быть, так — итоги прошлого опыта, которые следует учитывать и развивать в будущем...

— Я уже говорил о том, что в первые годы после революции у Советского правительства сложилось точное представление о том, что несет с собой наука. Эта политика была как бы предвидением того, что вскоре научное знание станет мощным преобразующим фактором, будет оказывать влияние на все сферы общественной жизни.

В последние 15—20 лет такое время действительно наступило. Наука грандиозно расширила сферы своего «влияния». Что будет дальше? По какому пути пойдет развитие науки? Как ее планировать и можно ли ее планировать вообще? Можно ли предсказать заранее цель главных научных стратегических ударов? Можно ли, зная нынешние температурные кривые науки, вычислить будущие «горячие» точки роста? И если можно хотя бы приблизительно, то с какого конца браться за решение всех этих проблем?

Что вызвало к жизни в XVIII веке классическую политэкономию? Усложнение функций управления материальным производством. А сейчас, что происходит в результате нового скачка? У нас на глазах еще не родилась даже, рождается совершенно новая область исследований — наука о науке, науковедение, наукознавство, как называют это направление поляки. В сущности перед человечеством встает сейчас проблема — познать законы своего знания. Да! Но такая постановка вопроса правомерна, если знание действительно подчиняется особым законам.

В сознании историков науки, а я отношу себя к их числу, происходит сейчас странное смещение. Многие из нас только-только начинают понимать, насколько актуальна становится сейчас для развития науки наша профессия. Чем раньше занимался почтенный историк науки? «...а потом Гумбольт поехал в Сибирь. В селении X он остановился на ночлег, где и купил у хозяйки постоялого двора шубу на лисьем меху». Любопытно? Может быть! Полезно для понимания современного состояния знания? Ничуть! Но зато настоящая седая старина. На то, что происходило в науке за последние 20—30 лет, историки науки до сих пор не обращали ровно никакого внимания — разве это история? Это вчерашний и даже сегодняшний день! И вот в самые последние годы неожиданно оказалось, что этот-то «вчерашний день», и я не боюсь сказать — сегодняшний и даже завтрашний день, — и есть самая для нас сейчас наинеобходимейшая история, основа для возможности предсказания будущего.

Вероятно, и 100 лет назад можно было предвидеть — в какой-то степени — во что выльются через несколько десятилетий те или иные научные открытия. 50 лет назад сделать такой прогноз было уже труднее. Сейчас темпы ускорились настолько, что любое предсказание почти совпадает по времени с его осуществлением. Что же делать? Может ли человечество позволить себе пустить науку на самотек, если оно вкладывает в нее огромнейшие людские, духовные и материальные средства? Перед нами возникают контуры будущей гигантской работы — научиться прогнозировать науку на основе неких, пока еще не познанных законов ее развития. Мне хотелось бы подчеркнуть, что такой подход — ставка на разработку объективных законов развития — свойствен пока только советской школе историков науки. Американцы, к примеру, предпочитают эмпирические приемы исследования. У них хорошо разработаны кривые роста науки. Они любят опросные листы. Скажем, сотня ученых опрашивается: что, по их мнению, случится в науке через 30 лет? На основе их ответов составляется своеобразный киносценарий. Но сценарий этот грешит крайней субъективностью: ведь каждый говорит только о своем. Один о мантии, другой — о пресной воде, третий — о демографических проблемах. Получается не прогноз, которым можно руководствоваться, а некая возможная картина мира будущего.

А нам нужно знать законы, чтобы опираться на них. Значит, нужен комплекс исследований, вначале их должна вести небольшая хорошо сложенная группа специалистов. Нужно вплотную заняться проблемами научно-технической революции, вопросами логики развития науки, разработкой организационных форм развития науки, логической и психологической сторонами того, как делается отдельное открытие.

Бонифатий Михайлович, простите, что я Вас перебиваю, но, несколько утрируя суть того, о чем Вы рассказываете, правомерно ли сделать такие выводы: если со временем будут познаны законы развития знания, открытия в науке перестанут быть неожиданностью, они станут, как выразился кто-то из крупных ученых, «хорошо организованными случайностями»?

— Пока мы можем только мечтать о таких «хорошо организованных случайностях». Познание психологии научного творчества все еще остается тайной за семью печатями, несмотря на то, что вроде бы и проводятся конференции, и издаются монографии, статьи, сборники, и ведутся комплексные исследования. В прошлом году на Всемирном конгрессе психологов в Москве мы попытались созвать секцию психологов — историков науки, которые занимаются вопросами научного и технического творчества. Собралось что-то человек 15 (а делегатов было около полутора тысяч), из них только четверо интересовались вопросами научного творчества. В мире почти нет специалистов, целиком посвятивших себя этой проблематике.

А между тем каждое крупное открытие, каждый ученый, сделавший важное открытие, должны стать предметом самого пристального исследования. Ученый, сделавший открытие, — это как бы «пациент» для психолога и историка науки. С помощью таких «пациентов», накапливая статистику, нужно попытаться разобраться в механизме процессов научного открытия. Ведь сам ученый с его личными свидетельствами, но без квалифицированного изучения, далеко не всегда может разобраться в том, как он совершил свое открытие. Больше того. Часто его статьи, публичные лекции, разъяснения, мемуары создают иную картину, которая сложилась у него уже после завершения самого открытия. Я столкнулся с этим фактом, когда занимался научным архивом Менделеева. В печати Менделеев сообщал лишь о результатах, а не о ходе, не о процессе того, как произошло создание периодической системы элементов. И я понимаю, почему так случилось: он старался логично изложить то, что нашел, и при этом вовсе обходил самый ход творческого процесса.

Мне кажется, в последнее время (это мое личное мнение, и его могут разделять далеко не все) забрезжила, наконец, надежда как-то подступиться к изучению этой проблемы. Вот с какой стороны.

Всякое открытие — это преодоление своего рода «барьера», возникшего в сознании ученых, «барьера» привычных представлений. В нашем мозгу в силу сложившихся традиций воспитания, образования создается своеобразный аппарат, способствующий образованию стандартных барьеров. Например, до Менделеева все химические элементы сводились в группы и не было, казалось бы, повода и необходимости к тому, чтобы свести их в единую систему. Эта привычка и превратилась в «барьер», мешающий увидеть назревшую задачу. Преодолевать такой барьер трудно, но необходимо. В этом и состоит с психологической стороны самый акт научного открытия. Нужно с этой стороны изучить механизм научного открытия, выяснить, как вырабатывается умение освобождаться от привычного.

То есть, все-таки, Бонифатий Михайлович, научить совершать открытия?

— Ни в коем случае. Как ни обидно, но это, очевидно, невозможно. Но кое-что подсказать наукознавство, я думаю, со временем сможет. Например, подсказать, что бессмысленно несколько лет биться головой напрямик в глухую стенку, когда нужно обойти ее, чтобы войти через дверь, которую пока что люди не видят. Если у вас в ручке кончились чернила, вовсе незачем по инерции два часа искать запропастившийся пузырек, чтобы зарядить ручку. Надо просто взять карандаш и продолжать писать. Вот такую систему подсказок и придется, возможно, выработать в будущем.

Но для этого необходимо провести массу самых разнообразных исследований и экспериментов, опросить многих «пациентов», детально изучить работу различных институтов и лабораторий. Анализ особенностей творческой деятельности требует специального изучения не только с точки зрения познавательных способностей отдельной личности. А мотивационная сфера, а отношение к собственным влечениям? А система ценностей, которыми она руководствуется?

Все здесь важно и заслуживает самого пристального внимания. Настроение ученого утром, путь на работу, динамика рабочего дня, возраст сотрудников, характер начальства... Что плодотворней: однообразный, раз и навсегда заведенный ритм работы или система неожиданностей? Тут встает еще один, пожалуй, самый существенный вопрос. Кто всеми этими исследованиями должен заниматься? Психологи? Философы? Социологи? Историки науки? Да, конечно. И они тоже. Но для глубинного проникновения в проблему их знаний мало. Тут нужно разбираться и в самой науке, знать предмет.

Всем этим я хочу подчеркнуть, что сейчас появилась нужда в специалистах совершенно особых, способных охватить проблему комплексно. Нужны новые люди со своими взглядами и пониманием сложности и важности новых задач.

Может показаться, что я несколько увлекся, отошел от главной темы разговора. Но это тот круг задач, которые стоят сейчас перед нами.

...За прошедшие полвека советская наука добилась выдающихся успехов. И это не только успехи отдельных идей, экспериментов, гипотез — это блестящие достижения самых ведущих, самых основополагающих отраслей современной науки: математики, физики, космики, химии, биологии, медицины.

...В этом году мы, ученые, не просто подводим научные итоги, мы заглядываем в будущее. И размышляя о том, как наиболее рационально организовать это будущее, мы верим, что советской науке предстоят великие и добрые дела.

От строения атома — до капризов погоды. Усилиями советских ученых, инженеров, изобретателей, заботой Коммунистической партии научные исследования в нашей стране подняты на самый высокий уровень, технические и научные достижения внедряются во все области жизни.

Владимир ОРЛОВ

Среднерусские пейзажи

Мы стояли на одном из холмов Валдайских высот. Под ногами вдали синело озеро, и на нем—архипелаг островов, и на самом большом острове — Иверский монастырь с белокаменными башнями, отражающимися в воде, словно сказочный град Китеж. Метеоролог обвел рукою небо: «Вот он, бесконечный спектакль, где все мы зрители поневоле. Сцена — нижние слои атмосферы; действующие лица — воздух и вода, а костюмы — туманы, облака, дождь, снег... Пьеса пишется Солнцем, постановка разнообразится вращением Земли... Театр погоды, мистерия стихий...».

Спору нет, спектакль богатый, но места для зрителей скверные: как ни вертись, как ни тяни шею, видишь только краешек неоглядного действия, разворачивающегося по всей планете, так что трудно уловить сюжет. Похвалившийся нарисовать портрет погоды может очутиться в положении члена экспедиции муравьев, которой поручили описать слона. «Слон — это колонна», — сообщает один. «Слон — это шланг», — докладывает второй. «Слон — это лист», — доносит третий муравей. Все они заслуживают уважения, каждый честно описал, что видел: ведь один из них прополз по ноге, другой — по хоботу, третий — по уху, похожему на лопух. Нужен кто-то главный, кто, собрав все донесения, составит цельный портрет слона.

Такой главный в метеорологии есть. К нему сходятся впечатления многих зрителей, сведения с многих тысяч метеостанций, разбросанных по всей стране. И из россыпи разноцветных замет постепенно вырисовывается на карте скорбный лик ненастья. Метеорологи пронзительно вглядываются в эти капризные черты и стараются угадать и предвычислить, куда клонится настроение: пройдет ли хмурь и проблещет солнечная улыбка или хлынут, прольются ливнями слезы.

Вот и в большой экспедиции Главного управления гидрометеорологической службы, в этом научном эксперименте, о котором я пытаюсь здесь рассказать, принимают участие сотни людей. Здесь содружествуют коллективы Центральной аэрологической обсерватории и Государственного гидрологического института.

Рядом с нами на зеленой пасторальной лужайке, среди стада резвящихся телят возвышался фургон радиолокатора. Параболоид его антенны резво поворачивался на крыше, как бы обозревая местность. Тут работает ученый В. Костарев — один из пионеров применения радиолокации в метеорологии.

Я и раньше наблюдал работу метеорологических радиолокаторов, правда, в относительно простых стандартных экспериментах, сохранивших черты первоначальных схем авторских свидетельств В. Костарева. Из ангара вывозили зонд — аэростат, упрямящийся на ветру. Он взмывал в высоту, и чаша радиолокатора начинала поворачиваться вслед его подъему, в каком-то гипнотическом влюбленном движении. Так цветок подсолнечника следует за солнцем. Автоматы, спрятанные в фургоне, успевали при этом описывать на языке цифровых колонок полет шара, погружавшегося в русла воздушных рек и тем самым отмечавшего их течения. Радиоволна, испускаемая локатором, ныряла в небо, отражалась от зонда и эхом возвращалась на землю. Ее улавливала чуткая антенна. По запаздыванию эха измерялись высота и скорость полета, быстрота воздушных рек, увлекавших зонд. Человеческое видение словно расширялось.

Предсказателям вечно не хватает данных. И синоптики шлют и шлют гонцов за кулисы действия. Взлетают шары и ракеты, поднимаются в воздух самолеты. Перед летчиками раскрывается машинерия ненастья — проплывают рядом снежноголовые облака и дожди свисают с них стеклянными бородами. Есть, однако, надменные облачные крепости, не доступные самому могучему самолету. Гордо высятся мрачные бастионы природы — грозовые тучи, грозные облачные башни. И хотя и нет здесь твердокаменных стен, о которые мог бы разбиться самолет, а построены они из нежного тумана, — все равно приближаться к ним опасно. Внутри башни ураганом бьет неукротимый воздушный фонтан, достигая стратосферной выси. Он подхва-

тит, втянет, закружит самолет, и тот сгинет, как моль в пылесосе. Были летчики, которые ныряли в грозу, принося оттуда сдержанные отчеты и красноречивые повреждения: трещины в броневом металле, фюзеляжи, пробитые градинами, крылья, опаленные молнией.

Но науке необходимо пробраться в башню, в эту адскую кухню ливней и града, в эту кузницу грома, где из ветра и капель образуется дьявольский механизм и мечет просверками непонятный генератор молний. Ученые призывают на помощь эхо. Прощупывают облака радиолокатором. Радиолокатор прекрасно распознает всех действующих лиц, играющих в спектакле погоды, если только они облачены в свои традиционные костюмы. Туманное тело облака дает слабое эхо, но радиоволны прекрасно отражаются от дождя, снега и града. Когда радиоволна настигает ливень и эхом возвращается обратно, на экране появляются зыбкие зубчики, похожие на шевелящуюся травку: так дает о себе знать текучий и складчатый шлейф дождя. Как ни странно, но снег отражает радиоволны хуже, они словно глохнут в мохнатых снежинках, так что эхо от снега раз в пять слабее. Зато град буквально «сверкает» в радиоволне. Выходит, что каждый артист спектакля дает на экране радиолокатора свою, особую отметку. Радиолокаторы обмеривают грозовую башню сверху донизу, обшаривают все ее этажи, как бы просматривая насквозь ее громовую машину.

Ученые много поработали, чтобы превратить радиолокатор из прибора для обнаруживания целей в инструмент исследования и познания строения дальних объектов. Особенно красиво работают радиолокаторы с экранами кругового обзора, рассылающие в разные стороны миллионы всплесков радиоволн и ловящие миллионы ответных эхо. На экранах из световых сигналов эха, как из камешков мозаики, слагается телевизионное изображение, на котором видны процессы, протекающие на необозримом пространстве.

Мне показывали фотографии с локационных экранов — эпизоды борьбы с грозами в плодоносной Алазанской долине. В первом кадре был запечатлен с гравюрной тонкостью патетический силуэт грозового облака, напоминающего вздыбленного коня. На такие облака виноградари глядят с опаской. Они могут пальнуть по виноградникам ледяной картечью, нанеся убытки в миллионы. Оператор, вглядываясь в процесс, снизил чувствительность локатора. Силуэт облака померк, но зато отчетливо проступили его яркие детали. Так сквозь темные очки выделяется во всех подробностях пламенный очаг домны. Где-то в верхних этажах клубящейся башни сверкала дроболитейная мастерская грозового облака — его градообразующая зона. На нее уверенно навели градобойные ракеты. Заключительная серия кадров показала разгромный итог залпа. Хлынул ливень! В сердце облака образовалась каверна. Оно стало распадаться, призрачно редея, припадая к земле, словно цирковая лошадка, которую ставят на колени.

Радиолокатор на Валдайском холме занимался, быть может, менее романтическим, но не менее важным народнохозяйственным делом. Он стремился учесть и подсчитать осадки. Это нужно для предсказания погоды, для планирования водоснабжения и судоходства, предвидения паводков, обрисовки перспективы будущих урожаев. В нашем опыте участвуют, проверяя работу локатора, сотни людей, измеряющих дожди муравьиными, дедовскими способами. Они собирают данные для карты дождей с огромных просторов полигонов, на которых разбросаны, словно узелки широкой сети, калиброванные ведерки — дождемеры. Наблюдателям нелегко. Им приходится двигаться по строгому графику, от ведерка к ведерку, заполняемому дождем, пробираться по болотам и чащам двадцать пять, а то и тридцать километров в день. Сеть ведерок, как и всякая сеть, подвержена превратностям рыбацкого счастья. Дождь порою ускользает из сети, словно рыба между узлами невода. Говорят, что в прошлом году здесь разверзлись хляби небесные, хлынул ливень, какие хлещут раз в столетие. Он размыл обочины шоссе, снес деревенские мостики, но каким-то шальным манером ухитрился не попасть в ведерки, так что метеосеть его не зарегистрировала. Официально ливня не существовало.

С радиолокатором подобные шутки невозможны. Мы влезаем в фургон, тесноватый от сложного оборудования. Постепенно прозревая в темноте, замечаем светящийся радиолокационный экран. Вначале мы, как говорится, осмотрелись вокруг. Радиолуч обметал близлежащее пространство, и земля не осталась безответной, откликалась разнообразным эхом. Откликались крыши, холмы и те самые озера, которые синели вдали. На экране засветилось нечто вроде плана города Валдая с прилегающими к нему озерами. Мне было дозволено потрогать переключатель, расширяющий обзор. Местные предметы начали сбегаться к центру экрана, стеснились в точку. Теперь радиолуч обметал пространство, вдвое большее, чем великое герцогство Люксембургское, — пять тысяч квадратных километров. Луч чертил по краю небосвода, и ему привольным эхом отвечало небо. На экране проступили неправильной формы кляксы. Это были дожди, шумящие на необозримом просторе. Я увидел как бы в плане, в сечении хрустальную колоннаду дождей, подпирающую небосвод.

Был включен автомат, производящий инвентаризацию дождевого хозяйства, — в общем-то простая штука, ступенями уменьшающая чувствительность локатора. Изображение беднело деталями. Первоначально с экрана смахнуло мелкую морось, отзывающуюся слабым эхом. Затем стерлись дождички, дожди, продолжали держаться одни ливни. Кинокамера фиксировала ступени исчезновения. А по кинокадрам бригада валдайских школьниц, обученных вычислениям, подсчитывала щедрость низвергающихся потоков.

Казалось бы, просто, наглядно, здорово! Но наука щепетильна, осторожна в выводах. Соответствует ли мощность небесного водопада силе его эха? Не всегда! Ведь сверкание люстры зависит не только от массы хрусталя, но и от огранки ее подвесок. Так и радиоблеск гигантских люстр дождя, свисающих с небес, зависит не только от мощи низвергающейся воды, но и от сложностей капельной структуры. И это лишь один из факторов, привносящих элемент приближения в радиолокационный метод измерения осадков. Но метеорологи не думают отступать от попыток совершенствовать метод. Ведь радиолокация — это новый глаз человечества. Кто же станет отказываться от глаза?

Метеорологи учатся все увереннее читать то, что светится на радиолокационном экране, отличать реальное от призрачного. Они шутят, что нынче привидения покинули старинные замки и переселились на радиолокационные экраны. Недавно одна из станций штормового предупреждения известила о грозах, двигающихся на Москву. Но то не были грозы, а только радиопризраки гроз — эхо отражалось от «термиков» — перегретых слоев воздуха, обладающих иною плотностью.

Мне приятно было побеседовать со специалистом по радиопривидениям, молодым ученым А. Черниковым. «По небу полуночи ангел летел...», — улыбаясь, цитирует он лермонтовскую строчку и показывает снимок с радиолокационного экрана. Вот оно, таинственное «ангел-эхо», — знаменитый радиопризрак, смущающий умы не меньше, чем пресловутые «летающие тарелки»! Радиолокатор ловит в небе эхо, но при этом телескопы не видят ничего — одно прозрачное небо. Словно и впрямь пролетел ангел! Конечно, всерьез подобного предположения не строят даже зарубежные ученые, которые ввели этот термин в обращение. Вероятно, это эхо от объемов воздуха с повышенной влажностью, всплывающих вверх, как гигантские пузыри. Что поделаешь, нет для ангелов места в небе!

Мне показывают прекрасный снимок с экрана — мизансцену трагедии стихий. Я воочию вижу плащ, в который закутывается буря, — спиралевидные складки ливней, простирающиеся на многие километры. В центре — черное пятно, словно птичий глаз среди белого оперенья. Это «глаз бури» — зона драматического затишья, многократно описанная маринистами разных стран. Ревет буря, ураган завивается гигантской баранкой, в середине же, как дырка в бублике, — зона ясного неба и тишины. Корабли-исследователи с огромным риском прорывают кольцевую стену шторма, чтобы проникнуть в «глаз бури». А теперь можно заглянуть ей в глаз запросто сидя в комнате у экрана.

В балладе Шиллера царь бросал в волны кубок, а юноша нырял в пучину и возвращал его обратно. Во второй раз он не вернулся. А эхо совершает то, что не в силах сделать даже герой баллады. Из кипения стихий оно возвращается назад и приносит нам нечто более ценное, чем кубок, — вооружает нас знанием для борьбы со стихией.

Развивающие радиолокационную метеорологию, в том числе и те ученые, которых повстречал я на высотах Валдая, несомненно, стоят у истоков большого дела. Я прощался с ними в полной убежденности в этом. Чаша радиолокатора продолжала свое головокружительное вращение. В необъятное поле ее обзора, вероятно, попадали символические достопримечательности Валдайских высот, — может быть, и тот животворный родничок, из которого зачинается Волга.

II

Русский город Серпухов упомянут еще в древнем свитке завещания Ивана Калиты и имеет героическую историю. Его крепости-монастыри, и массивные дозорные башни, и таинственные подземные ходы составляли несокрушимый оплот и дозор Московской Руси, о который разбивались орды иноземных захватчиков. Впрочем, не только памятниками прошлого, руинами седой старины манит к себе серпуховская земля, но и стройками нынешними, нужными сегодня и имеющими отношение к грядущему. На одной из приокских высот близ города воздвигается величайший в мире телескоп.

Сознаюсь, что телескопы представляются мне наиболее поэтическими инструментами науки. Словно давнее романтическое видение, помню мощный оптический телескоп и его трубу, торжественно воздетую к амбразуре в тихой башне с куполом, залитым лунным светом и похожим на сказочную голову, с которой сражался Руслан. В глубине трубы темнело зеркало, отражавшее сгустившуюся черноту неба и мерцающую россыпь звезд. Я увидел в нем диск, зыблющийся в очертаниях, как монета на дне колодца, и узнал далекую планету.

Но наука ушла вперед... И теперь я еду в Серпухов, твердо зная, что запавшее в душу зрелище звездной бездны, многократно углубленное зеркальной чашей, было бедным и неполным. Тот оптический телескоп глядел на небо через узкую амбразуру не только в прямом, но и в более сложном, переносном смысле: в протяженном спектре космических сигналов, долетающих до нас с небес, световые волны занимают узкую щель, не шире одной октавы. А примерно десять октав занимают радиоволны. Выходит, что классические телескопы, несмотря на всю свою мощь, прорубают во Вселенную только узенькое «окошко». Сквозь него заметны лишь те преобразования материи, при которых испускается свет. А сложнейшие движения материи, при которых излучаются радиоволны, остаются незамеченными. Грандиозные механизмы Вселенной утопают во мраке, и видеются одни их светящиеся детали, словно цифры и стрелки на фосфорных часах.

Оптический телескоп можно грубо сравнить с таким слуховым аппаратом, который из всех инструментов оркестра доносит лишь какие-то флейты. Сегодня этого мало. Симфония мира не может вместиться в пределы одной октавы, — так однажды известный советский физик сформулировал главную беду оптической астрономии.

А поэтому бок о бок с оптической астрономией развивается радиоастрономия.

По дороге, неуклонно поднимающейся вверх, а затем переходящей в небольшой серпантин, мы взбираемся на плоское плато, где ведется строительство Радиоастрономической обсерватории Физического института Академии наук СССР. И сейчас же встретил инструмент словно из научно-фантастических романов. Громадная, обращенная к небу чаша медленно поворачивалась, одновременно накреняясь, на вершине приземистого и массивного постамента, напоминающего орудийную башню линкора. Это циклопический радиоглаз, ищущий незримую звезду — параболическое зеркало радиотелескопа, собиравшее радиоволны на маленькой антенночке-диполе, помещенной в его фокусе, как хрусталик взаправдашнего глаза собирает световые лучи на сетчатке. Он имел благородную матовую поверхность, потому что металлические зеркала для радиоволн не нуждаются в полировке. По размерам оно в четыре раза превосходило зеркало крупнейшего оптического телескопа на горе Паломар и могло бы вместить просторную танцплощадку. Радиотелескоп выглядел внушительно, но мы догадывались, вспомная фотографии, мелькнувшие в газетах, что это скорее всего, хотя и точный, но сравнительно небольшой инструмент. Зеркало большого серпуховского имело размеры в километр.

Научный руководитель строительства радиотелескопа В. Виткевич широким жестом пригласил нас оглядеться вокруг, словно желая познакомить с окрестностями. Мы, признаться, немного растерялись. Когда ищешь глазами современный телескоп, ожидаешь встретить нечто напоминающее машину, а быть может, и нечто более монументальное, чем машина, что-то вроде здания. Но то, что представил нам ученый своим объединяющим жестом, было слишком крупным, чтобы слыть машиной, слишком масштабным, чтобы казаться зданием, — это был своеобразный пейзаж. Перед нами развертывался искусственный ландшафт, созданный из ажурной стали, простирающийся во всю ширь необозримого пространства, от горизонта до горизонта.

Тридцать семь высоких кружевных мачт, постепенно уменьшавшихся в перспективе, выстроились в ровную шеренгу, растянувшуюся на километр. На вершине каждой мачты — параболическая ферма, похожая на полумесяц, венчающий минареты, только необычных размеров — сорок метров расстояния между рожками. Еще одно ажурное полотно, тоже километровой длины, крестообразно пересекалось с линией мачт. Они вместе образовывали исполинское чувствилище большого серпуховского радиотелескопа, его подвижное и неподвижное зеркала, симметричным крестом перекрестившие поле.

Необычный праздничный звук, льющийся ниоткуда, льнул к ушам, подступая со всех сторон. Слышался как бы финал хоровой кантаты, неистощимый и нескончаемый унисон. В нем присутствовали нежная светлота детского хора и особая торжественность, рождаемая многогласьем. Я украдкой обвел глазами небо, словно купол, под которым ищешь скрытые голоса. В высоте между полумесяцами парабол мерцало какое-то марево, паутинные нити серебристой и легкой сети. Нити-проволоки убегали вдаль, цепляясь за параболы. На вершинах мачт образовывало параболический желоб из многих проволок — подвижное зеркало радиотелескопа длиной в километр. Вдоль всей линии тянулась 431 проволока, 37 парабол разделяли их на 15 516 одинаковых струн. Получалась грандиозная арфа Эола, вознесенная в небесную лазурь, и весенний ветер пел в ее струнах.

Неподвижное зеркало сконструировали иначе. Десять тысяч проволочных парабол образовывали желоб, столь просторный, что внутри незаметно и свободно пролегла железная дорога, помогающая обслуживать телескоп. Сквозь муаровое кружево проволок проступала панорама русской природы. В этом легком и сквозном царстве парабол возникала своя красота. Геометрия становилась архитектурой. Покоряла гармония конических сечений, та, что радует глаз в гиперболической Шуховской башне, ставшей символом советского радио и украсившей силуэт Москвы.

Вдоль фокальных линий параболических зеркал-желобов на фарфоровых изоляторах подвешены цепочки антенн-вибраторов, всего 512 антенн. Зеркала концентрируют на антеннах прилетающие слабые радиоволны, и антенны, электрически возбуждаясь, начинают действовать в унисон, словно струны, поющие на весеннем ветру. От антенн отходят кабели и, скользнув сквозь полый бетонный фундамент, под землей подползают к домику, где находятся радиоприемные устройства и органы управления телескопом.

Главному конструктору радиотелескопа П. Калачеву не пришлось заботиться об устройстве поворотной оси для такой махины. Ею стала ось самой Земли. Земной шар вращается, вместе с ним поворачивается серпуховское поле, распростертое на крутом боку планеты, и созвездия проносятся мимо, как огни в вагонном окне.

Чтобы ориентировать телескоп, одного поворачивания мало, нужны наклоны. В подвижном зеркале они совершаются механически, по дистанционному приказу. Полумесяцы парабол наклоняются множеством электромоторов, столь синхронных, что они образуют как бы единый электрический вал километровой длины. Он точнее и надежнее любой металлической оси, потому что даже самая почтенная ось такой длины неизбежно скрутится и будет стремиться превратиться в жгут. Оператор, сидя в домике, нажал кнопку, моторы заработали, параболические фермы пришли в движение, весь гигантский желоб стал менять свой наклон, но столь медленно и неощутимо, как ползет минутная стрелка. Лишь еще раз подняв глаза, я увидел, что ажурный силуэт телескопа существенно изменился, незаметно и исподволь, как меняются облака.

Замечательно, что неподвижное зеркало, не трогаясь с места, тоже сможет изменять свой «наклон». Электрическая перестройка в цепочке его антенн окажется равнозначной его наклону. Схему этой тонкой перестройки создал Ю. Илясов.

Оба зеркала обеспечивают такую остроту радиозрения, как одна параболическая чаша диаметром в километр. Величайший в мире телескоп не подобен схеме глаза. Но не все живое видит глазом. Разве мало в мире существ, ощущающих свет кожей, телом? В чем-то им подобен серпуховский гигант. Он улавливает волны телом, протянувшимся на земле, он глядит и чувствует полем. Полюшко-поле, уж второй раз зовет к богатырским свершениям твой бескрайний русский размах!

Оговоримся сразу же, слово «видеть» мы употребляем условно. Молодые операторы, работающие в домике, лишены возвышающего зрелища звездного неба. Но их вполне устраивает и кривая радиосигналов на бумажном рулоне, которую с графоманским прилежанием тянет вслед за движением телескопа автоматический самописец. Кривая полна зубчиков. Мелкие редкие зубчики — это следы помех, лезущих в телескоп, автографы радиошумов, порождаемых толковой и бестолковой человеческой деятельностью. Операторы что-то ищут в чаще зубчиков, как ботаники, выискивающие редкий росток среди сорной травы. Они ищут автографы радиосигналов, пришедших из космоса.

К ночи затихают радиопомехи, и в наставшем радиобезмолвии до Земли доносятся грохоты галактик, нарождающихся и гибнущих звезд. Так в ночной тишине становятся слышимыми гудки паровозов, смутный шум вдали идущих поездов. Я взял в руки бумажный рулон, исчерченный кривыми ночных бдений, развернул его, как древний свиток. Над зубчатою кривою шумов возвышался стройный пик, словно кипарис над травою. То был след классического радиоисточника 3С 273 — «квази-звезды» — пробного камня радиотелескопов. Пики, пики.... Радиоавтографы десятков «слабых» источников, которые еще не обнаружены оптически, а заметны только в радиоволнах.

Вот еще один пик на ленте. Говорят, что он пульсирует, как фонтан. Это, если хотите, радиомерцание, подобное мерцаниям зримых звезд. Оно вызвано игрою облаков межпланетной плазмы. Радиоисточник просвечивает эти облака и рассеивается тонкой волнующейся материей, и ученые пробуют судить о ней по характеру мерцаний. Что же это за межпланетные облака? Это — «хвост» сверхкороны Солнца, простирающийся вширь на 100—150 солнечных радиусов. Только так его удается наблюдать.

Ночью фермы телескопа серебрятся в лунных лучах, как рыбачья сеть на берегу Вселенной. Скоро начнется лов. И тогда рядом со звездной картой на небесном шатре появится щедрая радиокарта. Многие тысячи дискретных радиоисточников можно будет выловить, взять на учет, изучить их затмения и их мерцания. И при этом просветятся такие детали механизма Вселенной, которые тонули в ночи.

Перед тем как расставаться с Серпуховом, я решил завернуть на огонек, заглянуть на еще одну местную стройку — на крупнейший в мире ускоритель ядерных частиц: синхрофазотрон с энергией в 70 миллиардов электрон-вольт. Мы заехали в глубину лесного массива, где кипели строительные работы. Первозданный лесной пейзаж был преобразован на необозримом пространстве, хотя главное скрывалось под землей. Я увидел высокую кольцевую насыпь с окружностью в полтора километра, у подножия которой суетились самосвалы, словно муравьи у велосипедной шины. Насыпь прикрывала железобетонный туннель, утопленный в земле, для того чтобы не выпустить наружу смертоносных излучений. Здесь, в туннеле, будет смонтирована ускорительная камера, полая баранка из нержавейки тоже в полтора километра, где создан вакуум, приближающийся к разреженным космических пространств. Кольцо космоса погружено в подземное царство. В нем пройдет спиральная орбита для ядерных частиц, еще более точная, чем иные космические орбиты. Тут частицы получат не виданный ранее разгон и в земных условиях получат энергию, которую имеют только космические частицы. Ими будут бомбардировать вещество, чтобы лучше понять строение самих частиц.

Вместе с директором Института физики высоких энергий Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР, молодым еще ученым А. Логуновым, осматриваем стройку. По соседству с кольцом и примыкая к нему воздвигнуты монументальные корпуса из бетона и стекла. Это коробки для деталей ускорителя и его служб. Вот солидное здание линейного ускорителя-инжектора. Он уже работает. Мы находимся на длинной платформе, вдоль которой протянулся ускоритель, словно дачный поезд. Ускоритель-инжектор — лишь деталь, его роль относительно скромна. Он предварительно разгоняет частицы, чтобы впрыснуть их в главное, полукилометровой окружности, ускорительное кольцо.

Наконец мы вступаем в грандиозный экспериментальный корпус. Он ошеломляет своим внутренним, ничем не рассеченным пространством. Его свод необъятен как небо и как небо простирается без опор. Начинаешь уважать проблему, смущавшую древних философов, на чем же все-таки держится небосвод? Это не архитектурно-строительный трюк на побитие всяких там рекордов перекрытий, а научная необходимость. Сюда ворвутся пучки ускоренных частиц, и нужно свободное пространство для маневра экспериментальной аппаратурой. Ускоритель походит на метро, а монтируется, как тонкий прибор. Тоннам приходится уживаться с микронами! А вот и вход в туннель, подобный тому трансатлантическому, о котором читаешь в романе Келлермана. Что такое ускоритель? Это, если хотите, телескоп, устремленный в бездну микромира.

Телескоп и ускоритель! Два глубоких ока приподнимут веки на древней серпуховской земле. Одно глянет в бесконечность великого, а другое — в бесконечность малого. Но и то и другое будут видеть одну и ту же даль. Такова уж диалектика мира, что большая и малая бесконечности смыкаются. Невозможно понять Галактику, не постигнув атом. Мироздание постижимо лишь в единстве больших и малых звеньев. Для того воздвигаются новые вышки, прорываются новые подземелья. И на них взирают с гордостью старые башни Серпухова. Вот каков он ныне, серпуховский дозор!

Наука стоит на страже здоровья советских людей. Мировое признание завоевали достижения наших медиков. Готовясь к штурму новых высот, сегодняшняя медицина вступает в тесное содружество с математикой, физикой, электроникой. Наши корреспонденты побывали в Кардиологическом центре города Каунаса, где уже сегодня явственно ощутимы черты клиники завтрашнего дня.

БИТВА ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

В. ДЕМИДОВ

ТРИ ЧАСА В КАРДИОЛОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ

Кабинет «главного теоретика» клиники доцента Г. Витенштейнаса полностью противоположен привычному образу, возникающему при слове «клиника». Он пуст, и вместо стеклянного шкафчика с медицинским инструментарием, приткнувшегося где-то в углу, всю стену занимает классная доска. На ней пишут формулы, чертят всевозможные радиосхемы.

Электрокардиограмма — первый и, пожалуй, самый надежный помощник врача-кардиолога. Однако недаром бытует поговорка: «Что пан, то норов». Типичная, классическая кардиограмма встречается лишь на страницах учебников, а у каждого нового больного — своя, индивидуальная кардиограмма со своими, индивидуальными особенностями. Классические признаки больного сердца могут потонуть или хитро замаскироваться среди непредусмотренных пиков, впадин, дрожащих выбросов. Опыт и мастерство врача — в его умении читать индивидуальные кардиограммы, отвлекаясь от индивидуальных особенностей, а ставку на талант делать неразумно, да и попросту невозможно, если мы хотим сделать кардиограмму доступной пониманию любого.

Дело осложняется еще и тем, что восемь или двенадцать линий на пленке электрокардиографа, в которых должен разобраться врач, — линии взаимозависимые. Изменение характера работы сердца, пресловутые индивидуальные особенности проявляются не на одной, а сразу на нескольких линиях. Попробуйте-ка одновременно выслушать и понять сразу двенадцать свидетелей дорожной катастрофы. Безнадежное дело. Но ведь есть же, непременно есть среди этих двенадцати свидетелей три-четыре человека, точно видевших, что случилось. Нужно их только найти!

Аспирант Казимерас Валужис решительно недоволен позицией, занятой его коллегами из других городов. Они пытаются заставить машину анализировать уже имеющиеся кардиограммы. Подгонять вычислительную маши-

Л. РОЗАНОВА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ПРОФЕССОРОМ

Пятрас Забела сдал экзамены в аспирантуру Каунасского медицинского института, и ему (как и другим аспирантам-кардиологам) было предложено поступить на вечернее отделение Политехнического института — для изучения физики и математики. Тема самостоятельного исследования сложилась несколько позже; она имела длинное научное название, но сводилась к ответу на вопрос: какова вероятность того, что вот этот человек или тот — пока совершенно здоровые — в будущем заболевают стенокардией? (Напомню: по данным Всемирной организации здравоохранения, в развитых странах каждый пятый человек погибает именно от стенокардии или ее последствий). Задача решалась методом «заброски сети» среди жителей Зеленой горы (это новый район Каунаса). Сотни судеб изучили Забела с помощниками с дотошностью криминалистов, тысячи анализов провели в лабораториях. Сотни тысяч цифр, охватить которые, казалось, немыслимо, постепенно ужимались в таблицы, концентрировались в точки графиков. И вот так называемые патогенетические факторы, известные всем по добрым пожеланиям: «Курить вредно!», «Жирное вредно!», «Волноваться вредно!», вдруг обернулись математическими формулами, выстроились в зависимый ряд. Родился некий критический показатель — 0,7222: тех ЗДОРОВЫХ людей, у которых показатель этот был выше, подстерегала стенокардия. Не роковым образом. Но уже необходимо было вмешательство врачей, чтобы риск заболеть свести к минимуму.

...Выпускник Каунасского медининститута Аурелиюс Внесулас был удостоен золотой медали на Всесоюзном конкурсе студенческих работ 1966 года. Суть его исследования в следующем. Человеческое сердце способно выделывать разные фокусы — вместо того, например, чтобы сокращаться свои 65 раз в минуту, оно, вопреки всем требованиям организма, начинает вдруг биться вдвое реже или втрое чаще. Логика привела ученых к созданию электростимулятора — прекрасного

Действительный член АМН СССР
З. ЯНУШКЕВИЧУС

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «НОВОМ ЭТАПЕ» В МЕДИЦИНЕ И «НОВЫХ» ВРАЧАХ

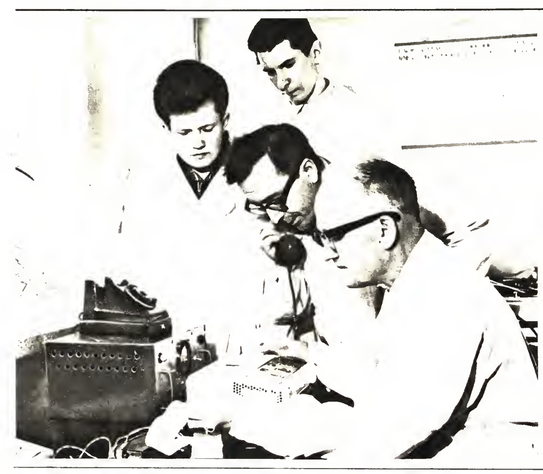
Сейчас часто говорят о «новом этапе» в биологии и медицине. Думаю, что начался этот этап в середине тридцатых годов, когда для изучения обмена веществ в организме впервые стали применять «меченые атомы» — изотопы.

С той поры точные науки с небывалым размахом и стремительностью стали внедряться в биологию и медицину. Радиоактивные изотопы, теория квантов, теория вероятностей, топология, электроника, кибернетика — все это революционизирует медицину настолько, что в ближайшее время врач завтрашнего будет отличаться от врачей настоящего так, как мы отличаемся от врачей, работавших до открытий Левенгука и Пастера.

Интересно, что новейшие достижения точных наук находят отзвук в сердцах и умах медиков немедленно. От открытия дейтерия до его применения в качестве «метки» прошло два года. В 1960 г. мир впервые услышал о мазерах и лазерах, а уже в 1963 г. на съезде американских хирургов в Сан-Франциско группа врачей из медицинского центра Новой Англии докладывала о годичных результатах применения лазеров в хирургии.

Нынешние десять лет в медицине — это больше, чем столетия в прошлом. Если на одну чашу весов положить все успехи медицины, достигнутые до тридцатых годов нашего столетия, а на другую — позднейшие достижения, то перевес будет, пожалуй, на стороне последних. В результате — сегодня любой участковый врач имеет возможность оказать многим больным более действенную помощь, чем профессор высшей квалификации 15 лет назад. Главная черта «нового этапа» — сотрудничество медиков и биологов с кибернетиками, электрониками, математиками и физиками-теоретиками.

Основатель кибернетики Н. Винер последние годы своей жизни посвятил количественному анализу биотоков мозга; у нас в Союзе физиологическими вопросами занимаются математик И. М. Гельфанд и кибернетик А. И.

Профессор Янушкевичус со своими учениками у аппаратуры для приема электрокардиограмм по телефону.

ну под мышление человека — может ли быть больший абсурд?!

Валужис ищет этих самых «трех свидетелей, знающих доподлинно». И вот машина, соответствующим образом запрограммированная, по трем линиям, определяет больное сердце быстрее и надежнее человека. «Мы ставим диагноз типа «здоров—болен» с точностью 90 процентов», — говорит Валужис...

Наш разговор прерывает стремительно вошедший доцент Витенштейнас: «Идите скорее, я покажу вам кое-что интересное!» На ходу объясняет: «Наши «врачи-инженеры» Стасюнас и Яперта разработали для станций скорой помощи аппараты, передающие ЭКГ по телефону. Теперь как раз они передают нам кардиограмму, и мы тут же ответим, инфаркт это или что другое, — может быть, ложная тревога...». В маленькой тесной комнате подключенный к телефону кардиограф чертит свои линии. Мне предлагают взять трубку: послушайте, как оно пищит. Я впервые слышу «голос» сердца. Витенштейнас

прибора, который способен убыстрять сокращения. Но вот замедлить сердечный ритм с помощью электрических импульсов не удалось еще никому на свете. Студент-шестикурсник Виесулас сделал маленький шаг на пути решения этой задачи. Шажок. Всего десять собак было у него в опыте, да и прибор, который предложил Аурелиюс, его приятель, физик из Политехнического, собрал бог знает из каких подручных средств. Но, думается, золотая медаль справедливо была присуждена этой маленькой работе, поданной на конкурс под девизом «Ритм».

...Кстати, первый в Союзе электростимулятор был создан инженером Каунасской больницы П. П. Казакевичусом, а первая операция — подшивка прибора к сердцу, чтобы сокращалось оно быстрее и ровнее,—была проведена хирургом Ю. Бредикисом тоже здесь. Больной был старик-рыбак, и сердце у него после этой операции заработало без перебоев. Через три года ему снова пришлось лечь в клинику, но ненадолго: для смены аккумулятора.

...Сердце способно еще и не на такие штуки. Бывает, что волокна его начинают работать вразнобой: каждое сокращается и расслабляется само по себе. Сердечная мышца не похожа больше на сжимающийся и разжимающийся кулак, поверхность ее словно подергивается дрожащей рябью, — это так называемое мерцание, способное наделать немало бед. Оказывается, мерцание можно прекратить сильным электрическим разрядом: в ответ на удар волокна вздрогнут разом, а уж дальше дело пойдет. Этот способ лечения мерцаний с особенной тщательностью был разработан тоже здесь.

* * *

Я выбрала эти примеры почти наугад из двух десятков других, каждый из которых заслуживает специального рассказа. Мне хотелось только, чтобы и вы, как я, почувствовали: эти исследования, более общие и более частные, мастерские и ученические, при всем своем индивидуальном своеобразии словно вырастают из единого корня и образуют некую коллективную индивидуальность, благодаря которой каунасских кардиологов не спутаешь с их коллегами из других городов.

Это случается не часто. Тогда, когда в центре коллектива исследователей оказывается яркий, самобытный, не стандартно мыслящий ученый, щедрый на раздачу своих идей. К тому же организатор высокого класса.

Его называют здесь — Профессор.

Иногда идеи и гипотезы Профессора ошарашивают даже тренированную научную молодежь Кардиологического отделения; к тому же новая гипотеза требует сверхсрочной проверки; к тому же бесконечная математика и физика замучивают... Кто-нибудь не выдержит, застонет — шутя, но не без доли искренности: «Ах, почему я не работаю на втором этаже!» (там — другое, «обычное» отделение). Зато в кулуарах всесоюзных конференций каждый раз скрещиваются мечи с кардиологами Тбилисского института терапии:

Берг, виднейший механик И. И. Артоболевский, математик М. Л. Быховский.

Это сотрудничество принесло замечательные результаты. Важнейший из них тот, что в основном расшифрован код генетической информации. Что это дает медику? Мы все больше понимаем, что некоторые причины заболеваний, которые проявляются иногда только в пожилом возрасте, уходят корнями в юность, в детство и еще глубже — к первым моментам возникновения человеческой жизни. Стал привычным термин «наследственные болезни». Но его редко связывают с болезнями сердца. А зря. Ведь никого не удивляет, что по наследству передается форма уха или разрез глаз. Но и форма коронарных артерий — сосудов, питающих кровью самое сердечную мышцу, наследуется в принципе по тем же законам. Они могут быть широкими, эластичными, надежно соединенными друг с другом, а могут быть узенькими, плохо разветвленными. Мы привыкли считать, что жирная пища вредна; действительно, у некоторых людей после жирного обеда свертываемость крови увеличивается (а высокая свертываемость может в конце концов привести к образованию тромба и закупорке сосуда). У других людей тот же обед не вызовет никаких изменений. И это свойство — реакция на жир — тоже, оказывается, передается по наследству.

Расшифровка кода постепенно раскрывает возможности активно воздействовать на наследственность: подавлять то, что вредно или плохо, и усиливать полезные наследственные качества, даже создавать новые. Разумеется, мы научимся всему этому не так быстро, как хотелось бы. Но кое-что можно начать делать сегодня. Я мечтаю, чтобы у нас появились консультации для молодоженов, где врачи-генетики предсказывали бы заранее возможные опасности, подстерегающие будущего ребенка. Кое-какие из них мы уже сегодня можем предотвратить.

В наиболее близкой мне области — кардиологии — союз медиков с представителями точных наук особенно ценен. Например, нам удалось в нашей Каунасской клинике создать единый Кардиологический центр. Квалифицированные сотрудники кардиологического центра, получив информацию по телефону, немедленно сообщают врачу скорой помощи диагноз. Получаемую информацию можно записать на магнитную пленку и в дальнейшем подвергнуть сложному математическому анализу, вплоть до использования диагностических счетных машин, например, таких, которые создаются А. А. Вишневским, И. И. Артоболевским и М. Л. Быховским в Москве, Н. М. Амосовым в Киеве. В перспективе такой центр может оказать самую высокую консультативную помощь в областном, республиканском и всесоюзном масштабе.

А вот другой пример, на котором мне хотелось бы остановиться. Благодаря внедрению в медицину вычислительной техники стало возможным развитие целой новой отрасли науки — эпидемиологии неинфекционных заболеваний. Название, звучащее для неспециа-

Три часа в кардиологическом центре

вглядывается в кривые. «Ну, что?» — спрашиваю я, мысленно ругательски ругая себя за то, что лезу под руку, — но любопытство превозмогает. «Хорошая кардиограмма, — говорит Витенштейнас, — инфаркта нет».

Для передачи годится любой телефон, стоит набрать номер кардиологического центра — дежурство круглосуточное, — и за считанные минуты лечащий врач, как правило, не специалист-кардиолог, получает квалифицированную консультацию. Аппаратов таких пока еще мало, но работники клиники настроены оптимистически. Не только в каждой больнице или поликлинике — пройдет время, и у каждого больного-сердечника будут такие аппараты! Чуть стало плохо, — не дожидаясь приезда «скорой», снимай трубку и звони в Центр: режим назначат немедленно.

Мы возвращаемся. Я восторженно рассказываю Валужису. Он вежливо слушает, выходит и возвращается с магнитофоном в руках: «Сейчас вы еще услышите. Это запись с кардиофона, он преобразует кардиограмму в звук — немного по-другому, чем аппаратура, которую вы слушали. И звук поэтому будет другой. Однако по нему можно и узнать больше».

Раздается визг: ритмичный, с всхлипываниями, потом вдруг начинается быстрое поплатание, высоких тонов уже мало, это испуганная мольба, все убыстряющаяся, чтобы внезапно на мгновенье замереть... опять возобновиться... и оборваться мертвой тишиной. Еле слышно шуршит лента. Мы трое сидим молча. «Вот примерно так же умирает человек. А это была собака. Сердце сначала билось нормально, потом мы дали дозу окиси углерода, началась фибрилляция, сердце мелко, беспорядочно дрожит и останавливается. Теперь представьте себе тяжелого постинфарктного больного. Мы подключаем ему к запястью электроды кардиофона, а звук выводим на пульт, к столику дежурной сестры. Она все время будет слышать, как дела, а если звук изменится, — мгновенно определит, что случилось, и сообразит, какие принять меры. Быстрота в нашем деле, сами понимаете, это все».

Комната постепенно наполнялась людьми, я едва успевал знакомиться с новыми и новыми аспирантами.

София Шилинскайте изучает первую производную кардиограммы. Первая производная, простейшая математическая функция, показывая скорость изменения элементов кардиограммы, вскрывает тончайшие подробности, не заметные при другом способе изображения. Там, где на кардиограмме глаз не замечает ничего, кроме ровного ската зубца, график производной испещрен острыми пиками — сигналами, несущими какую-то информацию. Какую? София Шилинскайте пытается в этом разобраться.

Дангуоле Жемайтите, старший научный сотрудник, занята простой, на первый взгляд, проблемой: изучает графики, показывающие ритмичность биения сердца. Я разворачиваю ленту и вижу извилистую линию вершин, этакую зубчатую стену далекого леса. «Больное сердце, да?» — уверенно спрашиваю у Дангуоле. Она смеется: «Пальцем в небо!»

Неверно сравнивать сердце спортсмена с хронометром: хронометр ходит чересчур «правильно». А нормально должно быть так: на ритм биений как бы наложена плавная периодическая кривая, подчиняясь которой сердце то замедляет свою работу, то ускоряет. «А вот больное сердце», — протягивает мне Дангуоле график ровный, как строй солдат-гренадер. Через несколько минут я уже уверенно сортирую рулончики записей. «Вот видите, — удовлетворенно замечает Дангуоле, — а насколько удобнее будет работать врачу!»

Познакомьтесь с профессором

чьи гипотезы оригинальнее, кому лучше удается организовать дело, с кем вообще интереснее работать. Разумеется, не вполне серьезный это спор. Но абсолютно искренний.

Все это было мне известно.

Образ ученого-организатора, главного энтузиаста привлечения в медицину физики и математики, образ общественного деятеля был уже готов в моем воображении, когда я пришла познакомиться с профессором, действительным членом АМН СССР, заместителем Председателя Верховного Совета Литвы Зигмасом Ипполитовичем Янушкевичусом и попросить его выступить на страницах нашего журнала.

— Профессор, — сказала я, — сфера вашей деятельности так обширна... Столько направлений, столько исследований... Скажите, какая Ваша самая любимая область? Что Вам самому наиболее симпатично?

Профессор взглянул на меня с некоторым удивлением; мелькнула еле заметная улыбка.

— Самые симпатичные — это мои больные, — сказал он. — Любимая отрасль — понять, что случилось с человеческим сердцем, и вылечить его. Я начинаю свой день в клинике: с девяти до двенадцати осмотр больных. Все остальное потом.

— Это очень опасно, — продолжал профессор, — воспринимать мир через стетоскоп или, совсем по-современному, получать информацию о нем только с экрана осциллографа. Поверьте, в кардиологии биосоциальный подход важнее чисто биологического. И если вторжение точных наук в медицину начнет заслонять от врача самого больного — конкретного человека с его особенным окружением, образом жизни, с его привычками и темпераментом, — это никуда не годится. Вас потрясает, что от стенокардии погибает каждый пятый. Но взгляните на дело с другой стороны: четверо из пяти НЕ заболевают. Четверо из пяти! Для нас это не менее важно. Значит, у этих четырех существуют какие-то могучие охраняющие механизмы. И у нас в Прибалтике или в Средней Азии, или, скажем, в соседнем с нею Иране, или в Америке эти механизмы — не одни и те же. В чем тут дело? Это задача из задач. И с ней не справиться, если заслониться приборами от конкретного человека, живущего на своей, конкретной, особенной земле.

У него был утомленный вид. Спокойный, негромкий голос. И от всего его облика веяло чем-то, что не определить одним словом — терпеливость? доброта? особая внимательность? и что-то присущее только «врачам от бога», как говорили в старину.

Наверно, так же спокоен и собран был он — тогда не профессор, а ординатор госпитального взвода 16-й Литовской стрелковой дивизии — и четверть века назад, когда «в свободное время» проводил свое первое исследование: об изменении кровяного давления у бойцов действующей армии. На марше, в окопах перед началом атаки, во время отступлений и контрнаступлений, разведки боем и коротких передышек он, улучив минуту, доставал безотказный стетоскоп и измеряющий давление аппарат Рива-Роччи и производил сотенное, тысячное измерение. И — думал. Кстати, где-то под Орлом аппарат Рива-Роччи разнесло осколком...

И странен показался мне громадный пустой ректорский кабинет вокруг Профессора, и даже его пиджак и рубашка, повязанная плетеным литовским галстуком, — вместо больничной белизны и докторского халата с ожерельем фонендоскопа на груди.

Несколько слов о «новом этапе» в медицине и «новых» врачах

листа странно. Действительно, всем понятно, что такое эпидемия тифа или эпидемия гриппа. Но — эпидемия инфаркта? Новое направление ставит своей целью правильно оценить роль громадного количества внутренних и внешних факторов в возникновении, течении и исходе болезни. Статистика позволяет еще в сравнительно молодом возрасте выявить группу лиц, предрасположенных к возникновению заболевания. А это дает возможность вести индивидуальную профилактику. Ведь трудно каждому человеку после 40 лет резко ограничивать режим питания или менять трудовые и бытовые навыки — это, кроме вреда, ничего не приносит. В этом убедилась на примере изучения эпидемиологии инфаркта миокарда в условиях Литвы наша сотрудница проф. Алла Баубинене.

Эпидемиологические исследования позволяют решить и еще один важный вопрос: как влияет на определенные группы людей применение весьма активных новых медикаментов — антибиотиков, гормонов, антикоагулянтов? Мы знаем, что препараты эти в корне меняют течение болезни, мы выписываем спасенных с их помощью людей — но не знаем еще, каковы будут отдаленные результаты лечения. Для этого требуется тщательное наблюдение в течение 15—20 лет за сотнями и сотнями людей, которые раньше, выписавшись из больницы, как правило, просто «рассеивались», уходили из-под наблюдения.

Бесконечно прав был Галилей, когда говорил, что книга природы написана на математическом языке. Однако его современникам-эскулапам и врачам многих последующих поколений язык этот был недоступен. Им постепенно овладеваем мы — современники и создатели «нового этапа» в медицине. Поэтому больше, чем всем нашим предшественникам, нам нужно помнить, что человек — это не пробирка, где при одинаковых условиях всегда происходит одинаковая реакция. Человек — это фактор с X неизвестными и многостепенными комплексами физических и химических изменений. Поэтому и для сегодняшнего врача главным принципом остается главный принцип Гиппократа «Primum non nocere!» (прежде всего — не повредить человеку).

Как, может быть, ни парадоксально это звучит, НАДО БЕРЕЧЬ ЗДОРОВЬЕ БОЛЬНОГО и в наш век новых средств лечения и новейших методов исследования добиваться максимального лечебного эффекта, употребляя МИНИМУМ исследований и МИНИМУМ лекарств.

Это достигается чутьем врача, его профессиональной одаренностью, бесконечным, ни на день не прекращающимся самообразованием. Я бы проводил в медицинских вузах, кроме вступительных экзаменов, еще и профессиональный отбор на студенческой скамье — более жесткий, чем в консерватории или театральном институте. Нужно, чтобы рядовой врач СМОГ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ту возможность, которую дает ему время и о которой я говорил вначале: лечить лучше, чем полтора десятка лет назад это делали выдающиеся профессора.

У нас в клинике большинство молодых ученых именно таково. Это настоящие ученые сегодняшнего дня — энтузиасты и изобретатели и одновременно вдумчивые, гуманистические мыслящие врачи. И когда я смотрю на них, с удовольствием думаю: девяносто процентов всех ученых, которые когда-нибудь жили и работали на нашей планете, живут и работают в наше время.

ПРАВО НА СЕКРЕТЫ

Е. Муслин

В целях наиболее полного использования преимуществ международного разделения труда, повышения экономической эффективности внешней торговли и лучшего удовлетворения потребностей советских людей в товарах предусмотреть:

...ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ ТОРГОВЛИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ПАТЕНТАМИ И ЛИЦЕНЗИЯМИ (из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану).

Несколько представительных джентльменов входят в зеленое здание, которое находится неподалеку от станции московского метро «Краснопресненская». Гостей встречает музыка. Слышится нежное пение скрипок, мужественно грохочет барабан, густо и мягко вторят виолончели, звучат саксофоны, а может быть, кларнеты и гобои вместе. На самом деле ни одного из этих инструментов здесь нет. Их неразличимо даже для слуха музыканта заменяет изобретенный в Советском Союзе электромузыкальный аппарат «Экводин», имитирующий звучание любых музыкальных инструментов.

...В зале гаснет свет, и начинается кинофильм. Диктор говорит по-английски, а поют по-французски, иногда по-немецки и по-итальянски. Гости видят, как сконцентрированные в винограднике золото солнца и серебро дождя превращаются в игристое «Советское шампанское», как работают изобретенные в нашей стране уникальные сварочные машины и аппараты. А через несколько минут их вниманию предлагают биоэлектрический протез руки — первый в мире неживой механизм, подчиняющийся микротокам живого организма. Или небольшую бутылочку с желтой жидкостью, которая так чисто моет нефтяной танкер, что в нем после нефти и мазута можно перевозить зерно и даже особо чувствительные к запахам сахар и чай.

В зеленом здании вблизи метро «Краснопресненская» поместилась выставка особого рода. Выставка, если хотите, секретов. Технических хитростей, решенных головоломок, инженерных проблем, которые перестали быть проблемами. Сказать точнее, это Павильон лицензий Всесоюзного общества «Лицензинторг» Министерства внешней торговли СССР. Здесь представители известнейших и крупнейших мировых концернов и фирм придирчиво изучают советские изобретения. Придирчиво потому, что они решают, стоит ли заплатить за них деньги, иногда весьма немалые. Коммерсанты и эксперты осматривают действующие модели, смотрят кинофильмы, листают многокрасочные проспекты, в которых на нескольких языках описывается суть новшества, доказываются его преимущества, выгоды, которые может дать новое изобретение по сравнению с уже существующей техникой.

Только придирчиво и окончательно убедившись в выгодности предложения, фирма покупает изобретение. Точнее — покупает лицензию, т. е. исключительное право осуществить и использовать запатентованное изобретение. Подобные сделки сейчас совершаются все чаще и чаще. За шесть месяцев 1966 года «Лицензинторг» заключил контрактов на продажу лицензий больше, чем за весь 1965 год. Можно пожелать этой нашей весьма молодой торговой фирме, чтобы количество выгодных сделок и дальше увеличивалось в такой же геометрической прогрессии.

В докладе на XXIII съезде КПСС Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин сказал: «Наши научные и технические кадры способны создавать — и это доказано на практике — совершенные машины и оборудование. Поэтому мы можем и должны занять достойное место на мировом рынке лицензий».

Изобретения — интеллектуальное богатство народа. Международный рынок лицензий — это суровый мир коммерции. Идеи, с которыми приходишь на этот рынок, должны быть идеями экстракласса. И такие идеи у нас есть.

* * *

Некоторое время назад в зарубежных технических журналах по литейному делу стали появляться статьи о «жидкотвердеющих смесях». Совершенно необычным было уже само слово «жидкотвердеющие». А в статьях рассказывалось о действительно необычном химическом веществе, изобретенном в Центральном научно-исследовательском институте технологии и машиностроения. Удивительная жидкость быстро твердела сразу по всему своему объему, сохла без единой калории тепла лишь в результате внутренних химических взаимодействий. И затвердев, превращалась в литейную форму.

«Литейщики в белых перчатках», «Автоматический литейный цех» — лихие заголовки бойко запрыгали по страницам иностранных журналов. Вскоре в ЦНИИТМАШе появились делегации литейщиков. Визиты нанесли почти все промышленно развитые страны. В присутствии гостей в так называемые стержневые ящики заливали свежую жидкую массу, а спустя полчаса вытаскивали оттуда готовые литейные формы. Пораженные гости возбужденно перешептывались. Такие сцены повторялись в цехах московского завода «Станколит», на киевском «Большевике», на «Запорожстали», на Лейпцигской ярмарке — всюду, где демонстрировалось новое советское изобретение, получившее в этом году Ленинскую премию.

Дело в том, что все попытки облегчить работу литейщиков до сих пор наталкивались на первобытные приемы изготовления форм. Удары огненной струи жидкого металла, его химическая едкость, тяжесть — все это заставляет делать формы из земляной смеси прочными и плотными. Для этого их уплотняют и сушат. Уплотнение — вот операция, о которую спотыкалась комплексная механизация литейного производства. Только руки человека могли вылепить, прощупать, прогладить форму. Только глаза человеческие могли найти в ней изъяны. Больше половины литейных форм для наиболее сложных и крупных деталей во всем мире до сих пор делают вручную!

Сотрудникам ЦНИИТМАШа, в течение нескольких лет работавшим под руководством профессора А. Лясса и кандидата технических наук П. Борсука, удалось решить эту проблему принципиально по-новому. Рассыпчатую, грязную и пыльную земляную формовочную смесь они превратили в жидкую массу, которую саму можно заливать, как металл. Однако в действительности эта смесь твердая, а жидкотекучесть ей придают всего пять процентов влаги. Секрет — в особых добавках, разработанных на основе последних достижений физической и коллоидной химии, физико-химической механики. Заливая смесь в стержневые ящики, мы полностью избавляемся от необходимости ее уплотнять, ведь жидкость и так предельно плотна. В ней нет миллиардов воздушных промежутков, как между частицами земли. Что касается сушки, то она совсем не нужна — смесь превращается на воздухе в твердый каменный монолит сама, без всякого внешнего воздействия, причем затвердевает одновременно по всему объему. Грохочущие вибраторы, виброуплотнители, сушильные печи, пыль и грязь — все это исчезает из литейных цехов. Остаются рабочие — операторы автоматизированных установок. Да, это самое главное — формовочная земля возводила непроходимую насыпь на пути к автоматизации, жидкотвердеющие смеси, идеально транспортируемые по трубам, точно дозируемые, не требующие ежесекундного надзора, идеально влились в автоматические линии.

Новая технология, получив признание сначала в Советском Союзе, начала теперь победное шествие по литейным цехам всего мира. Лицензии на советское изобретение уже купили фирмы Японии, Италии, Франции, Дании, Швеции, Норвегии, США.

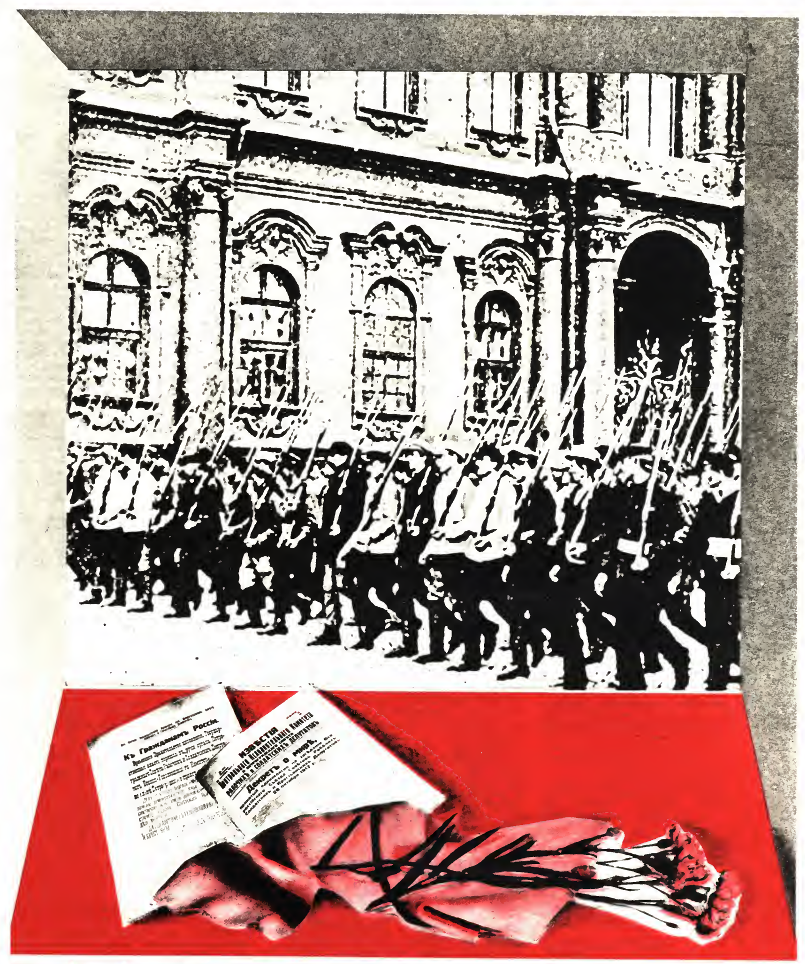
Советский Союз — великая металлургическая держава. Мы занимаем первое место в мире по общей производительности и максимальной мощности установок непрерывной разливки стали. Впервые в мировой практике у нас построен крупный сталеплавильный цех, где вся сталь разливается на установках непрерывной разливки. Непрерывно — значит быстро, без утомительных перегрузок — переливов. Высокое качество слитков, упрощение технологии — дешевизна. Вот основные преимущества нового метода. Советские изобретатели и инженеры спроектировали множество установок, позволяющих разливать сталь из ковшей любой емкости — от ковшика в полторы тонны до уникальных ковшей в триста тонн. И делать литые заготовки любого — квадратного, круглого, прямоугольного — сечения из стали самых разнообразных марок — от рядовых углеродистых и низколегированных до «редкостных» трансформаторных и нержавеющих.

Сейчас установки непрерывной разливки стали строятся по советскому образцу во Франции, Японии, во многих других странах. Зарубежных металлургов привлекает и полная механизация всего металлургического процесса, и отсутствие отходов, и высокое качество выплавляемого металла: слиток получается мелкозернистый, а примесей в нем содержится намного меньше.

Качество металлов и сплавов сильно зависит от их чистоты. Чем меньше в них пузырьков газов, примесей, частиц шлака, тем лучше. Но в обычных сталеплавильных печах получить достаточно чистый металл не удается, а вакуумная плавка стоит слишком дорого. Попробуйте всю плавильную печь поместить в вакуум. Зато электрошлаковый переплав, который изобрели сотрудники Института электросварки имени Е. О. Патона, и дешев, и обеспечивает недостижимую другими способами чистоту металла.

...В ванну расплавленного шлака, окутанную облаком нейтрального газа, опущен массивный электрод. Ослепительного пламени дуги не видно, да его и нет. Только в глубине, где-то там, под слоем жидкой лавы, мощный поток электричества увлекает за собой капельки металлического расплава. Пройдя сквозь раскаленное чистилище, они действительно очищаются от серы, фосфора, азота, кислорода и многих других примесей, застывая потом в охлаждаемом водой кристаллизаторе. Капли сливаются воедино в гладкие, блестящие слитки почти неограниченных размеров. Так что перед дальнейшей ковкой или штамповкой им не требуется никакой очистки. Металл, полученный таким способом, обладает удивительными свойствами— он прочен, но податлив и пластичен, как глина. Значит из него просто и дешево тянуть и «прошивать» трубы, штамповать и прессовать любые детали. Он заменяет дорогостоящие никелевые сплавы, которые в чем-то «догоняют» металл, полученный электрошлаковым переплавом. Недавно на тридцати электровозах провели любопытный опыт. С одной стороны осей были поставлены обычные подшипники, с другой — из металла, полученного новым способом. Через полтора года испытаний обнаружилось, что «электрошлаковые» подшипники в четыре раза реже выходят из строя! Благодаря этому на подшипниках для железнодорожных вагонов и автомобилей можно выиграть более 300 миллионов рублей экономии в год.

Список советских изобретений, которые превзошли в своей области мировой технический уровень и привлекли к себе внимание зарубежных специалистов, с каждым днем становится все обширнее.

7 ноября (25 октября) 1917 года в результате вооруженного восстания рабочих и крестьян, солдат и матросов во главе с большевистской партией, под руководством великого Ленина в России победила социалистическая революция.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Решимость и воля миллионов солдат, рабочих, крестьян смели со сцены истории старый, эксплуататорский строй, расчистили ее для свободного, вдохновенного творчества народных масс. Звездные дни революции — дни Великого Октября — в единый порыв слили гнев угнетенного народа, его стремление к светлому будущему, высокое прозрение партии большевиков и ее вождя — Ленина.

Зимний — 25 октября

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗЛОЖЕНО! ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

Охваченный революционным энтузиазмом, съезд Советов принимает ленинские Декреты о земле и мире. На планете началась новая эра — эра социализма.

В предшествующие дни революционные солдаты, матросы, рабочие по плану, разработанному великим Лениным, захватили в Петрограде учреждения, вокзалы, арсеналы, мосты, казармы, телефон и телеграф. Последним ударом был взят Зимний дворец, и Временное правительство пало. Об этом последнем акте — о взятии Зимнего и аресте Временного правительства, о том, как это было, рассказывается в документальном фотоочерке, публикуемом ниже.

Утром 26 октября 1917 года газеты в Петрограде расхватывались с молниеносной быстротой. Жители города, свидетели орудийной ночной стрельбы, непонятных передвижений вооруженных отрядов практически только из газет могли узнать, что же, собственно, произошло вчера вечером.

Вот что они прочитали.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ ВЗЯТ

Зимний дворец, где засели под охраной юнкеров и женского батальона члены Временного Правительства, был взят штурмом революционных войск около 12 час. ночи, 25 октября. Министры Терещенко, Кишкин, Коновалов, ген. Маниковский, Никитин, Верлеревский, а также Пальчинский — арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Юнкера и женский батальон разоружены; последний будет расформирован и распущен. Потери со стороны наступающих исчисляются в 6 человек. Революционный гарнизон, занявший все правительственные учреждения, является господином положения. В городе царит образцовый порядок.

Сейчас, полвека спустя, каждая строка газетной хроники, помеченной двадцатыми числами октября 1917 года, обретает для нас особый смысл.

Предоставим же слово им: донесениям, написанным наспех на листках полевых книжек, телеграммам, продиктованным по телефону, дневникам, где записи велись под треск пулеметных очередей на Дворцовой площади. Взглянем на мир тех дней глазами фоторепортера. Войдем с ним в Зимний дворец, резиденцию Временного правительства.

Зимний дворец непривычного сейчас для нас, темно-красного цвета. Бурые, потемневшие от времени стены, колонны, наличники окон... Площадь, вымощенная булыжником. Обнесенная невысокой оградой Александровская колонна. Пышная, стилизованная под барокко, решетка, окружающая сквер у западного фасада Зимнего дворца. Расположенные симметрично по углам здания ворота, ведущие в сад со стороны площади и Невы. После начала 1-й мировой войны в Зимнем устроили госпиталь на несколько сот мест. Госпиталь занял большинство парадных залов второго этажа. В Малом тронном зале расположилась аптека, палаты выздоравливающих разместились в комнатах третьего этажа с окнами на Дворцовую площадь и Александровский сад. Но все остальные залы Зимнего дворца по-прежнему были безлюдными. Лишь дворцовые лакеи и служители в старинной форме неусыпно наблюдали за апартаментами царей.

В середине июля 1917 года во дворце поселилось Временное правительство. В огромном здании министры занимали сравнительно небольшое помещение, так называемые половины Николая II и императрицы Александры Федоровны. Местом заседания стал Малахитовый зал.

Над помещениями Временного правительства на верхнем третьем этаже в бывшей половине Александра III устроил себе квартиру министр-председатель А. Ф. Керенский. Для охраны правительства во Дворец был введен большой караул из 800 юнкеров.

...Прекрасный двусветный Белый зал: паркет сложнейшего рисунка — из нескольких десятков пород дерева. Часть пола прикрыта холстом,

---

Большинство воспроизводимых здесь фотографий публикуется впервые. Они извлечены из фондов Центрального государственного архива кинофонофотодокументов, Ленинградского государственного архива кинофонофотодокументов, Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде, Государственного эрмитажа.

Зимний дворец 1917 года... Со стороны Адмиралтейства он был окружен тогда высокой массивной оградой.

За окнами второго этажа в этой части дворца размещалось Временное правительство. Над ним — в третьем этаже — устроил себе квартиру глава этого правительства А. Ф. Керенский. Сюда, именно сюда рвались в ночь на 26 октября отряды штурмующих.

Белый зал Зимнего дворца... Когда-то только молчаливые дворцовые лакеи были здесь постоянными обитателями. Осенью 1917 г. Белый зал стал бивуаком юнкеров, охранявших Временное правительство.

Здесь в бывшем кабинете Александра II устроил свой кабинет Александр Федорович Керенский. Незадачливый кандидат в русские Бонапарты утром 25 октября поспешно бежал отсюда. Так поспешно, что даже оставил свой портрет на письменном столе.

ную другую топчут пыльные сапоги, царапают штыки и сошники пулеметов. Грязные тюфяки, снятая обувь, на стене сушатся полотенца. Залы запасной половины с батальными картинами знаменитых художников. И тут то же самое: железные казарменные кровати, садовые скамейки, столы для чистки оружия, ветошь. И снова винтовки, пулеметы. Та же картина в знаменитой Золотой гостиной: юнкера не слишком почтительно относились к имуществу бывших императоров. Во многих помещениях была попорчена мебель, обшивка стен, картины. Кое-где исчезли золоченые ручки дверей и бронзовые безделушки.

Такова была топография Зимнего дворца в октябре 1917 года, те своеобразные и весьма эффектные декорации, среди которых разыгрался последний акт революционной драмы: падение Временного правительства.

Напомним, что в ночь на 25 октября в руки восставших перешли Николаевский, Варшавский и Финляндский вокзалы, Почтамт, Центральная телефонная станция, Государственный банк. Операции проводились столь стремительно, что обычный ход жизни в городе не нарушался. К раннему утру 25 октября фактически почти весь Петроград находился в руках Военно-революционного комитета. В 10 часов утра в Смольном В. И. Ленин написал обращение «К гражданам России», где сообщалось о победе революции в Петрограде, а Временное правительство объявлялось низложенным.

В те же часы из штаба Петроградского военного округа главнокомандующий округом полковник Полковников послал паническую телеграмму в Ставку и на Северный фронт: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее... Идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая свою ответственность перед страною, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства».

Но сами министры еще не знали об этом. По вызову заместителя министра-председателя А. И. Коновалова они спешно собрались во дворец. Керенского среди них уже не было. Бывшая гостиная Александра III, из окон которой открывался лучший вид в Европе, была уже пуста. Министр-председатель, охваченный паникой, забрав лишь самые необходимые документы, перебрался в штаб.

Около 11 часов утра из ворот штаба Петроградского военного округа на Дворцовую площадь выехал открытый автомобиль фирмы «Пирс-Арроу». В нем сидел Керенский. В другом автомобиле марки «Рено», одолженном у американского военного атташе, разместились его адъютанты. Машины, сделав несколько кругов по площади, выехали под арку Главного штаба. Так, бросив своих министров на произвол судьбы, покинул Петроград председатель последнего Временного правительства России.

Утром 25 октября под контролем Временного правительства оставалась по существу только Дворцовая площадь со зданиями штаба округа и Зимнего дворца и Мариинский дворец, где в это время происходило заседание Предпарламента. В. И. Ленин торопил Военно-революционный комитет с арестом Временного правительства. Еще в ночь на 25 октября Полевой штаб Военно-революционного комитета разработал план операции по захвату Зимнего дворца. Было решено окружить его силами расположенных поблизости Павловского, Кексгольмского и некоторых других полков, привлечь также красногвардейцев и десант матросов, выехавших из Кронштадта. К 11 часам утра Павловский полк выставил свою заставу на Миллионной улице. Но по разным причинам окружение Зимнего дворца затянулось еще на несколько часов. Лишь к 3 часам дня передовые посты революционных войск появились на подходах к Дворцовой площади.

Серый осенний день, мокрый булыжник. От угла решетки Зимнего дворца в направлении Главного штаба стоят посты юнкеров. Вдоль трамвайной линии небольшая кучка любопытных. Вездесущие мальчишки... Они проникли даже за линию постов. Перпендикулярно зданию Главного штаба недалеко от угла Невского стоит высокий — около четырех-пяти метров штабель дров, их привезли сюда для хозяйственных надобностей военного ведомства. Дрова плотным четырехугольником окружили и Александровскую колонну. И, наконец, слева от Главных ворот Зимнего дворца еще один штабель длиною в двадцать пять—тридцать метров. Весь остальной фасад Зимнего совершенно свободен, перед подъездами дворца никаких заграждений и баррикад. Как вспоминают очевидцы и участники событий, Дворцовая площадь поражала в тот день своей пустынностью. Когда через несколько часов революционные войска подошли вплотную к площади, солдаты, матросы и красногвардейцы, опасаясь стрельбы, старались прятаться за углами домов и за дровами: ведь площадь со стороны дворца могла простреливаться пулеметным огнем в любых направлениях.

Это кадры из уникальной киносъемки, сделанной накануне штурма. Вот они, последние защитники последнего буржуазного правительства России. Длинной колонной построились они около поленницы дров, превращенной ими в баррикаду. Баррикаду, которая стала последней преградой для революционных сил при штурме Зимнего.

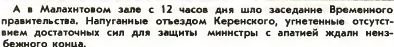
Эту поленницу дров не пришлось превращать в баррикаду. Здесь не оборонялись, отсюда наступали. Эти красногвардейцы сфотографировались у штаба революции — Смольного, чтобы идти отсюда на штурм другой баррикады, что на Дворцовой площади.

Солдатки женского батальона... Их обманом привели на Дворцовую площадь. Их, недавних учительниц, портних, казачек, солдатских вдов, хотели заставить стрелять в революционный народ. Но не смогли заставить. Вечером 25 октября женский батальон покинул дворец....

В комнату рядом с кабинетом Керенского ворвался шестидюймовый снаряд с Петропавловки. Это было совсем близко от перепуганных министров.

А в Малахитовом зале с 12 часов дня шло заседание Временного правительства. Напуганные отъездом Керенского, угнетенные отсутствием достаточных сил для защиты министры с апатией ждали неизбежного конца.

Наибольшую активность проявляли Коновалов и министр государственного призрения, кадет Кишкин. «Но более характерен для обстановки и исторического момента был Малянтович. Он ничего не говорил, а только слушал. Его глаза скорбно сияли», — так отозвался о министре юстиции Временного правительства один из очевидцев. А вот как рассказывал об этих минутах сам Малянтович: «На Зимний дворец сосредоточенно глядели орудия с башен «Авроры»... и пушки Петропавловской крепости. В огромные окна дворца лил холодный свет... Притаившаяся тревога застыла в сыром воздухе... В огромной мышеловке бродили, изредка сходясь... на короткие беседы обреченные люди, одинокие, всеми оставленные... Вокруг нас была пустота, внутри нас — пустота, и в ней вырастала бездумная решимость равнодушного безразличия...»

Лишь ко второй половине дня министрам удалось наладить коекакую оборону. Двор Зимнего дворца, который на этой фотографии пуст, выглядел совсем по-иному. Сотни лошадей, шумный их храп и ржание, шесть трехдюймовок и зарядных ящиков батарей Михайловского артиллерийского училища, винтовки, сложенные в козлы, множество юнкеров и казаков, собиравшихся группами, разговаривавших, куривших — все это создавало сутолоку и беспорядок. В Главных воротах стоял броневик «Ахтырец», с утра еще обреченный на неподвижность: лазутчики Военно-революционного комитета унесли магнето. Юнкера инженерной школы вышли через ворота на площадь и превратили штабель дров в импровизированную баррикаду, устроили пулеметные гнезда, часть дров сняли и перенесли направо от ворот, чтобы закрыть к ним доступ и с этой стороны. Но все эти приготовления были уже напрасными. Моральный дух защитников дворца падал с каждой минутой.

А затем был получен ультиматум от Военно-революционого комитета. В нем говорилось: «Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать...» Министры спорили, но большинство высказалось за отклонение требования ВРК. В дневнике Ливеровского читаем: «Решено единогласно не отвечать на ультиматум, оставаться в Зимнем дворце и сопротивляться». Еще на что-то надеясь, Временное правительство выбрало сопротивление — при полной его бесполезности. Оно брало на себя ответственность за всю кровь, которая должна была теперь пролиться. Но непосредственным защитникам правительства вовсе не хотелось идти на бессмысленную гибель. В кабинет правительства пришла делегация от юнкеров, чтобы выяснить точку зрения министров. К ней вышли трое, но вскоре вернулись: юнкера желают видеть все правительство. Опять начались споры. Карташов и Вердеревский опять стали говорить «о действительности в обстоятельствах текущего момента наших полномочий». Но большинство опять не согласилось с ними. Решено было выйти к юнкерам и обратиться к ним с речами. Юнкера, собравшиеся в Темном коридоре, слушали молча и напряженно. Малянтович так рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Начал Коновалов, и все мы сказали, хотя и по-разному, но одно и то же... Они, юнкера, не только солдаты, но и граждане. Пусть решают, на чьей стороне должны они быть...». Далее Малянтович делал горестный вывод: «Итак, солдаты во время

Утром 26 октября победивший народ заполнил Дворцовую площадь. Разоружены и арестованы юнкера, еще вчера охранявшие эту баррикаду. Рабочие, солдаты и, конечно, мальчишки (они первыми прибежали сюда!) улыбаются оператору. Ведь киносъемка в ту пору — еще такая редкость!..

военных действий вместо приказа получили... тему для митинга! И митинг открылся, когда мы ушли».

Между тем руководители восстания начали осуществлять план захвата правительства. Около 9 часов 30 минут вечера с площади была открыта стрельба из пулеметов по дворцу. Одновременно с Петропавловской крепости прозвучал сигнальный выстрел. Затем раздался знаменитый выстрел носового орудия крейсера «Аврора».

Стрельба возымела немедленное действие. Уже в 9 часов 45 минут начальник обороны полковник Ананьев доложил министрам, что три казачьи сотни уходят из дворца. Затем прибыли делегаты от казаков и юнкеров инженерной школы и заявили о своем намерении покинуть позиции. Коновалов, Маслов и Терещенко были посланы для их уговоров. Юнкера согласились остаться, а казаки все-таки ушли. Ушла и находившаяся во дворце рота женского батальона.

Министры собрались в небольшой комнате рядом с Малахитовым залом — бывшей Малой столовой Николая II. Большая часть находилась как бы в оцепенении. Забились в кресла, многие прямо в пальто согнулись на диванчиках. Они ждали конца. Не один из них, наверное, с надеждой смотрел на икону, зажатую в углу между старинными гобеленами, ожидая чуда... Некоторые выходили из комнат, говорили с юнкерами, убеждали, спорили. Никитин дежурил в покинутом всеми кабинете Коновалова, непрерывно разговаривая по телефону с Городской думой, со своими помощниками по министерству внутренних дел, с различными политическими деятелями. Помощи по-прежнему не было никакой.

В 11 часов вечера возобновилась перестрелка. Из Петропавловской крепости начался артиллерийский обстрел. Шестидюймовая картечь попала в угловую комнату верхнего этажа (бывшую секретарскую Александра III), рядом с квартирой Керенского. Снаряд трехдюймового орудия повредил карниз. Несколько выстрелов шрапнелью было сделано и с площади от арки Главного штаба.

А в галерее у подъезда Ее Величества опять начался митинг: юнкера настаивали на новых переговорах с Военно-революционным комитетом. Комендант полковник Ананьев согласился. Во дворец был приглашен комиссар ВРК Чудновский. Пальчинский немедленно его арестовал, но под нажимом юнкеров освободил. Решено было, что юнкера покинут позицию перед главными воротами и перейдут в нижнюю галерею и лестницу подъезда, ведущую на средний этаж.

А на площадь в расположение войск ВРК вернулся Чудновский и доложил Антонову-Овсеенко о результатах своих переговоров. «Он было договорился с юнкерами о пропуске их с оружием из Зимнего,— вспоминает Антонов-Овсеенко, — но этот договор был мною отменен и юнкера должны были сложить оружие...»

Был 1 час 20 минут ночи на 26 октября. Первым увидел приближение большой массы людей дежурный телефонист, сообщивший Временному правительству, что подходит «делегация в количестве 300—400 человек». Но телефонист видел лишь первую цепь атакующих.

Огромная людская масса хлынула во дворец. Волна атакующих растекалась по узким каналам коридоров и комнат, стремясь к своей цели — небольшой комнате в северо-западной части дворца. Быстрее к Временному правительству — эта мысль определила поведение руководителей и рядовых участников штурма.

Итак, куда же устремились рабочие, солдаты и матросы, подбежав к дворцу?

Главная масса наступающих устремилась прямо к двум главным подъездам.

Левый подъезд с самого начала привлек к себе большое число штурмующих. Предварительным наблюдением было установлено, что именно сюда чаще всего входят юнкера и офицеры, часто подъезжают военные автомобили. Над этим подъездом в занятых юнкерами залах горел в окнах электрический свет. Наконец, этот подъезд был ближе всего к большой массе красногвардейцев, солдат и матросов, тех кто собрался у Невского, Адмиралтейского проспекта и Александровского сада. Именно в этот подъезд во главе революционных войск вошли представители Военно-революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский.

Лишь только распахнулись двери, как вбежавшие увидели справа от себя первый марш лестницы. На площадке лестницы — юнкера с винтовками на изготовку. Мгновенная заминка. Представители ВРК обратились к юнкерам с призывом прекратить сопротивление. Юнкера заколебались, а затем бросили оружие. Вот и площадка второго этажа: кругом зеркала и двери. В двери ворвался людской поток. Часть попадала в залы запасной половины, занятые юнкерами. Перед ними испуганные бледные лица, брошенное оружие. Люди останавливались, но только на минуту. Большинство дверей открыты. Это служители дворца — фигуры их едва заметны кое-где в тени — предусмотрительно направляют бегущую массу.

У порога круглого зала, Ротонды, расположенной рядом с комнатой правительства, соединились все потоки атакующих. Длинный Темный коридор уже до отказа наполнен людьми. Впереди последняя цепь юнкеров. Антонов-Овсеенко призывает их сложить оружие. Они отказываются сделать это без санкции Временного правительства. Один из юнкеров идет в комнату, где собрались министры. Эти минуты хорошо описаны в воспоминаниях министра юстиции Малянтовича: «Дверь распахнулась... Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руку под козырек, лицо взволнованное, но решительное: «Как прикажете, Временное правительство? Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство».

— Этого не надо! Это бесцельно! Это же ясно! Не надо крови! Надо сдаваться! — закричали мы все, не сговариваясь, а только переглядываясь и встречая друг у друга одно и то же чувство и решение в глазах».

Юнкер возвращается к своим. Винтовки брошены, цепь расступается — открылся путь к Малой столовой. Антонов-Овсеенко и несколько десятков красногвардейцев, матросов и солдат быстро входят в комнату: «Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно, — вспоминает Антонов-Овсеенко, — Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — заявляю им я».

И вот, временные постояльцы Зимнего покидают дворец. Министров просят встать. Впереди, по бокам и позади каждого становятся конвоиры. Процессия медленно движется по Темному коридору, занятому революционными войсками. Суровые лица, осуждающие возгласы. Министров сводят вниз по Салтыковской лестнице и через Главные ворота выводят на Дворцовую площадь. Шум вооруженной толпы... Часть солдат и матросов на площади требуют немедленного суда над Временным правительством. Антонов-Овсеенко решительно пресекает всякие попытки самосуда. Под надежной охраной министров отправляют в Петропавловскую крепость.

А с рассветом тысячи людей заполняют Дворцовую площадь: Петроград хочет собственными глазами увидеть место сражения, увидеть площадь Зимнего дворца — с этой ночи символ победы народного восстания.

Документальный фотоочерк кандидатов исторических наук С. НИКОЛАЕВА и В. СТАРЦЕВА.

Зимній дворецъ взятъ.

Зимній дворецъ, гдѣ засѣли подъ охраной юнкеровъ и женскаго батальона члены Временнаго Правительства, былъ взятъ штурмомъ революціонныхъ войскъ около 12 час. ночи, 25 октября. Министры Терещенко, Кишкинъ, Коноваловъ, ген. Маниковскій, Никитинъ, Верлеревскій, а также Пальчинскій—арестованы и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Юнкера и женскій батальонъ разоружены; послѣдній будетъ расформированъ и распущенъ. Потери со стороны наступающихъ исчисляются въ 6 человѣкъ. Революціонный гарнизонъ, занявшій всѣ правительственныя учрежденія, является господиномъ положенія. Въ городѣ царитъ образцовый порядокъ.

ГЛАЗАМИ ГАЗЕТ

С. ВЛАДИМИРОВ

25 октября 1917 года шквал пролетарской революции смел эксплуататорский строй в России. Февральской революцией буржуазия была довольна. Октябрьскую она встретила в штыки. Буржуазная пресса поступала так же. И через розовые и черные очки прессы мы видим многое в обстановке и атмосфере тех дней: мелкие политические интриги, стяжательство, «пир среди чумы» одних, и мощный решительный голос других, возвестивших о рождении нового мира.

1. «ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ» НЕ СОСТОЯЛСЯ

В декабре 1916 года, как и обычно, газеты гадали о том, что принесет грядущий год. Необычной была, однако, сквозившая в этих прогнозах тревога:

«Сейчас мы остановились. Мы остановлены. Но мы твердо знаем, что это лишь «неприятный этап» в пути, эпизод, который можно и должно было предвидеть...

Вот мы и «стали» — впредь до «исправления пути». И можно оглянуться. Прежде всего на самих себя. Это необходимо для того, чтобы предусмотрительно подготовиться на случай всяких «неожиданностей». Ведь может же снизойти на наших «казенных» машинистов момент просветления, когда им придется сознаться в невозможности вести государственный поезд... И вот, в такой момент, волей-неволей, придется обратиться к «нам», пассажирам. Нет ли среди нас «машинистов»? Ведь не стоять же на месте за непригодностью прежних водителей...

Пассажирам остановившегося поезда надо позаботиться о завтрашнем дне... Сейчас мы «критикуем», но завтра может наступить момент, когда «критиковать» станут нас. И мы должны подготовиться к этой «критике» и заблаговременно подготовить свой кадр «испытуемых».

«Утро России», 30 декабря 1916 г. (12 января 1917 г.).

Так писала либеральная газета. А реакционная газета «Новое Время» выражалась яснее:

«России нужно много солнца, много света, убивающего паразитную заразу. Стихии се взбудоражены и часто с глубоких подонок поднимаются элементы, притязающие на большую политическую роль. Что и на дне народном могут рождаться благородные и великие души, это вне спора, однако тьма народная имеет, подобно морскому дну, своих гадов, которым лучше было бы там, на дне, и оставаться».

«Новое Время», 20 декабря 1916 г. (2 января 1917 г.).

Еще одно предостережение:

«Страшна не война, потому что мы к ней уже привыкли... страшен не экономический кризис внутри государства... потому что мы с ним — худо ли, хорошо ли, но справимся... страшна внутренняя путаница, исполненная великим соблазном...

«Московские Ведомости», 10 (23) декабря 1916 г.

В эти смутные дни страну потрясло известие об убийстве Распутина. Прорывая запреты цензуры, газета «Утро России» писала:

«Что случилось в России? Почему послы союзных держав шлют длинные шифрованные телеграммы своим правительствам — в Лондон, Париж, Рим? Отчего забыто все — события на фронте, продовольственная разруха, предложение Вильсона и многое другое, что еще вчера волновало нас всех?

Убит Распутин...

Раздавшийся выстрел — это только попытка последних еще здоровых кровяных шариков уничтожить проникший в организм посторонний элемент...

Но если это так, если перед нами действительно наиболее яркий акт трагедии саморазложения, если в пределах власти происходит последняя попытка остановить разрушительные процессы разложения, если раздавшийся выстрел — последний крик отчаянья и последнее предостережение, то... пусть скорее кончается трагедия власти».

21 декабря 1916 г. (3 января 1917 г.).

В тот же день — 21 декабря по старому стилю — другая известная газета «Русские Ведомости» опубликовала — в переводе с рукописи — большую статью знаменитого английского писателя Герберта Уэллса «Что люди думают по поводу войны». Вот заключительные строки этой интересной статьи:

«Все говорят о великих переменах, которые произойдут после войны... А в то же время я замечаю в этом европейском мире что-то тупое и инертное...

Одна лишь мысль, кажется, приводит в движение этих упорных людей. Когда все прочие аргументы оказываются бессильными, я бросаю ее как последнее возбуждающее средство. Я говорю: «После войны будет с т р а ш н а я рабочая смута».

А они пытаются уверить себя, что рабочие будут смяты военной дисциплиной».

С этой страницы журнала мы начинаем печатать фотографии 1908—1967 годов.

...В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (том 30, стр. 386) впервые напечатаны «Замечания по поводу статьи о максимализме», написанные Лениным в конце 1916 года. В них тоже был прогноз. Но в них была и программа действия:

«...на практике ВСЕГО ВЕРОЯТНЕЕ, что из всякой серьезной борьбы за КРУПНЫЕ требования программы-минимум (Перед этим Ленин пояснил, что «Программа-минимум есть такая программа, которая принципиально СОВМЕСТИМА с капитализмом, не выходит из его рамок» — С. В.) *РАЗГОРИТСЯ борьба за социализм и что МЫ во всяком случае к этому стремимся».*

Уэллс пугал государственных деятелей Европы «рабочей смутой», буржуазная либеральная газета призывала представителей буржуазии быть готовыми к тому, чтобы сменить места «пассажиров» на посты «машинистов», реакционные газеты призывали усмирить «гадов», встающих со дна народного, а Ленин утверждал: большевики будут бороться за социализм.

...19 февраля (4 марта) 1917 года. Первая страница газеты «Утро России». Объявления здесь точно витрина отражают «казовую» жизнь страны. Они свидетельствуют о том, как торговали, как развлекались, как жили господствующие классы страны за несколько дней до февральской революции.

А на пятой странице той же газеты за тот же день— белые квадраты и параллелепипеды: места, вырубленные цензурой. На пятой странице читателей ждало таинственное «МУ»: французская торговая делегация осмотрела в Харькове «горнопромышленный му» — на этом обрывается сообщение, далее следует белое пятно.

Не менее красноречива телеграмма:

«В военно-промышленном
комитете
Экономические конфликты»

И все. Содержание телеграммы вычеркнуто цензурой. И так, за один день, на одной странице одной лишь газеты несколько «белых пятен».

ПОСЛЕДНИЕ СООБЩЕНИЯ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«От штаба Верховного главнокомандующего Петроград, II, 25 (ПТА) Северо-западнее Окна наши войска ведут контратаки, с целью взять высоту, потерянную 23 февраля.

На остальном фронте перестрелка и стычки разведчиков».

«Утро России», 26 февраля (11 марта) 1917 г.

«Вечером в Таврическом дворце состоялось собеседование крестьян-депутатов с министром земледелия...

Крестьяне указали на необходимость, с их точки зрения, ... (ЦЕНЗУРА!) образования волостных комитетов. Не ожидавший таких выступлений А. А. Риттих ответил крестьянам, что вопрос о политических и гражданских правах крестьян находится за пределами его компетенции...»

«Утро России», 27 февраля (12 марта) 1917 г.

В тот же день началась Февральская революция. Сообщая, что Временный Комитет членов Государственной Думы «нашел себя вынужденным» взять в свои руки власть, газета «Голос России» одновременно — 2(15) марта 1917 года — поместила и такое сообщение:

ОТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

«Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной Думы. От всех перешедших на сторону народа войск немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие меньше тысячи рабочих, избирают по одному депутату».

Так зарождалось «двоевластие»: царь отрекся, было образовано Временное правительство и сразу же начали работать Советы Рабочих и Солдатских депутатов.

Восторженно встретили Февральскую революцию почти все газеты. *«Наступил первый день творенья»,* — захлебываясь писала буржуазная пресса. Но о чем говорили объявления на первых полосах газет, славивших революцию? Что выставлялось, например, на «витрине» либеральной, буржуазной газеты «Утро России»? Откроем ее номер от 19 (31) марта 1917 года. Прошли уже почти три недели с «первого дня творенья». Увы — новый день ничем не отличался от старого.

А о чем писали другие газеты? Одной из главных их забот было спасение так называемых «реакционных деятелей»:

«Не бойтесь так называемых «реакционных деятелей», бросьте нелепые разговоры о мнимых контрреволюционерах, расстаньтесь совершенно с мыслью об «опасности справа» — все это пустые страхи и ненужная мнительность.

Новый строй начал с амнистии. Так пусть же амнистия будет равна для всех. Пусть вчерашний день будет изгнан из памяти».

«Русские Ведомости», 16 (29) марта 1917 г.

«По воскресным дням в соборе Св. Василия Блаженного, на Красной площади совершаются вечерни с катехизическими беседами, после же вечерни всякий раз молебствия о победе русского воинства с акафистами. Пение общенародное. Начало службы в 5 час. вечера».

«Московские Ведомости», 11 (24) марта 1917 г.

«На первом месте стоит война с внешними врагами... да осенит Господь Вседержитель победой наши боевые знамена на фронте».

«Московские Ведомости», 11 (24) марта 1917 г. — после революции.

НЕТ, НЕ СОСТОЯЛСЯ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ — ЕЩЕ ПРЕДСТОЯЛО БОРОТЬСЯ ЗА ПЕРЕРАСТАНИЕ СРАЖЕНИЙ ВО ВСЕНАРОДНЫЕ, КЛАССОВЫЕ БИТВЫ.

В то время, в конце февраля 1917 года, в первые дни февральской революции, красноречивее всего в буржуазных газетах последние страницы с их «мелкими», частными объявлениями: купцы, промышленники, богачи вообще, не верили больше ни в деньги, ни в ценные бумаги. Им нужны были «реальные» ценности:

«Желаю купить маленькое поместье по Балтийской железной дороге у воды».

«Дороже всех плачу за драгоценные камни, золото, серебро, платину и ломб. квитанции».

«Покупаю бриллианты, изумруды, жемчуг, сапфиры, квитанции всех ломбардов».

«Раньше чем продавать бриллианты, жемчуг, изумруды, золото, серебро и квитанции всех ломбардов обратите внимание на адрес специальн. конторы для покупки драгоценностей.

За серебро плачу дороже всех».

Эти объявления появились в дни Февральской революции в газете «Новое Время».

Если бы крысы на тонущем корабле умели давать объявления...

Впереди были битвы бурного лета 1917 года, впереди был Великий ОКТЯБРЬ!

2. «УЖЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ...»

БОЛЬШЕВИКИ БЕРУТ ВЕРХ

«Москва. В Московском Совете. Председателем Московского С. Р. и С. Д. избран большевик Ногин».

«Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», 21 сентября (4 октября) 1917 г.

«Бюро Центрального Исполнительного Комитета постановило созвать Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в 20-х числах октября...

Есть товарищи, — и их теперь немало, — полагающие, что главная задача Съезда — провозгласить от имени всероссийской революционной демократии лозунг, усвоенный Петроградским, Московским и некоторыми другими Советами: «Вся власть Советам!..»

Неужели же найдется хоть один член съезда, который скажет, что... надо сделать рискованный опыт захвата власти Советами?»

«Известия ЦИК», 29 сентября (12 октября) 1917 г. — с этого номера Петроградский Совет снял свой гриф с «Известий», в которых в то время погоду делали меньшевики.

...НО БУРЖУИ ЕЩЕ КОПОШАТСЯ

До Октябрьской революции остались считанные дни. Но дельцы продавали, директора театров завлекали зрителей, купцы рекламировали товары. А среди сотен объявлений выделялись истошные вопли некоего Зыкова:

УТРО
РОССІИ
ЯРЪ
ДЕБЮТЫ НОВЫХЪ АРТИСТОВЪ
ОБЪЯВЛЕНІЕ

Крестьяне. Палач столыпинских времен. Ссыльный кандальный. Рабочая ночлежка.

«Покупаю СЕРЕБРО по 55 рублей фунт и дороже.

Плачу самые высокие цены за ЗОЛОТО, ордена, бриллианты, жемчуг и разные старинные вещи: фарфор, бронзу, картины, гравюры, миниатюры, табакерки и разные мелочи. Загородный пр. 32, кв. 2. тел. 507-90».

Это было напечатано 7 (20) октября 1917 года в «Биржевых Ведомостях». А 20 октября (2 ноября) 1917 года Зыков повторил в той же газете свой призыв на новый лад:

«ЗУБЫ ПОКУПАЮ

искусственные, старые и даже ломанные челюсти.

Плачу за зуб от 1 р. до 5 р., покупаю СЕРЕБРО 60 р. за фунт и также золото, ордена, драгоценные и старинные вещи, фарфор, бронзу».

Молодец Зыков! — ему нельзя отказать в предприимчивости: он скупал золото в кратере клокочущего вулкана. И под этот клич неунывающих дельцов *«ЗУБЫ ПОКУПАЮ!»* вулкан поглотил старый мир.

ВРЕМЯ БЕРЕТ СВОЕ

«Заслушав доклад о первых шагах военно-революционного комитета Петр. Совет Р. и С. Д. подтверждает принятые им меры и надеется на его дальнейшую и энергичную деятельность...

Сегодня с утра появляются сведения о том, что караулы из частей Петроградского гарнизона отказались отправиться для несения службы без разрешения военно-революционного комитета..»

«Голос солдата», 24 октября (6 ноября) 1917 г.

«На заседании Петроградского Совета Р. и С. Д. было объявлено, что военно-революционным комитетом назначен комиссар для наблюдения за работой петроградского телефонного агентства и для цензуры телеграмм, что Балтийский вокзал занят большевиками, что в Гатчине задержаны латышские полки, идущие в Петроград на поддержку большевиков, что телеграфная станция занята большевиками, что разведенные мосты наведены вновь при помощи матросов крейсера «Аврора». Военно-революционный комитет в данное время считает себя хозяином положения. По сведениям Петроградского Совета Р. и С. Д. на стороне Вр. Правительства из войск гарнизона остались лишь юнкера и часть броневиков».

«Новое Время», 25 октября (7 ноября) 1917 г.

10 ЧАСОВ УТРА ПЕРВОГО ДНЯ РЕВОЛЮЦИИ

В 10 часов утра 25 октября (7 ноября) 1917 года В. И. Ленин написал от имени Военно-революционного комитета при Петроградском Совете Р. и С. Д. воззвание «К гражданам России»:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

А МОЖЕТ БЫТЬ, РЕВОЛЮЦИЮ ВСЕ ЖЕ ВЫДУМАЛИ БОЛЬШЕВИКИ?

8 (21) ноября 1917 года, после перерыва, вызванного революционными событиями, вновь вышла газета «Утро России». В ней утверждалось, что... революции не было.

«Большевистские официозы продолжают утверждать, что в последних числах октября в России произошла революция и что революцию эту совершили «рабочие, солдаты и крестьяне». На самом деле, ни в Петрограде, ни в Москве, ни на узловых станциях не было революции. Там были только солдатские бунты».

Но редакция фактически сама себя опровергает.

Видите? Объявления частных банков, купеческих обществ, торговых домов и пр. и пр. исчезли. Навсегда.

Дул,
как всегда, октябрь
ветрами,
Рельсы по мосту вызмеив, —
гонку свою
продолжали
трамы
уже —
при социализме.

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

И вот, снова приближался новый год. Декабрь. В голодной, разрушенной войной стране идет напряженная созидательная работа.

14 декабря Ленин проводит совещание по подготовке занятия всех частных банков Петрограда в целях их национализации.

22 декабря ВЦИК издал декрет о страховании на случай болезни.

27 декабря (ст. стиля) Совнарком принял постановление о переходе знаменитых петроградских Путиловских заводов в собственность Российской Республики.

28 декабря 1917 года Ленин председательствует на заседании Совнаркома, во время которого пишет проект постановления об организации комиссии практиков при ВСНХ и проект постановления о реорганизации Особого совещания по топливу. **29 декабря** на заседании Совнаркома, происходившем под председательством Ленина, обсуждаются вопросы о переходных формах устройства армии в период демобилизации, о формировании национальных частей в армии и др. **30 декабря** Ленин вновь руководит заседанием Совнаркома, обсудившим доклад советской мирной делегации в Брест-Литовске. **31 декабря** Ленин вручает финской правительственной делегации декрет Совнаркома о признании государственной независимости Финляндии...

В эти же дни, в последние дни 1917 года, принесшего России две революции, в редакции газеты «Утро России», так смело встретившей этот знаменательный год, вновь готовился праздничный номер.

31 декабря 1917 года в газете, успевшей перекинуться в лагерь контрреволюции, но все еще легально выходившей в Петрограде, была напечатана статья видного кадета, приват-доцента Н. В. Устрялова, которого Ленин вскоре назвал откровенным классовым врагом. Сей ученый муж мрачно вещал:

«Печальны итоги, печальны и перспективы. Большевизму, конечно, не удастся осуществить своей «программы». Больше того: он жалок и смешон с этими своими бесконечными бумажными декларациями перед лицом продолжающейся великой мировой войны.

Как международный фактор, Россия ныне выбывает из строя... Отрекшись от самодержавия, Россия бессильна создать порядок, соответствующий ее новому «революционному правосознанию»...

Задача русского народа ныне ясна и неоспорима, хотя и поистине грандиозна: возрождение Прежней России.

Пусть же наступающий год будет началом этого возрождения».

Написав это заклятье, Устрялов вскоре бежал от революционной России.

Отметим, что в 1935 году он вернулся на родину и мог лично убедиться в несостоятельности всех своих «пророчеств».

Бесславной оказалась судьба и сотен других подобных «прогнозов». «РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕЛО, НАЧАТОЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ, ШИРИТСЯ, КРЕПНЕТ И ПОБЕЖДАЕТ. СОЦИАЛИЗМ — СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СОТЕН МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ И ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» (50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС).

УТРО
РОССІИ
№ 75
ОБЪЯВЛЕНІЕ
РУССКО-ГОЛЛАНДСКАГО
БАНКА
ОТКРЫВАЕТСЯ ОТДѢЛЕНІЕ
ВЪ МОСКВѢ
МЕБЕЛЬ
КРОВАТИ, МАТРАЦЫ
ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ.
НОВНАНЫЕ КОСТЮМЫ

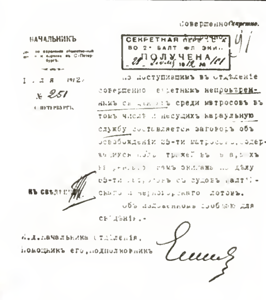
УТРО
РОССІИ
ВОЙНА.

ПУШКИ — НА ЗИМНИЙ*

Р. ГЛАГОЛЕВ

Восемь матросских судеб — на пожелтевшей бумаге. Спустя 55 лет мы узнаем о дерзкой попытке заговорщиков захватить Балтийский флот и направить свои пушки еще тогда — за пять лет до Авроры — на Зимний дворец, мы узнаем о том, что восстание готовили большевики во главе с Шотманом, мы узнаем, что в Лонжюмо волновался, ожидая известий о ходе событий, Владимир Ильич Ленин.

Совершенно секретно.

НАЧАЛЬНИКЪ [illegible] по охраненію общественной [illegible] и порядка въ С.-Петербургѣ.

I[illegible]ля 1912.

№ 251

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА ВО 2 БАЛТ ФЛ ЭКИП. ПОЛУЧЕНА 21 [illegible] 1912 № 101

По поступившимъ въ отдѣленіе совершенно секретнымъ непровѣреннымъ свѣдѣніямъ среди матросовъ въ томъ числѣ и несущихъ караульную службу составляется заговоръ объ освобожденіи 25-ти матросовъ, содержащихся [illegible] тюрьмѣ въ [illegible] экипажа по дѣлу 65-ти [illegible] съ судовъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ.

Объ изложенномъ сообщаю для свѣдѣнія.-

ВЪ СВѢДѢНІЕ

И.д. начальника отдѣленія, помощникъ его, подполковникъ [signature]

[illegible]АНДИРУ 2-го БАЛТІЙСКАГО ФЛОТСКАГО ЭКИПАЖА.-

Много раз приходилось судьям Российского флота выслушивать аналогичные дела за последние восемь лет. Бунтовал Кронштадт, восставал Свеаборг, «Память Азова»; полиция раскрывала подготовку к мятежам на «Славе», на «Авроре», на «Двине», на «Рюрике»... Процессы, процессы, процессы... В последние годы на флоте работали эсеры. Они неутомимо засылали своих агентов в Ревель и в Кронштадт. Но департамент полиции парализовал все их усилия. Наконец эсеры выдохлись. Последний из эсеровских агентов законспирировался в Кронштадте под видом преподавателя эсперанто, но тут, к изумлению и своих руководителей, и сыщиков, не спускавших с него глаз,... всерьез увлекся эсперанто! Нелегальные дела оказались заброшены.

Тем не менее на флоте снова возник заговор. Как это случилось? Кто на сей раз стоял во главе? И главное — почему возникает это постоянное, стихийное, всеобщее недовольство? Как создается вечная почва для мятежных агитаторов? Вот что хотел понять военный суд Балтийского флота.

Может быть, матросы недовольны пищей? На «Потемкине» когда-то все началось с червивого мяса... Или их раздражают чрезмерно строгие порядки, излишняя придирчивость офицеров? Наказания, тюрьмы, дисциплинарные роты?

...Плохая пища? Стенограммы суда подтверждают: да, волнения на линкоре «Император Павел I» возникли после «горохового бунта». Команда коллективно отказалась есть горох с ветчиной. Но, во-первых, суд точно установил, что горох с ветчиной был доброкачественными. Во-вторых, горох входил в обычное флотское продовольственное расписание, он подавался не чаще раза в неделю. В-третьих, подсудимые откровенно признавались, что *лично* каждый из них против гороха ничего не имеет. Суду было ясно: «гороховый бунт» послужил всего лишь выходом для уже накопившегося недовольства. Но опять-таки прежний вопрос — откуда оно взялось, это недовольство?

...Свидетели — офицеры с мятежных кораблей — дали суду свое толкование происходивших событий. Старший офицер Миштовт, вахтенный начальник Дидерихс и все остальные твердили одно и то же: на флоте требуется железная дисциплина, мы, офицеры, добивались такой дисциплины от разболтанной команды, она нас за это возненавидела...

Внешне такое объяснение казалось правдоподобным: старший офицер Миштовт, например, объяснял суду, что каждую неделю на его корабле происходило уголовное преступление. Вот с каким сбродом приходилось возиться офицерам! Понятно, среди такой команды бунт должен был вспыхнуть раньше или позже...

Казалось, у суда складывалась привычная схема событий: с одной стороны, требовательные офицеры (они же «драконы»), с другой — разнузданная матросня (они же бедные матросики, над которыми драконы зверствуют) и т. д.

Но когда суд приступил к допросу подсудимых, картина резко изменилась.

Любопытно: среди 54 вожаков заговора, среди многих руководителей военно-революционной организации не нашлось ни одного штрафника! У себя на кораблях подсудимые считались самыми дисциплинированными, самыми исполнительными и умелыми матросами. И, напротив, предатели, агентов охранки, свидетели—офицеры характеризовали именно как бездельников, как болтунов и лодырей.

Подсудимые единодушно утверждали, что они с уважением относились к требованиям флотской дисциплины; что им непонятно, почему офицеры подозревают их в презрении и ненависти к себе. Жалоб на дурное обращение у них нет.

...Вот выступает перед судом унтер-офицер Плечев, один из руководителей подпольного комитета на крейсере «Рюрик». Какие у него могли быть личные обиды на офицеров? Они ценили его — умного, способного, дельного. У Плечева обнаружились способности к живописи. Тогда старший офицер позволил ему два месяца жить в Петербурге, учиться у художника Кравченко. После возвращения на корабль Плечеву отвели помещение, где он в свободное время мог рисовать, писать маслом и акварелью... В этом помещении и собирались на заседания руководители подготавливаемого мятежа. Судьи становились в тупик. Что ему нужно было, этому мятежнику Плечеву?

Нет, не в личных обидах на офицерские зуботычины и оплеухи крылись причины недовольства матросов — это становилось все яснее и яснее.

Наверное, генерал-майору Алабышеву, председателю суда, легче было бы разобраться в сути дела 54-х, если бы припомнил он свой предыдущий процесс. Тогда судили матросов с учебного судна «Двина». Вожак подпольщиков, широкоплечий и широколицый матрос Коломейцев, бросал в лицо судьям:

— Дело вооруженного восстания на Балтике поставлено так прочно, что оно подобно стоголовой гидре. Если отрубят одну голову, вместо нее вырастет другая. Пропаганда во флоте покончится не на отдельных организациях, которые можно выхватить и покончить с ними, но на общем недовольстве и массовой агитации.

— Каковы же причины этого общего недовольства? — спросил его генерал.

— Матросы бывают в заграничных плаваниях, — отвечал подпольщик, — и не могут не сравнивать все увиденное с порядками в России. Поэтому они всегда готовы взяться за оружие, чтобы завоевать себе лучшее социальное положение и приобрести политические права.

Помнил ли слова этого матроса генерал Алабышев? Помнил ли он секретную докладную записку на имя командующего морскими силами, где говорилось: «Аресты в Ревеле и в Свеаборге указывают на новый натиск на нашу государственность... Натиск этот ведется по всей линии, по обдуманному плану и с большой энергией. Такой вывод подтверждается тем обстоятельством, что *материаль-*

* Окончание. Начало см. в № 9.

Петроград. 1917 г.

ные требования бунтующие команды и войска не выдвигают даже в качестве предлога...»

Секретные документы показывают: власти очень беспокоило «зловредное» влияние, которое оказали на настроение нижних чинов военно-революционные перевороты в Турции и Португалии. «И нам бы так», — якобы говорили между собой русские матросы.

...Алабышев оглядел зал суда, внимательно всмотрелся в лица подсудимых. Вот она, стоголовая гидра, которую не под силу погубить никакому Гераклу, — гидра заговора.

На месте свидетелей в то время давал показания молодой матрос с броненосного крейсера «Рюрик».

— Меня привели товарищи к Плечеау, и он сначала удивился, сказал: «Тебя никак не ждал с нами видеть», а потом и говорит: «Ну, о нашем деле с тобой уже говорили ребята. Я скажу только одно: восстать — это наш святой долг!» Он много раз повторял: «Святой долг!»

Святой долг нижних чинов российского императорского флота перед народом и Россией... Их кормили сытно, их одевали в красивую форму, их задабривали — чином боцмана, каютой для занятий живописью или просто увольнительной на берег... Но им был нужен не горох с ветчиной, не разрешение на живопись — по заказу вахтенного начальника, не дудка, под звуки которой можно ставить во фрунт своих товарищей, испытывая мелкое сладострастие власти — они жаждали справедливости! Общего счастья! Власти народной — от народа и для народа! Они мечтали о свободе, великой свободе без богов и владык! И в поисках дороги к ней матросы почти инстинктивно искали «агитаторов», старинных врагов существующих порядков. Как сказал накануне бунта один из матросов, Пирожкин со «Славы»: «Стой, ребята, — без агитаторов нельзя. Нам ведь свобода нужна».

И словно вихрь, в больных точках империи мгновенно появлялись отважные подпольщики, со своими листовками, с оружием, сея вокруг себя семена яростной борьбы, освещая дорогу массам светом политической мысли.

Но как они все-таки ухитрялись проникать в такие недоступные уголки империи, как, например, суда императорского флота? Как сумели подготовить и организовать мятеж на четырех линкорах? На этот вопрос суд так и не добился ответа...

3. ПРОВАЛ

Главную огневую силу Балтийского флота составляли линкоры.

«Петропавловск» стоял в Кронштадте, три других — в Гельсингфорсе: «Слава», «Цесаревич», «Император Павел I».

Но эти могучие корабли считались тихоходными для современной войны. Поэтому во главе эскадры шел броненосный крейсер «Рюрик», быстроходный «англичанин», великолепный корабль. Командующий флотом адмирал фон-Эссен держал свой флаг на «Рюрике».

Помимо линкоров и «Рюрика», в состав эскадры входили другие крейсера и дивизии миноносцев. Они располагались в Ревельском порту. Потом шли учебные суда, вспомогательные, катера и т. д.

...Как гласит дело № 313, из фонда № 407, в начале декабря 1911 года команда «Рюрика» послала своих представителей на первую сходку в лесу. В новогоднюю ночь в лесу собрались уже матросы не только с «Рюрика», но и с трех линкоров, а также с нескольких миноносцев. Организация выросла, расширилась и окрепла всего лишь за один месяц.

«В начале января 1912 года, — говорится в обвинительном заключении, — моряки попросили «Волкова»-Воробьева написать воззвание к солдатам и матросам и потом распространили его на судах». К этому времени были установлены связи с «Петропавловском», стоявшим на Кронштадтском рейде, и с минной дивизией в Ревеле. Охранка установила номера трех миноносцев (217, 218 и 222), на которых имелись ячейки военно-революционной организации. Но, по словам Шотмана, в подготовке восстания участвовало не три, а восемнадцать из двадцати пяти миноносцев. Тайми также утверждал, что большевики работали почти на всех балтийских эсминцах.

Вскоре организация установила контакты с гарнизонами кронштадтских фортов. Казалось, в течение нескольких месяцев весь флот был охвачен сетью революционного подполья. Матросские головы закружились, упоенные первыми действительно замечательными успехами.

Особенно мощной флотская организация стала в конце марта, когда ее возглавил Шотман. Он привлек к работе опытных профессионалов революции. Огромную роль стал играть в деле бригадир по установке прицелов Иван Кондратьев, товарищ Шотмана по революционной работе в Питере, на заводе Лесснера. Кондратьева называли «центральной фигурой организации».

30 марта на сходке было постановлено создать кассу. Ежемесячные отчисления от матросского жалованья составляли три копейки с каждого рубля. Казну решили прятать на «Цесаревиче».

В марте и апреле обсуждался план восстания. Всех будущих повстанцев разбили на десятки, причем в одном десятке не знали членов другого. Никто, кроме командиров десятков, не знал руководителей общефлотской организации и вожаков подпольщиков с других кораблей. По указанию центра, подпольщики-матросы провели изучение настроения команд и, видимо, результаты опроса вдохновили их: недаром на суде старший офицер флагмана, Миштовт, признавался, что «ненадежными были 50 процентов команды» его корабля.

Общий план восстаний выработали довольно легко. Матросы заявили: «Начинать надо во время маневров, когда запасут на кораблях провизию». Кроме того, в море не было ни казаков, ни жандармов — стало быть, легче захватить корабли. После захвата — курс на юг. «Все суда со второй минной дивизией отправить в Ревель. Там присоединится к нам легкие крейсера. Оттуда всей эскадрой пойдем в Кронштадт. Несколько снарядов — и город будет наш. Потом в Петербург. В Петербурге бастуют рабочие по поводу Ленских событий, и мы встретим общее сочувствие нашему делу».

Выслушивая горячие матросские речи, Шотман особенно интересовался возможностью взять Кронштадт. «В Кронштадте после первого снаряда нас все узнают и пристанут к нам», — уверяли подпольщики. И все-таки в план внесли уточнение: взяв Ревель, эскадра вначале возвращалась обратно в Гельсингфорс. Здесь в помощь ей большевики поднимали местных рабочих. Только захватив и Ревель, и Гельсингфорс, имея уже обеспеченный тыл для отступления, эскадра отправлялась на штурм Кронштадта. В случае успеха... линкоры — в Неву, пушки — на Зимний, да здравствует революция!

По поводу сроков восстания возникали разногласия.

И Шотман, и «Волков»-Воробьев предложили начать «игру» через полгода — на осенних маневрах. Отсрочка дала бы время для связи с ЦК, для подготовки питерских партийных ячеек и т. д. Кроме того, профессионалам подпольной работы казалось, что на кораблях еще не готовы к настоящей организованной борьбе.

Но матросы рвались в бой. Они боялись азефовщины, неожиданного предательства в случае отсрочки, и вообще хотели начать дело возможно скорее. Как сказано в обвинительном заключении, «Волков не мог противостоять боевому настроению матросов». Численность организаций на кораблях, казалось, гарантировала первый успех: по данным охранки, приведенным в делах архива, ячейка на «Рюрике» насчитывала полтораста человек, а на «Цесаревиче» — двести. Двести вооруженных матросов, внезапно нападающих на офицеров ночью во время похода,— это была сила, это сулило победу. На «Славе» организация была послабее. Но на сходке 19 апреля рассудили, что линкор «Слава» во время маневров пойдет между «Рюриком» и «Цесаревичем» и если его команда заколеблется, примкнуть ли к повстанцам или нет, пушки и минные аппараты соседей поддержат начавшееся на «Славе» восстание.

Итак — начинать весной, ибо «все готово» — вот чего требовали представители команд. И они победили. Сходка приняла решение начать восстание немедленно, то есть во время апрельских маневров Балтийского флота.

18 апреля большевики провели «генеральную репетицию». В этот день гельсингфорские рабочие вышли на первомайскую (по новому стилю) демонстрацию. В Свеаборге же — русском военном порту — маевки были запрещены. Но большевики призвали рабочих пойти на улицы с красными знаменами... Когда же несколько штрейкбрехеров все-таки появились в мастерских, хозяева сами предложили им отправляться домой: «Из-за вас не стоит запускать машины», — сказали расчетливые капиталисты...

Осталась одна неделя... Рабочие-большевики провели ее на кораблях. Заканчивался ремонт перед выходом в море, и «ремонтники» могли беспрепятственно проникать в любые уголки линкоров, миноносцев, крейсеров. Поскольку в первую очередь успех зависел от победы на флагмане — на крейсере «Рюрик», именно там действовали сам Шотман и Иван Кондратьев, «центральная фигура».

19 апреля состоялась предпоследняя сходка. Выборы тройки по руководству восстанием: Шотман, Адольф Тайми, «Волков» — Сидор Воробьев. Выбран и запасный член — на случай ареста Воробьева — бывший вожак обуховских рабочих Алексей Ермаков.

Теперь Шотман не только фактически, но и формально — глава повстанцев. Он объявляет матросам, что сигнал к восстанию будет подан ЦК большевиков из Парижа. Тут же на сходке вырабатывают несложный шифр для связи с ЦК и между восставшими судами.

Раздача оружия крестьянам.

Отныне «Цесаревич» — «Лиза», «Слава» — «Маня», «Рюрик» — «Катя». Главный телеграфист «Рюрика» унтер-офицер Эйдемиллер — член организации. Ему передают приказ подполья: принять на крейсере телеграмму: «Не пиши. Я уехала в Петербург» и передать ее руководителю десятка. Эта телеграмма будет сигналом ЦК для «Рюрика» о начале восстания на корабле.

Получив сигнал, Эйдемиллер обязан протелеграфировать руководителям организации на всех линкорах: «Маша встала. Твоя Лиза» и наоборот — «Лиза встала. Твоя Маша». Получив такую депешу, они будут знать, что на «Рюрике» начали действовать.

После сходки отправили курьера в Петербург. Им был особо доверенный подпольщик — Думнов — «Вульпе», недавно приехавший из партийной школы в Лонжюмо.

Канал связи с ЦК у Шотмана шел через думскую фракцию, — через депутата Николая Григорьевича Полетаева. К нему и направили Думнова с заданием информировать через Полетаева ЦК и получить от вождей партии содействие и поддержку планам балтийцев.

Думнов очень торопился. И в спешке совершил ошибку, которая оказалась роковой для восставших.

До восстания оставались считанные дни. Надо было как можно скорее поднять рабочих на помощь матросам. Поэтому Думнов передал сведения не только Полетаеву, но и второму большевистскому депутату Государственной думы, связанному с заводскими ячейками, — Шурканову.

Говорил он общими фразами, не называя ни фамилий, ни паролей, ни явок: для этого курьер был достаточно опытным конспиратором. Шурканов узнал только одно: во время маневров, через пять-шесть дней, на Балтике начнется всеобщее восстание. Двенадцатидюймовые пушки наведут свои стволы на царскую резиденцию.

...В условленный день Думнов не прислал телеграммы из Петербурга. А еще через две недели он покончил с собой, оставив загадочную записку: «Ни в чем не виноват, но жить больше не могу»...

А еще через пять лет, когда восставший народ разгромил архив охранки, Адольф Таймин в куче бумаг, принесенных в Петроградский ревком, нашел донесение жандармскому полковнику фон Коттену от его агента «Лимонина» — от депутата Государственной думы Шурканова... Донесение о заговоре на флоте!

...Не имея решения ЦК, подпольщики все же решили действовать. В Гельсингфорс вечером 22 апреля, за два дня до выхода в море, руководители военной организации собрались на последнюю сходку.

Строг был конспиративный ритуал, охранявший сходку от провокаторов. О нем стало известно из материалов следствия.

Сначала делегат с корабля заходил в маленькую матросскую таверну в Сернэсе, рабочем пригороде Гельсингфорса. Пароль: «Сяду-ка за второй стол». Отзыв: «Садись к нам, за четвертый». (Так как столы в таверне не нумеровались, случайные совпадения были исключены). Поговорив за столом, матросы выходили «погулять с девушками». Они выходили к Петроградскому мосту, сворачивали вниз, к развилке дорог. Здесь их встречал матрос, сидевший с гармонikой на валуне возле шоссе. «Что, за ягодами собрались?» — задорно приветствовал он приходящих. «Да, за брусникой». Это второй пароль. «Брусники много вон там, за насыпью в овраге». Пройдя по указанному направлению, делегаты попадали на сходку.

В тот последний раз обсуждались конкретные подробности захвата кораблей в море. Начать должен был адмиральский флагман — «Рюрик». Захватив крейсер в свои руки, восставшие обещали подать сигналы на линкоры и миноносцы — вызывать на борт, к адмиралу, одного за другим всех капитанов и старших офицеров эскадры. На «Рюрике» их ждал плен; лишившись командиров, остальные офицеры будут сломлены, поэтому отъезд капитанов на «Рюрик» должен служить сигналом начала для судовых организаций подпольщиков. И вскоре эскадра поднимет знамя восстания на Балтике.

Но когда же начать «дело» на «Рюрике»? Решили: лучше всего ночью, когда фон Эссен и его штаб будут почивать спокойно. Тогда же и вызвать капитанов на борт: в темноте не разберут, в чем дело. Но ведь ночью не будет видно красных знамен, невозможно определить, где успех, а где неудача, куда требуется помощь. Сходка постановила: в случае ночного выступления сигналом успеха будет красный фонарь на мачте корабля.

Итак, последние решения приняты. Пора приступать...

Утром 23 апреля Шотман, как обычно, явился на «Рюрик», сдавал работу приемщикам. С волнением оглядывал он залив, очистившийся ото льда, суда, отремонтированные, блестящие свежей краской и надраенной медяшкой, радостно дымившие после зимней «спячки». Эскадра готовилась к выходу в море.

У носовой башни он увидел Кондратьева: тот сдавал приемщику прицелы. Потом обернулся к Шотману, кивнул. С волнением подпольщики осматривали могучий корабль, который скоро уйдет в море и наутро будет плыть под знаменем революции.

Шотмана поразила необычайная тишина на корабле — какая-то особая, даже торжественная мрачность команды. Но он объяснил ее переходным психологическим состоянием перед началом восстания. Только впоследствии Александр Васильевич узнал, что по поведению офицеров команда уже чувствовала недоброе.

Но вот сдача закончена, и Шотман — последним из штатских — покинул флагман. В ночь был назначен выход эскадры в море — ждали только приезда командующего флотом адмирала фон Эссена.

На следующий день Шотман отпросился с работы у хозяина мастерской — и в порт. Ожидал увидеть пустынный рейд, услышать новости о восставшей эскадре... А в гавани все корабли по-прежнему на якоре!

Что случилось? Почему они не вышли в море? Ведь все было готово...

Обычно от берега к кораблям туда и обратно сновали катера. Сейчас не видно было ни одного из них. На палубах линкоров — ни души. Будто вымерли корабли! Зловещая тишина стояла над заливом.

Предчувствуя недоброе, возвратился Шотман в мастерскую.

После работы забежал к нему товарищ и сообщил: на улице арестован Адольф Таймин. В Сернэсе (своего рода Выборгской стороне Гельсингфорса) вся полиция на ногах. Кого-то ищут... Потом с обыском явились к «Волкову» — Воробьеву. Видимо, полиция хотела прощупать сначала все его связи: Сидора Петровича не взяли. Но он быстро понял обстановку и, не заходя к товарищам, оторвавшись от шпиков, бежал в ту же ночь за границу.

Утром 25 апреля Шотман услыхал об аресте товарищей Ермакова и Кокко. Если арест Ермакова как-то можно было объяснить (он состоял запасным в тройке по руководству восстанием), то арест Никандра Кокко поверг Шотмана в полное недоумение. Никакого отношения к работе военной организации этот социал-демократ не имел. За что же его взяли? Кого они ищут?

Еще загадочней выглядел в глазах Шотмана внезапный арест председателя финляндского профсоюза металлистов товарища Саксмана. Саксман вообще не имел никакого отношения ни к военной организации, ни даже просто к подпольной работе.

Финский сейм протестовал против арестов Кокко и Саксмана. Кокко все же осудили; Саксмана отпустили через сутки, не объяснив причин задержания, не извинившись...

И Шотман решил — пора ему уходить. Однако просто так потерять выгодный аванпост в Финляндии было жалко. Поэтому он воспользовался сокращением заказов в мастерской (флот закончил зимний ремонт) и попросил отпуск. Хозяин охотно разрешил мастеру навестить родных в Германии. Ловко заметая следы, Шотман прибыл в Германию, а уже оттуда перебрался в Париж.

В библиотеке на Кобленке в Париже неожиданная встреча — Воробьев был там же! Сидора Петровича он на следующий день привел к Ленину — на улицу Мари-Роз, дом четыре.

От Владимира Ильича они узнали: русские газеты сообщили об аресте 54 матросов на «Рюрике» и «Цесаревиче». Газета «Гражданин» называла этот арест «полицейской провокацией», намекала, что морские власти не были предупреждены об арестах и протестовали против них. (Тогда Шотман поверил этим слухам. На самом деле аресты были санкционированы адмиралом фон Эссеном: об этом говорится в документах Центрального Военно-Морского архива).

Шотман и Сидоров подробно рассказали Ленину о плане провалившегося восстания — «несколько фантастическом плане», как чистосердечно признавался потом Шотман.

Ленин слушал их очень внимательно. Задавал вопросы. Высказывался крайне осторожно. Нет, он не осуждал их за подготовку восстания. Но и похвал от него они не слышали.

Дело было новое в мировой практике социал-демократии. Никогда до той поры революционному рабочему движению не приходилось сталкиваться со стратегией и тактикой военно-революционного переворота. Необходимо было изучить и взвесить этот первый опыт, найти его достоинства и минусы.

Несколько раз, по словам Шотмана, Ленин как бы про себя повторил:

— Без участия широких рабочих масс дело не выгорит, какой бы хороший план мы ни придумали.

Красногвардейцы у Смольного

Революционные солдаты и рабочие.

* * *

Потянулись парижские будни. Шотман проводил целые дни в маленькой квартирке на улице Мари-Роз. Веселый, словоохотливый, добрый, он скрашивал тяжелое эмигрантское житье-бытье семьи Ульяновых. Чистил на кухне картошку, с удовольствием мыл посуду и вечно спорил с матерью Надежды Константиновны: старушке досмерти не нравилось в этом Париже. Шотману — напротив — очень нравилось...

Но вот наступила пора возвращаться: отпуск кончился. И опять в Германию, а оттуда уже вполне официально в Свеаборг, в свою мастерскую. Подпольная работа продолжалась.

Как выяснилось впоследствии, полиция, получив сведения от провокатора — депутата Шурканова, стала искать в Финляндии Шотмана. Кокко и Саксман просто пали жертвой недоразумения: сыщики приняли их за Александра Васильевича.

* * *

Еще долго слышались на флоте отзвуки заговора военно-революционной организации.

Апрельские аресты не затронули, например, ячейку на линкоре «Император Павел I»; видимо, Думинов не упомянул названия этого корабля в разговоре с провокатором. Лишившись связи с центром и с другими судами, «павловцы» все же решили продолжить задуманное дело: об этом рассказывает дело № 6077 из 407 фонда Центрального архива Военно-Морского Флота.

Особенно накалилась обстановка на линкоре 10 июня 1912 года. Утром мимо «Павла I» проплыла личная яхта императора «Штандарт» — с Николаем II на борту. Как полагается, команду выстроили для приветствия. Однако «ура» звучало вяло, многие вообще не кричали. С этого дня офицеры на линкоре ежечасно ждали взрыва.

Подпольный комитет назначил восстание на два часа ночи 10 июля: в это время линкор находился в открытом море. Вечером офицеры почувствовали неестественное возбуждение команды. Неожиданно в кают-компанию пришел вахтенный начальник мичман Дидерихс и доложил капитану: его предупредил один из матросов о ночном восстании. Мичман Эльскер сообщил о найденной им в каюте анонимной записке: «В два часа ночи ожидайте, не спите». Капитан приказал ночью взять двадцать три подозрительных нижних чина. Восставших опередили. Позднее, во время обыска, нашли припасенные ими в укромных уголках оружие и патроны.

«...Стоголовая гидра восстания», однако, не погибла и на этот раз. Через три года поднялся линкор «Гангут»; а через пять лет восстала вся Балтика.

И тогда-то провокаторы получили по заслугам. Люсю Серову расстреляли в октябре 1917 года. Правда, кое-кто уцелел. Ловкий Шурканов, например, сумел удрать с колчаковцами; в последний раз видели его в Сибири в 1918 году.

Бывших же подпольщиков из Гельсингфорса воля революции разнесла по свету. Но пока не оборвалась их жизнь, везде они служили ей верно.

* * *

Восемь дел. Восемь дел из Военно-морского архива. Судьбы человеческие на листах пожелтевшей бумаги...

В штабе Красной Гвардии

С. Рейпольский

(К истории одной картины)

Революция — не заговор кучки «активных» революционеров. Великая Октябрьская революция была движением миллионных масс народа. Готовясь к борьбе, партия работала над созданием боевых красногвардейских отрядов, вооружала рабочих.

В инвентарной книге об этой картине (след. стр., внизу) было сказано коротко: «Художник И. Ф. Колесников. — «В штабе Красной гвардии». Холст. Масло. Размер 142×213 см.» — и все.

Но, как известно, рабочая Красная гвардия в дни Февральской революции была организована в Петрограде, Москве и во многих промышленных центрах России. И поэтому возник вопрос — создал ли художник только творчески обобщенный образ борцов революции, или в основу сюжета взят конкретный эпизод и на картине изображены исторические персонажи. Ясно было, что для разгадки надо побольше узнать сначала о ее авторе, забытом ныне художнике Колесникове.

В списке художников, закончивших Академию художеств, имеется короткая справка — «Колесников Иван Федорович. Родился 1 марта 1887 г. Учился в Академии художеств с 1907 по 1912 г. Получил за картину «Осень» звание художника и заграничное пенсионерство на 2 года».

Главный хранитель художественного фонда Центрального музея Вооруженных Сил СССР Алексей Спиридонович Шарков высказал предположение, что картина была написана к выставке, посвященной десятой годовщине РККА и, возможно, экспонировалась на ней. Оказалось не так просто найти каталог этой выставки. Он стал в наши дни библиографической редкостью. На странице 50-й в нем портрет автора и краткая аннотация к картине с указанием нескольких фамилий изображенных на ней лиц.

Теперь сомнений нет. На полотне — коллективный портрет руководителей Красной гвардии Петрограда, собравшихся в Смольном.

Когда художник в 1926—1927 годах создавал эту картину, большинство изображенных на ней лиц еще были живы. Очевидно, автор встречался и советовался с ними, мог сделать и портретные наброски. Надо было не только воссоздать саму сцену заседания штаба, но и внешность его участников, такой, какой она была десять лет назад.

Направо от зрителя, вполоборота к нему, за столом сидит председательствующий. Кто он?

...Несколько лет тому назад в Центральный музей Вооруженных Сил СССР поступил на хранение личный архив Валентина Андреевича Трифонова. Его жизненный путь — это путь профессионального революционера, верного ленинца.

В 1905 году В. А. Трифонов слесарь железнодорожных мастерских в Ростове-на-Дону, активный участник вооруженного восстания, командир десятка дружинников. Затем каторга, тюрьмы, ссылка, работа в подполье, в большевистских организациях. С 1917 года В. А. Трифонов в Петрограде — секретарь большевистской фракции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В начале августа 1917 года он входит в состав «организационной пятерки», являвшейся по существу с августа по октябрь 1917 года общегородским штабом Красной гвардии.

Среди документов В. А. Трифонова, хранящихся в музее, есть и его фотография тех лет. Сомнений нет! Тут не только то же самое лицо, но видно, что именно этой фотографией пользовался художник при работе над картиной.

Страна училась и строила.

В годы гражданской войны В. А. Трифонов — на видных военных постах. После войны — на ответственной хозяйственной и дипломатической работе.

За столом человек в папахе и расстегнутой бекеше — Константин Степанович Еремеев. Член партии с 1896 года. Журналист, заведовавший отделом рабочей хроники редакции ленинской «Правды». В октябрьские дни — один из руководителей штурма Зимнего дворца. После победы Октябрьского восстания К. С. Еремеев — первый командующий Петроградским военным округом. А в дальнейшем «дядя Костя», как любовно называли его товарищи, — первый редактор военной газеты «Красная Армия и Флот», затем «Рабочей газеты», организатор журнала «Крокодил». С июля по октябрь 1917 года он по заданию партии работал над формированием рабочей Красной гвардии. Сравните «человека в папахе» на картине и документальную фотографию К. С. Еремеева 1918 года — и опять-таки сомнений нет.

В центре картины энергично жестикулирующий человек в фуражке и очках. Это, как можно предполагать, член «организационной пятерки» Красной гвардии Владимир Николаевич Павлов. Рабочий автомобильного завода «Русский Рено» в Петербурге, он в 1911 году вступает в партию, становится партийным работником Выборгской стороны, а позже — Пороховского района.

1(14) января 1918 года В. И. Ленин провожал на фронт 1-й эшелон социалистической Армии. В своей напутственной речи Владимир Ильич говорил: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической Армии, которые создадут сильную революционную армию».

Этим отрядом командовал В. Н. Павлов. В дальнейшем В. Н. Павлов — начальник штаба бригады на Южном фронте, начальник бригады на польском и врангелевском фронтах. После гражданской войны В. Н. Павлов на хозяйственной работе в Донбассе, затем редактор газеты в Иваново-Вознесенске.

В. Н. Павлов многое сделал для создания советской авиационной промышленности. Он был председателем Авиатреста. Несчастный случай в августе 1925 года прервал его жизнь.

В. Н. Павлову что-то возражает, встав из-за стола, человек с бородой «клинышком». Взгляните на фотографию Б. П. Позерна — это, очевидно, он самый.

Б. П. Позерн — член партии с 1902 года. После Февральской революции был избран председателем Минского Совета, а с июля 1917 года стал работать в Петрограде. Член Петроградского Комитета РСДРП(б) он, конечно, не раз бывал на заседаниях штаба Красной гвардии. В Октябре Б. П. Позерн был членом Псковского ревкома и комиссаром Северного фронта. В дальнейшем, в годы гражданской войны, он был членом Реввоенсоветов 5-й армии, Западного и Восточного фронтов.

Пока не удалось установить, кто сидит между К. С. Еремеевым и В. Н. Павловым. Но и то, что мы уже узнали, дает полное основание ценить картину за документальную точность повествования о деятельности большевиков Петрограда по созданию вооруженных сил пролетариата.

В архиве В. А. Трифонова, о котором уже говорилось, сохранились ценнейшие для истории революции документы — это протоколы заседаний «организационной пятерки»: первого общегородского центра по созданию и руководству боевой деятельности рабочей Красной гвардии Петрограда.

История «пятерки» такова. После июльских событий 1917 года VI съезд партии намечает курс на восстание, на создание вооруженных сил пролетариата уже 2 августа, то есть за день до закрытия съезда группа партийных работников, руководителей Красной гвардии в районах Петрограда избрала «организацион-

Первый субботник на железной дороге.

ную пятерку» в составе: В Трифонова, Е. Трифонова, В. Павлова, И. Жук, Кокорева.

Все протоколы совещаний пятерки написаны карандашом, рукой В. А. Трифонова. Они кратки, но четки и ясно излагают ход работы, хорошо передают дух времени. Эти документы переносят нас в атмосферу революционного накала, вопросы решаются оперативно, быстро. Выступления лаконичны, деловиты.

Выдержки из протоколов отражают основные вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях, и принятые по ним решения.

Надо помнить, что все заседания пятерки проходили нелегально.

1. «СОВЕЩАНИЕ О КРАСНОЙ ГВАРДИИ 2 АВГУСТА 1917 г.»

«Присутствовало 18 человек. Среди них представители 12 районов Петрограда, из сообщения которых выясняются цифры вооруженных рабочих по городу — 14.000 человек.

В. Т. (Валентин Андреевич Трифонов): надо немедленно приступить к широкой организации вооруженных сил пролетариата и созданию общегородского центра...

В. Т. предлагает создать организационную пятерку, которой поручить связаться с районными комитетами и районными Советами, созвать совещания по районам из представителей социалистических партий для создания районных центров. Этой же пятерке поручается принять меры через районные комитеты, чтобы руководящие центры Красной гвардии были захвачены большевиками, и снестись с большевистской фракцией Петроградского совета и П. К. (Петроградским Комитетом)».

2. «СОВЕЩАНИЕ ПЯТЕРКИ 3 АВГУСТА»

«...В. П. (Владимир Павлов) подымает вопрос о том, как называть районные и городские центры Красной гвардии.

В. Т. — будем ли мы называть Красной гвардией или Рабочей гвардией, важно, конечно, не название, а социально-политическое направление, лучше, чтобы название в настоящий момент меньше бросалось в глаза и чтобы наши будущие организации можно было формально связать с рабочей (фабрично-заводской) милицией, потому предлагает назвать Гвардией, районные центры — назвать Районными комендатурами, а общегородские центры — Центральной комендатурой. Это название родилось в Февральскую революцию...»

3. «РЕШЕНИЕ ПЯТЕРКИ 5 АВГУСТА»

«...Считать, что красногвардейцами могут быть только лица, рекомендованные социалистическими партиями и профсоюзами, организация добровольная, не защищает существующий строй и порядок, а двигает вперед революцию...»

4. «СОВЕЩАНИЕ ПЯТЕРКИ 8 АВГУСТА»

«...Все требуют оружия и понимают необходимость вооружения. Нам нужно торопиться с организацией и добывать оружие.

В. П. предлагает попытаться добыть оружие на Сестрорецком заводе и в Петропавловской крепости и раздать оружие имеющимся организациям».

5. «СОВЕЩАНИЕ ПЯТЕРКИ 12 АВГУСТА»

«...В. Т. сообщает, что два пулемета, револьверы, винтовки и патроны на Мойке взяты и перевезены на Васильевский остров. Сошло благополучно. Ограничилось зуботычинами. Владельцы оружия, повидимости, контрреволюционеры. Шум подымать не будут. Всего взято 2 пулемета Максима, 6 ручных пулеметов Гочкиса, 420 винтовок и 870 револьверов и большое количество патронов. Участвовали гвардейцы Васильевского острова, машины дал Петроградский район. Участникам пришлось раздать револьверы с патронами 18 штук.

Пулемет один оставить на Васильевском острове, один передан Петроградскому району, Гочкиса 2 переданы Выборгскому и по одному Васильеостровскому, Петроградскому, Нарвскому и Шлиссельбургскому районам. Остальное оружие распределить по районам в соответствии с количеством невооруженных дружинников. Исполнение поручается В. П....»

6. «СОВЕЩАНИЕ ПЯТЕРКИ 16 АВГУСТА»

«...Операция, проведенная вместе с В. Т., прошла более или менее благополучно. Хотя, когда забрали последнюю партию, пришлось немного пострелять. Жел. дор. охрана хотела остановить. Всего на вокзале было пять вагонов с винтовками и двуколками и походными кухнями. Двуколки и походные кухни не трогали, а винтовки забрали. Участвовало 30 человек гвардейцев Шлиссельбургского отряда и четыре грузовика Выборгского района. Винтовки забрали двумя партиями. Сложили на Охте. Всего около 3600 винтовок...

В. Т. сообщает, что Устав уже готов и можно его рассматривать.

Решено рассмотрение Устава отложить до следующего собрания...»

7. «СОВЕЩАНИЕ ПЯТЕРКИ 20 АВГУСТА»

«...Устав принять, провентилировать его в районных Советах и Комитетах. 28 августа созвать представителей районов для окончательного принятия Устава, оформления общегородской организации и выбора исполнительных органов. Организация поручается В. Т. ...»

И, наконец, 22 октября 1917 года в помещении Совета 1-го Городского района открылась Петроградская общегородская конференция Красной гвардии. На конференции присутствовало около 100 делегатов, представлявших до 20 тысяч организованных красногвардейцев. Конференция работала два дня. На ней был избран Главный штаб Красной гвардии и принят ее устав.

8. ИЗ УСТАВА РАБОЧЕЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ПЕТРОГРАДА

1) Рабочая гвардия есть организация вооруженных сил пролетариата для борьбы с контрреволюцией и защиты завоеваний революции.

2) Рабочая гвардия составляется из рабочих, рекомендованных социалистическими партиями, фабрично-заводскими комитетами, профессиональными союзами.

3) Рабочая гвардия организуется по предприятиям, где она подчиняется выборным заводским (фабричным) комендатурам. Рабочие мелких предприятий соединяются в группы Районной комендатурой.

Из состава Рабочей гвардии выделяется охрана заводов (заводская рабочая милиция), которая подчиняется особому комиссару рабочей милиции; члены Рабочей гвардии несут службу в милиции по очереди.

4) Члены Рабочей гвардии обязуются подчиняться организационной дисциплине, следовать всем пунктам Устава и выполнять все обязанности, возложенные на них организацией, а также аккуратно посещать занятия и собрания Рабочей гвардии.

Лица, не посетившие подряд 3 раза занятия или собрания без уважительной причины, исключаются из состава Рабочей гвардии.

5) Дисциплина красногвардейцев должна основываться не на слепом повиновении, а на сознательном понимании задач Красной гвардии.

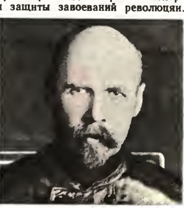
К. Еремеев

В. Павлов

Б. Позерн

В. Трифонов

Историческое значение построения социализма в СССР состоит также и в том, что наш опыт опроверг утверждение эксплуататоров о неспособности рабочего класса, трудящихся сколько-нибудь долго продержаться у власти и построить новое общество.

Чтобы выдержать натиск империализма, построить новое общество, защитить завоевания социализма, революционный народ стал воином, политическим борцом, самоотверженным тружеником. Он выстоял в невиданно тяжелой борьбе и создал могучий экономический, военный, политический и духовный потенциал, который служит надежным оплотом социализма на земле.

В социалистическое строительство вложены труд, мужество, разум всех поколений советских людей.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Каховка — гражданская война. Доклад Ф. Дзержинского — время, когда закладывались основы промышленной мощи нашей страны. Воспоминания летчика В. Пономаренко — героические и самоотверженные дни Отечественной войны, завершившейся победой над фашизмом. Письма революционеров, солдат, рабочих, целинников... В публикуемых ниже материалах — яркие штрихи величественной картины труда, учения и борьбы советского народа в минувшие со дня Великого Октября пятьдесят лет. •

Голова моста

С. СЕМАНОВ,
кандидат исторических наук

История Красной Каховки — по силе духа его защитников, по удивительной молодости и вместе с тем высокой профессиональности войск, его оборонявших (со дня создания Красной Армии едва минуло три года), достойна занять самое почетное место в ряду примеров высочайшего мужества. О том, как это происходило, о ночных сражениях, атаках и контратаках, о форсировании Днепра рассказывается в очерке «Голова моста».

КАХОВСКИЙ ТЕТ-ДЕ-ПОН

Каховка... Этот старинный, ничем не примечательный городок сейчас известен каждому человеку в нашей стране. Каховка сохранилась в памяти народной как место одного из самых драматических сражений гражданской войны. Здесь обреченная решимость белых сломалась о стойкость красных, их презрение к смерти, здесь шли кровопролитные атаки и многочасовые ночные сражения, здесь рушились привычные, вошедшие в военные учебники представления о героизме, храбрости, выносливости, силе боевого духа. В боях под Каховкой совсем молодая еще Красная Армия вписала во всемирную военную историю новые страницы, которые и сейчас не потеряли своей остроты...

6 июля 1920 года «Русская армия» генерала П. Н. Врангеля, запертая до этого в Крыму, перешла в решительное наступление. Момент для удара белое командование избрало весьма удачно: основные силы Красной Армии были скованы напряженными боями на советско-польском фронте. Сражение там находилось в ту пору в решающей стадии. Белогвардейцы прорвались через теснины крымских перешейков и начали стремительно продвигаться к северу от Перекопа, стараясь зайти в тыл частям Юго-Западного фронта, сражавшегося с белополяками.

В степях Северной Таврии начались тяжелые встречные бои. Они хотели и умели воевать, эти врангелевцы! Их армия на треть состояла из добровольцев-офицеров. Многие из них шесть лет провели на войне — мировой и гражданской. Они ненавидели новую власть люто, смертельно. Они знали, что на этот раз идут в бой, может быть, самый решительный за все время Гражданской войны, в бой, где их ждет либо окончательная гибель, либо победа, — третьего исхода не было.

Красная Армия, не ожидавшая удара, отступала по сухой, жаркой, выжженной солнцем равнине. 12 июня белые заняли Каховку — небольшой городок на левом берегу Днепра. Оглядываясь назад, следует признать, что событие это прошло почти незамеченным среди превратностей Гражданской войны. Куда более важное событие произошло в этот день в Советской республике. Красная Армия освободила Киев от белополяков. Наступление войск Юго-Западного фронта ширилось стремительно и победно. Напрягая все силы, Советская республика перебросила к низовьям Днепра новые войска, и продвижение белых было остановлено. Попытка Врангеля выйти в тыл наступающим частям Красной Армии к концу июня сорвалась.

Треугольный клин врангелевского фронта, вытянувшийся от Крыма вершиной к северу, застыл, исчерпав силы в тщетном стремлении рвануться дальше.

Левое крыло этого клина прикрывалось широким течением Днепра; вот почему Врангель оставил здесь только редкую цепь застав. Получив эти данные от армейской разведки, командарм Уборевич расчетливо решил нанести врагу удар именно здесь — в слабо защищенном месте.

...Вот уже полтора месяца на обоих берегах Днепра царила тишина, изредка нарушаемая перестрелками патрулей.

Днепр в районе Каховки и ниже ее растекался на бесчисленные рукава и протоки, в зарослях густого камыша прятались маленькие островки и заливы. Все это позволяло атакующим хорошо замаскировать свои действия. В глубокой тайне, по ночам три красные дивизии готовились к наступлению. Нужно было наладить молниеносную переправу. Но как? Лодки, баркасы, плоты—их было мало в том безлесном краю, до тла разоренном гражданской войной. Стало быть, надо запасаться «подручными средствами». Этим высоким военным термином обозначаются обычно предметы самые разнообразные — куски плетня, например, деревянные двери или широкие деревенские скамьи. Словом, все, на чем хоть как-то можно плавать, было собрано, доставлено к берегу, укрыто от вражеских глаз.

Красноармеец принимает присягу.

Белогвардейцы у тел расстрелянных.

В ночь с 6 на 7 августа по врангелевскому фронту ударила красная артиллерия. И началась переправа! Пожалуй, нет на войне операции опаснее «форсирования широкого водного рубежа». Нет укрытий, нет земли, пули и осколки методично выбивают тех, кто послан передовыми.

...Над рекой взвилась зеленая ракета — сигнал того, что Днепр форсирован и передовые части атакующих закрепились на берегу. И сразу по всему фронту через Днепр двинулись основные силы, развивая успех: началась общая переправа. Белые были сбиты на десятки верст — от Алешек (ныне Цюрупинска) до Каховки.

Врангелю не так уж сложно было разгадать вполне ясный замысел красного командования: сходящимися ударами с флангов подрубить клин белой армии у самого основания, отрезать ее от Крымской базы и — уничтожить. «Черный барон» понимал, что нельзя терять ни секунды. Он приказал второму корпусу генерала Слащева немедленно восстановить положение — во что бы то ни стало отбросить красных за Днепр!

Генерал Слащев, получивший этот приказ, был человеком непростым, и отношения у него с Верховным тоже сложились непростые. «Герой Крыма» Слащев несколько свысока поглядывал на Врангеля, считая себя достойным занять его место. Новый Верховный главнокомандующий это чувствовал, но убрать Слащева не решался: генерал был ему слишком нужен на фронте. Он был популярен в армии. Он обладал тактическим дарованием и свирепой волей, переходившей нередко в беспощадную жестокость. Даже свои, врангелевцы, трепетали перед крутым нравом Слащева!

В критический момент Слащев действовал быстро и точно. Он тут же бросил в наступление свой пехотный корпус и оперативно подчиненный ему конный корпус генерала Барбовича.

Не успевшие создать серьезных оборонительных позиций, красные вынуждены были отступить. Лишь на северной кромке плацдарма части войска Слащева наткнулись на неожиданный и, как оказалось, роковой для них сюрприз — на Каховку.

Дело в том, что после успешного форсирования красными войсками Днепра штаб Уборевича решил обеспечить свой левый фланг от возможных контратак противника и прикрыть наводнмую через Днепр переправу. Строительство оборонительных сооружений было поручено немолодому уже тогда и малоизвестному военному инженеру Д. М. Карбышеву — будущему герою Великой Отечественной войны. Так на фланге наступающих дивизий, в районе Каховки появился тет-де-пон, стяжавший себе скоро, очень скоро мировую славу. В буквальном переводе с французского тет-де-пон означает «голова моста». В военной же науке этим термином вплоть до самых последних лет принято было пользоваться для обозначения предмостных укреплений. Посреди гладкой степи саперы Карбышева успели вырыть блиндажи и окопы, воздвигли проволочные заграждения.

Слащев атаковал тет-де-пон сходу, но был отбит. Трезво оценив свои силы, генерал телеграфировал Врангелю, что решил отказаться от повторной атаки. Верховный главнокомандующий решил, что пришел час избавиться от строптивого подчиненного.

«Я ответил согласием, — вспоминал потом Врангель. — Вместе с тем я приказал указать генералу Слащеву на неудовольствие его действиями»...

Слащев понял намек и подал рапорт об отставке. (Он оставался в Крыму до эвакуации белых, деля свой досуг между алкоголем, наркотиками и запоздалыми интригами против Врангеля).

Преемнику Слащева волей-неволей предстояло доказать, что строптивый генерал ошибался. Ему надлежало быстро взять тет-де-пон и сбросить красных в Днепр!

Однако красное командование понимало исключительные стратегические возможности каховского плацдарма: от Каховки до Перекопа по идеально прямой дороге—88 километров, то есть всего сутки конного перехода. Но важно и другое: за Днепром можно спокойно расположить резервы, а затем, накопив силы, повторить попытку наступления и за какие-нибудь 24 часа стремительным броском отрезать Врангеля от Крыма. И поэтому нет ничего удивительного в том, что уже к 10 августа на защиту тет-де-пона была переброшена из Сибири одна из лучших частей Красной Армии — прославленная дивизия Блюхера; именно на нее легла основная тяжесть жестоких сражений на Днепре. Едва переправившись через Днепр, дивизия вступила в бой с атакующими силами противника. И было ей эти две недели бесконечного боя вовсе не легко: оборонительные позиции на плацдарме еще далеко не были закончены, не существовало даже сплошных линий траншей, только-только начинали подниматься редкие пока ряды проволочных заграждений. Укрепления создавались в ходе боев.

И белые отлично понимали, что с каждым днем их шансы на победу падают. Две недели лучшие части Врангеля штурмовали Каховку: офицерские батальоны, Туземная кавалерийская дивизия, набранная из северокавказцев, наконец надежда белой гвардии — корниловцы во главе со своим командиром, молодым генералом Скоблиным, покрытым ранами, увешанным боевыми орденами, — все, что было наиболее боеспособного в белом лагере, пыталось сломить сопротивление блюхеровцев.

...По ровной, как чертежная доска, степи шли во весь рост офицерские цепи. Шли прямо на пулеметы. Не сгибались под пулями. Эта открытая небоязнь смерти, всегда подавляющая психику атакуемых, ломающая самый дух обороны...

— Красиво идут...

— Интеллигенция...

Этот диалог слышали миллионы людей в фильме «Чапаев» и видели на экране, как дрогнули бойцы, пока не прискакал к ним на выручку комдив...

Под Каховкой — не на экране — бойцы не дрогнули. Дрогнули белые. Не выдержали напряжения. Отошли. Сила победила силу. Белые шли во весь рост. Это воспитывали десятилетиями, умение держать шаг под пулями вырабатывалось длительными и тяжелыми учениями, закалялось в боях. На протяжении столетий побеждали те, кто умел вот так ходить в атаку, кто умел не останавливаться под огнем. Вперед — и обороняющиеся не выдержат, дрогнут.

Белые действовали по всем правилам военного, веками отработанного в лучших армиях мира, искусства. И их отборная пехота проиграла.

Но ведь есть и конница! На сибиряков неслась конная лавина, всадники в экзотических бурках и папахах — страшная Туземная дивизия. Сейчас, в век иных измерений, трудно даже представить себе, что такое была для пехотинца конница, когда летят на тебя всадники с саблями наголо и не попадешь в летящую лошадь пулей, заведомо не попадешь, и бежать от них бессмысленно -- сабли тотчас обрушатся на головы бегущих.

Единственное спасение для пехотинцев — сбиться спинами друг к другу в маленькие каре и выставить штыки. Сколько бы ни шпорил коня всадник, тот не посмеет броситься на стального «ежа» и невольно замедлит бег — вот тут-то пулей и можно снять кавалериста. Да, конечно, можно, но каким присутствием духа нужно при этом обладать, чтобы не растеряться, не побежать в первую секунду. В отличие от отборных белых частей, у Красной Армии вовсе не было за плечами такого богатого боевого опыта. Но зато было нечто другое, необъяснимое, непонятное Врангелю и всем будущим белым мемуаристам... И Туземная дивизия, потеряв своих лучших джигитов, отступила.

Была на тет-де-поне и знаменитая ночная атака. Ударная корниловская группа генерала Скоблина обрушилась на небольшой участок плацдарма у верхнего течения Днепра. Несмотря на ожесточенный огонь, белогвардейцы прорвались через проволочные заграждения и выбили красные части из первой линии траншей. Казалось, цель, поставленная белыми, уже близка — до Каховки оставалось не более двух верст. Однако ударной группе так и не удалось продвинуться дальше. В полной темноте, когда не видно ни соседа, ни противника, когда ты один на один с врагом и от поведения каждого зависит общая судьба боя, в рукопашной схватке победили бойцы Блюхера. Они забросали корниловцев ручными гранатами, а потом сами поднялись в контратаку. После короткого, но чрезвычайно кровопролитного боя, в темноте, озаряемой лишь частыми вспышками разрывов, ударная группа белых отошла на исходные позиции.

На следующую ночь, ровно через сутки — атака повторилась, но уже по всему фронту каховского плацдарма. И снова — прежний результат.

«...Вторая неудача наших частей под Каховкой обнаружила крепость каховских позиций, стойкость красных при обороне и слабеющий наступательный порыв нашей пехоты», — писал впоследствии Врангель.

Под Каховкой началась томительная, нервозная пауза. Продолжалась она более месяца. За это время в ходе гражданской войны произошло много важных событий. Советско-польская война закончилась. Врангелевский фронт остался единственным на территории республики. А между тем врангелевцы вели военные действия довольно активно. К началу октября они уже угрожали Донбассу. 15 октября

Агитпоезд.

Парад на Красной площади.

1920 года В. И. Ленин выдвинул лозунг: «...Все силы против Врангеля... Врангель является главной угрозой...» С польского фронта, с Северного Кавказа, из Москвы и Петрограда двинулись на юг воинские части и техника. Все силы Советской республики отдавались отныне Южному фронту.

Врангелю было ясно, что один на один с Советской Россией воевать он не в состоянии. Значит оставался последний шанс — бить подходившие постепенно красные соединения по частям, не давая им собраться в кулак, пока изменившаяся внутренняя или международная обстановка не откроет ему каких-то новых путей к спасению.

Но воевать активно — а именно этого требовала сложившаяся ситуация, — имея в 88 километрах от Перекопа красный каховский тет-де-пон, было невозможно. Взятие его становилось уже вопросом жизни и смерти «русской армии».

К тому времени Каховский плацдарм представлял собой мощное полевое укрепление, напоминавшее своими внешними очертаниями подкову, концы которой упирались в Днепр. Было создано три линии обороны. Первая состояла из отдельных укрепленных точек (они располагались на склонах могильных курганов — их здесь было очень много) и не имела даже проволочных заграждений. Вторая — главная — проходила в 3—5 километрах за первой; у нее были три линии окопов с ходами сообщения и блиндажами. Защищали ее три линии проволочных заграждений. Наконец, в глубине плацдарма, прямо перед Каховкой, располагалась третья линия. Оборудована она была примерно так же. Общая глубина тет-де-пона достигала 12 километров.

Для решающей атаки на Каховку Врангель выделил мало войск, около 5000 штыков и 600 сабель, примерно в два раза меньше, чем насчитывалось защитников у тет-де-пона. Более того, он рискнул отправить в бой едва ли не худшие части «Русской армии», состоявшие из мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев, которых заставили надеть погоны. Посылать таких солдат против ветеранов Блюхера, сокрушивших лучшие части Колчака, казалось безумием. Но у Врангеля не оставалось иного выхода: резервов брать было неоткуда, а главное—Верховный главнокомандующий надеялся на другое: впереди 2-го пехотного корпуса белых, нацеленного на Каховку, было решено бросить танки.

В ту пору тачанка казалась грозным оружием, броневики часто решали, на чью сторону склоняется победа... Танки же — с первого дня своего появления на фронтах 1-й мировой войны — вызывали у пехоты суеверный ужас. К этим чудовищам — 10 метров длиной, высотой почти 3 метра, пушки, пулеметы по бокам — невозможно было привыкнуть. И хотя в сущности это были просто большие неповоротливые черепахи, делавшие 4—6 километров в час, и хотя вследствие своей малой скорости они представляли собой отличную мишень, психологически танки были самым сильным оружием тех лет. Еще не было случая, чтобы мощные танковые атаки не имели успеха. Именно на это обстоятельство и уповало белое командование. Двенадцать (или тринадцать — данные здесь расходятся) английских танков одним своим видом должны были сломить дух защитников плацдарма (тем более, что в гражданской войне танки почти не применялись); пехоте, по замыслу Врангеля, предстояло лишь добить бегущих красноармейцев...

В 4 часа утра 14 октября белые начали мощную артиллерийскую обработку тет-де-пона. Одновременно из укрытий выползла вся танковая эскадра. Началась самая массированная танковая атака эпохи гражданской войны!

Но если бы только танковая! Вслед за танками шли в бой броневики. С воздуха им расчищала путь авиация. Наступление на Каховку велось по всем законам современной войны! Гигантская по тем временам концентрация техники была умело создана Врангелем под Каховкой...

Артиллерия плацдарма сразу открыла по танкам огонь. Две боевые машины подбиты. А остальные? Легко преодолев боевое предполье, они подошли к главной линии обороны красных, смяли проволочные заграждения, проутюжили линии траншей массивными гусеницами.

Но красные почему-то не бежали. Наоборот, теперь, когда танки подошли вплотную, они получили возможность стрелять в них в упор, с близкой дистанции. У одного из орудий стоял бывший царский офицер красный командир Л. Говоров. Именно ему, будущему маршалу и герою ленинградской обороны, суждено было тогда поразить гусеницу еще одного танка. Офицеры-танкисты выскочили наружу через нижний люк, попытались исправить повреждения, их тут же срезали шрапнелью.

А оставшиеся танки неумолимо шли дальше. Они уже надвигались на третью линию обороны, проходившую возле самой Каховки. Победа белых казалась близкой. Близкой и неизбежной.

Но тут в бой вступила сила, которая, по словам Толстого, одна решает судьбы сражений и войн — сила воинского духа.

После прорыва обеих линий обороны красные бойцы, все, кто остался в живых, не покинули огневых точек. Танки уже хозяйничали где-то у них в тылу, исход обороны был вовсе не ясен, чувство самосохранения подсказывало бежать назад, к своим, за последнюю, спасительную линию, но... белую пехоту, самоуверенно двинувшуюся вслед за танками, они встретили таким огневым валом, что она залегла, побежала, потом вернулась—вместе с конницей—и снова была отбита, атаковала еще раз, и еще раз попала под ураганный огонь артиллерии и бомбометов (тогдашние минометы), и снова отползла назад.

...А танки тем временем приближались к Каховке. От их брони отскакивали снаряды — тогда ведь еще не изобрели бронебойных! — ее не брали и гранаты — никто пока не придумал противотанковых...

Ни один красный взвод не оставил своей позиции. Бывшие охотники, о которых всегда и все вспоминают, что они бьют белку точно в глаз, теперь пытались по-своему расправиться со стальными машинами. Они метили точно в смотровые щели. А может быть, сибирское охотничье прошлое уже не имело такого значения, может быть, гораздо важнее было то, что это уже сражалась армия, совершенно новая, возникшая в ходе революции, и, тем не менее, единая армия, со своим особым духом, своими, родившимися в боях с Колчаком, традициями. И не в традициях этой армии было отступать.

...Солдат, оставшийся неизвестным, заметил, как в одном из танков открылся верхний люк. Он выскочил из укрытия, подбежал, успел поднять гранату... Его перерезало пополам пулеметной очередью. Другой сумел даже вскочить на плоскость вражеской машины, хотел выстрелить прямо в щель! Опоздал!.. Офицер выстрелил первым.

...Один за другим танки выходили из строя. Отказывали моторы, в которые попадали осколки, кончались боеприпасы, кончалось горючее. Пехота почему-то все не подходила, чтобы закрепить прорыв. Уцелевшие машины вынуждены были повернуть назад. Их осталось всего три. Три из тринадцати.

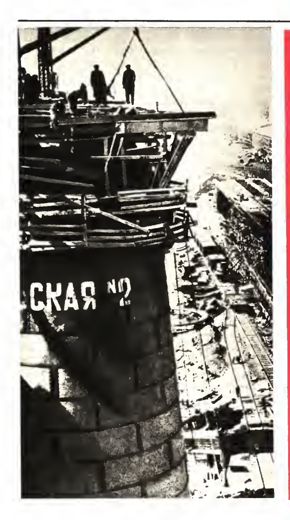
А в глубине позиций красных продолжалась последняя схватка, дописывалась последняя страница каховской обороны. Флагманский танк «За Русь святую» вдруг провалился в огромную крытую яму и застрял там. Наверное, зрелище это напоминало васнецовскую «Охоту на мамонта»: страшное чудовище, смертельно раненное, попавшее в западню, в последнем злобном усилии пытается поразить сгрудившихся вокруг охотников, таких маленьких и таких грозных в яростном стремлении уничтожить врага... После долгого боя, расстреляв все боеприпасы, танкисты покончили с собой. (Извлеченный из армейской бани— ирония истории — могилой белого флагмана оказалась подземная баня! — танк «За Русь святую» был переименован в «Москвич-пролетарский» и через год продефилировал на военном параде в Москве).

Уже к полудню 14 октября дивизия Блюхера контратаковала неприятеля и ликвидировала все клинья и выступы, которые он сумел захватить накануне. На следующий день наступление красных продолжалось еще более энергично, и обескровленный корпус белых был окончательно разбит. Битва за тет-де-пон закончилась.

А через две недели, 28 октября, началось общее наступление Южного фронта. С Каховского плацдарма был нанесен один из основных и самых опасных для белых ударов: отсюда пошли в атаку на Перекоп кавалеристы армии Буденного и с ними вместе бойцы дивизии Блюхера. Мощный удар отсюда во фланг белого фронта предопределил окончательное поражение Врангеля.

...Бойцы шли на Перекоп. Битва за тет-де-пон стремительно уходила в прошлое, превращалась в легенду — одну из самых героических легенд новой России.

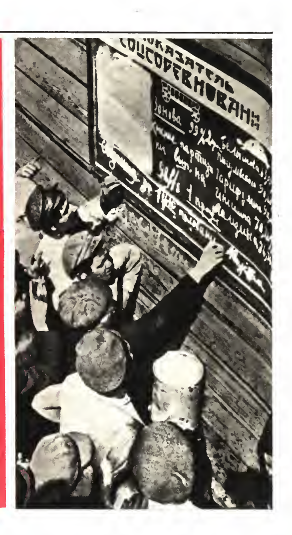
Доклад о НОТе

**Это первая публикация доклада Дзержинского.
Через 42 года доносится до нас голос Феликса Эдмундовича.**

В 1925 году на конференции по научной организации труда он выступил с большой речью. Эта речь — свидетельство того, какой скачок сделало хозяйство нашей страны за первые же годы советской власти. Читая речь сейчас, невольно думаешь и об огромном пути, пройденном с тех пор.

Страстная и деловая речь Дзержинского затрагивает не только проблемы НОТ, но и многие другие.

В их числе — проблемы становления советской науки, проблемы промышленного соревнования с капитализмом, проблемы технического прогресса во всей его сложности. Речь характеризует целую историческую эпоху. Многие положения речи не потеряли и в наше время не только интереса, но и злободневности.

НОТ — слово, которое вошло в наш обиход, вызвано к жизни решениями партии и всем ходом нашей жизни.

24 августа 1921 года В. И. Ленин подписал Постановление Совета Труда и Обороны о создании Центрального института труда (ЦИТ). И вскоре в полусотне институтов и лабораторий в Казани, Харькове, Таганроге и других городах развернулись исследовательские работы по научной организации труда. В учреждениях и на предприятиях на общественных началах формировались ячейки и кружки НОТ. Появились журналы «Время», «Вестник труда», «Организация труда», «Хозяйство и управление».

Для координации этой работы при НК РКИ был создан Совет по научной организации труда (Совнот).

С нотовским движением тесно связаны имена крупнейших государственных и политических деятелей: Ф. Э. Дзержинского, Г. М. Кржижановского, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославского и др.

Солдат революции, председатель ВЧК — Ф. Э. Дзержинский обладал еще одним талантом: незаурядного хозяйственника и организатора. Назначенный в 1921 году по предложению В. И. Ленина на пост наркома путей сообщения, Ф. Э. Дзержинский в чрезвычайно короткий срок справился с разрухой на транспорте, грозившей парализовать все народное хозяйство страны. 2 февраля 1924 года ЦИК утвердил Ф. Э. Дзержинского председателем Высшего Совета Народного Хозяйства, и на посту он остался до дня своей смерти — 26 июля 1926 года. Ближе, чем Ф. Э. Дзержинский, вряд ли кто-либо мог практически столкнуться с НОТом, об этом говорят многие его речи и статьи, написанные в те годы. Недавно в фонде Центрального государственного архива народного хозяйства СССР обнаружен текст речи Ф. Э. Дзержинского на Первом Всесоюзном совещании по рационализации производства, созванном Президиумом ВСНХ в Москве 4—9 ноября 1925 года.

Речь Ф. Э. Дзержинского публикуется впервые по неправленной стенограмме.

Сотрудники Центрального государственного архива народного хозяйства СССР

А. П. Беляков
Р. Я. Онуцева

...Товарищи, раньше, чем открыть настоящее совещание по рационализации, разрешите мне в нескольких словах пояснить, почему Президиум Высшего Совета Народного Хозяйства счел необходимым созвать это совещание. Дело в том, что сейчас положение нашей промышленности и всего народного хозяйства таково, что дальше удержать тот темп нашего развития, который был до сих пор, невозможно без перехода на высшую техническую ступень нашей промышленности. Это обозначает, что сейчас, поскольку мы на практике не применим принципов научной организации производства, поскольку мы на практике не применим всех тех технических достижений, которые мы видим в буржуазных Америке и Европе, мы не сможем удовлетворить тех потребностей, которые с каждым днем у нас растут и развиваются. Некоторые, может быть, выскажут свой скептицизм: почему мы, которые до сих пор так много говорили, так много мечтали о научной постановке организации нашей промышленности, почему мы до сих пор не сумели и не смогли поставить нашу промышленность и наше производство на такую техническую высоту, которую можно именовать рациональной. Но этот скептицизм, понятный в устах наших врагов, неправилен, совершенно неверен в устах тех, кто искренне желает и кто искренне работает, не покладая сил своих в деле развития нашего народного хозяйства и нашей промышленности. Ведь в самом деле, что касается научной организации труда, то для практического ее осуществления условия до сих пор были неблагоприятные. Мы имели 20—30—40% нагрузки наших заводов. Наклад-

Первый трактор

ные расходы в связи с этим были большие, и нашим заводам и нашей промышленности надо было прямо-таки воевать за свое существование, за возможность своего развития. Мы знаем вместе с тем, как низка в связи с этим была зарплата, как низка была оплата нашего технического персонала, и мы знаем, что не до научной организации было нашим директорам заводов, когда они должны были направо и налево хватать всякие заказы только для того, чтобы на заводе теплилась жизнь. Не было материальной базы для того, чтобы применять научную систему организации, и поэтому нам приходилось мечтать лишь об этом, предвидеть тот момент, когда именно эта научная постановка, рациональная, сможет стать основным содержанием, основной заботой нашей промышленности. К этому времени мы теперь подошли. Мы не верили в свои силы, наша планирующая работа, намечающая линию нашей деятельности, линию поведения всех хозяйственных органов, наша планирующая мысль не предвидела тех результатов, которые практически реальная жизнь даст нам, и что мы получим от этой общей линии нашего плана, который мы проводили. Вы помните, что даже наши высококвалифицированные научные силы в Госплане и у нас скептически относились, когда некоторые оптимисты из нас указывали на то, что мы довоенного уровня сможем достигнуть не позже 1929—30 года. Тогда нам указывали, что для этого нет никаких предпосылок, что мы довоенного уровня сможем достигнуть не ранее 1923 года[1]; для металлической промышленности назывался 1941 год. Между тем мы уже сейчас подходим к довоенному уровню, мы уже сейчас подошли вплотную к полной загрузке пропускной способности наших заводов. В сентябре месяце производство крупной промышленности дало нам 82% от довоенной продукции. Значит, загрузка заводов гораздо больше. Мы осуществили те планы в течение 2 лет, которые, полагали, будут осуществлены в течение 5—10 лет. И вот сейчас мы встали перед задачей, не выдуманной задачей, поставленной самой жизнью, о необходимости переоборудования наших заводов, постройки новых заводов и фабрик, для того, чтобы удовлетворить все растущую и развивающуюся потребность того огромного населения, которое составляет Союз Советских Социалистических Республик.

Мы знаем, что именно сейчас, когда прошел только один год хорошего урожая, мы видим явление недостатка промышленных изделий в стране, которое правильно получило наименование товарного голода. Люди же с психологией и настроением еще капиталистической эпохи желают нажиться и наживаются именно на этом бедствии, на этом товарном голоде.

Конечно, мы, Советское государство, эту спекуляцию изделиями принятыми нами мерами беспощадной борьбы изживем, но факт тот, что эта спекуляция, эти инстинкты, оставшиеся пережитком буржуазного строя, живы и получают свое развитие потому, что действительно есть недостаток наших изделий.

В 1924—25 гг. мы достигли известных результатов; этих результатов мы достигли без чужой помощи. Вы помните, что в 1918—19 гг. нам предрекали гибель; нам предрекали гибель именно в плоскости достижения довоенного уровня, в плоскости восстановления наших заводов без помощи заграничных капиталистических государств. Наши результаты достигнуты без этой помощи тех, кто разрушал наш транспорт, кто уничтожал наши заводы и фабрики, тех, кто бросал сотни миллионов на то, чтобы поработить наше рабоче-крестьянское государство, тех, кто не хотел открыть нам кредит, вопреки своим собственным интересам. Мы видим в настоящее время Америку, которая не желает нас признать, которая страдает от чудовищной безработицы, ибо ей некуда сбывать все изделия, которые там производит рабочая сила, в то время, как такая страна, как наша, СССР, — нуждается для своего развития в машинах и оборудовании, в сырье, и при предоставлении кредита нашей стране она могла бы обеспечить пуск тех заводов и фабрик в Америке, которые сейчас стоят без работы.

Я хотел напомнить практику нашего транспорта. Вы помните, когда нам высчитывали, что без 6—7 миллиардов рублей наш транспорт не смогут восстановить и что он не сможет достигнуть большей ежедневной нагрузки, чем до 12 тыс. вагонов ежедневно. Я помню, в качестве бывшего руководителя Комиссариата путей сообщения, как мне доказывали, что максимальная потенциальная возможность нашего транспорта — это есть 12—15 тыс. вагонов ежедневной нагрузки. Между тем теперь мы уже подошли к 25 тыс. ежедневной погрузки. По самому скромному подсчету на этот год доходы нашего ж.-д. транспорта будут не меньше 1 миллиарда 300 миллионов рублей. Мы своими собственными средствами и силами восстановили и восстанавливаем наш транспорт.

Возникает вопрос, откуда же берутся эти средства? Как мы смогли достигнуть таких результатов? Эти результаты значительны в сравнении с тем, что было в 1919 году. Как мы их достигли? Тут нужно понимать, что мы этих успехов достигли именно потому, что у нас были определенные условия, мы достигли их потому, что власть и строй у нас не буржуазный, потому что у нас советский строй, и что мы руководствуемся в своей хозяйственной деятельности планом. Многие скептически относятся к этому плановому хозяйствованию. Недавно мне пришлось читать рассуждения одного выдающегося заграничного публициста о нашем плановом хозяйстве. Он писал, что большевики свой план вырабатывают, а хозяйство у них идет совершенно не по плану, они только предполагают, но на практике у них получается совершенно другое. Вот те, кто думают, что наше плановое хозяйство заключается только в правильном цифровом предвидении, жестоко ошибаются.

Плановое хозяйство заключается в том, что оно проникает во все ячейки нашего хозяйствования, заключается в том, что мы идем не на словах, а на деле, под знаком союза рабочих и крестьян, союза нашей промышленности с сельским хозяйством, что мы не являемся промышленностью самой по себе, самой для себя, и говорить о том, что, якобы, промышленность в советском государстве имеет те же цели, те же задачи, как и раньше, не приходится.

Наша промышленность в нашем советском строе, при нашей плановой постановке является величайшим орудием удовлетворения потребностей всего населения, которое в своем громадном большинстве является населением трудовым. Вот наша база, вот основа нашей силы. Те потребности, которые мы сейчас видим, являются результатом той политики, которую мы проводим, которая является результатом существования советского строя. Каждая наша производственная ячейка, каждый наш орган, начиная от фабрики и завода и кончая ВСНХ и его Президиумом, проникаются мыслью о правильном планировании хозяйства. Благодаря этому мы выправляем наши ошибки, идем вперед и находим средства для выполнения тех задач, которые вытекают из плановой постановки нашего хозяйства. Мы в самой постановке работ по планированию находим такие силы, которые являются источником средств для осуществления этих задач. Наша сила заключается в быстром исправлении ошибок, допускаемых в процессе практической работы. Вы помните, в каком положении была наша промышленность. В 1923 году мы думали крупную государственную промышленность, — это орудие социалистического государства, — поставить на ноги возможно быстрее. В поисках средств мы стали на путь так называемых восстановительных цен, т. е. мы абстрагировались от той задачи, для которой промышленность в тот или другой момент существует, мы думали только о настоящем, забывая о будущем, и хотели ввести восстановительные цены. Это было при нашей советской падающей валюте, это было тогда, когда покупная способность нашего крестьянства была ничтожной, и мы особенно этой своей ошибкой подрезывали корни существования самой нашей крупной промышленности. Правда, мы очень быстро спохватились, мы очень быстро поняли наши ошибки, так что на темпе развития нашей промышленности этот кризис не отразился. Мы спохватились и, исходя из постулата основного нашего хозяйственного плана при советском строе, мы выбросили знамя не на словах, а на деле: снижение цен.

Надо руководствоваться не только необходимостью восстановления промышленности, но надо руководствоваться основным: смогут ли цены, которые отвечают восстановительному принципу, дать крестьянству возможность приобретать изделия. Я помню, когда мы установили довоенные цены на с.-х. орудия, в которых был такой голод и недостаток, как на протяжении пары месяцев наши склады опустошились, была разобрана и та дрянь, которая была на наших складах (в смысле качества). И эта наша политика была самым главным, самым основным и самым животворящим, организующим нашу промышленность делом; наша промышленность восприняла ее не за страх, а за совесть, делая ее основным стержнем, основным источником для того, чтобы найти средства для дальнейшего своего развития. В связи с этим, мы должны были, под углом зрения смычки, сосредоточить все силы для того, чтобы ввести твердую валюту. Эта твердая валюта стоила жертв с нашей стороны в смысле снижения цен, в смысле ограничения наших требований к государственному бюджету, который должен во что бы то ни стало быть бездефицитным. Это заставило

[1] Ошибка в тексте. Очевидно, не ранее 1932 года.

нас почистить, поискать у себя средств, и вот эта твердая валюта была вторым источником, который дал средства для нашего развертывания, для тех достижений, которые мы можем сейчас констатировать.

Далее, сила наша заключается в том, что мы нашу экономическую политику по восстановлению промышленности ведем не бюрократически, не при помощи только приказов, не при помощи кабинетных замыслов, а таким путем, что между нами и широкими трудящимися массами есть единое, есть связь, на которую мы опираемся, что у всей рабочей массы была увязка между нашими лозунгами и нашими достижениями в области производительности труда. Должен сказать, что не так, как тот или другой бюрократ, который хотел быть благодетелем, которому казалось, что он, отрицая низкую производительность труда, является большим благодетелем рабочего класса, нет — мы не встретили нигде отпора или сопротивления нашим лозунгам. Наоборот, вся рабочая масса от низу до верху, по всему СССР, с энтузиазмом ухватилась за них, искала путей и проводила на практике поднятие производительности труда. Вместе с тем это вызвало с самого начала уменьшение темпа развития заработной платы, но в конечном счете это поднятие производительности труда дало нам и повышению сравнительно заработную плату. Т. е. мы видим тут, так сказать, диалектический процесс, мы отказываемся от слишком высокой заработной платы, налегая на производительность, на интенсивность для того, чтобы подвести финансовую базу для нашей промышленности и для увеличения заработной платы.

Наконец, мы должны, как я называю, произвести у нас в трестах и на заводах «чистку дома». Мы должны были отказаться от всяких излишеств, должны были все силы свои направить на то, чтобы те скудные средства, которые мы имели, быстрее оборачивались, для того, чтобы тот мертвый капитал, который лежал без употребления, так называемое неликвидное наше имущество, чтобы оно пошло в оборот и ожило.

Итак, наконец, одно из основных, к чему мы подошли в самое последнее время и что требует еще очень много усилий, — это есть упорядочение наших взаимоотношений с представителями знания, — так называемыми специалистами, т. е. с техническим персоналом от высшего до низшего. Совершенно ясно, что наша Октябрьская революция освободила те нации, которые должны были быть жертвою империализма, и те нации, которые должны быть превращены сильными — в капиталистическом отношении — мира сего в колонии рабов, что наш Октябрь, освободивший и высвободивший из оков буржуазного мирового империализма нации, которые были угнетены при царском режиме, нацию, которая служила орудием угнетения — русскую нацию, — что наш Октябрь, который освободил миллионы крестьян и рабочих от ига капитализма, наш Октябрь вместе с тем освободил и науку от того рабства, в котором она была по отношению к частному капиталу.

, Конечно, в период драки, в период борьбы наш технический персонал, наша интеллигенция и наши ученые, слишком до сих пор спаянные формами жизни, жизненными условиями, слишком близко спаянные с сильными мира сего, с буржуазией, с капиталом, не понимали исторического смысла нашего Октября и видели только те разрушения, которые получались в результате той неслыханной борьбы, которую должны были развернуть рабочие и крестьяне для того, чтобы отвоевать право на свое существование и по новому идти новым порядком к освобожденному труду, чтобы отвоевать себе по-новому право на существование. Для нашего технического персонала было непонятно все это. Они не видели исторического смысла. Они должны были переживать все ужасы, связанные с войной, на своей собственной шкуре. Они должны были воочию испытать то, что народ испытал на фронте непосредственно там, где проливалась кровь. Такова была историческая судьба.

И ясно, что мы должны были и не могли не относиться подозрительно к тем врачам и техникам, и чиновникам, которые саботировали Советскую власть. Рабочий класс железной рукой должен был воевать, но не потому, что он воевал с наукой, а потому, что он воевал с непониманием исторического момента и всей грандиозности того, что эта война 1917—18—19 г.г. имела впереди себя. А исторический смысл Октября — это было освобождение науки от ига капитала. И вот мы, сбросивши с себя страх его, сумели сами и подошли в последнее время к пониманию роли науки. Ибо ясно, что в начале, в процессе борьбы, многие из нас не понимали значения науки, многие думали — шапками закидаем, что легко выполнить все, только нужно желать. Однако, как горькая жизнь показала одним, что они ошиблись, так она показала и другим, что мы наше будущее выкуем и создадим тесным блоком, тесным союзом рабочих и крестьян и науки. И встали на этот путь. Этот путь ясен сейчас не только для нас, но и для тех специалистов, которые сейчас с энтузиазмом работают над восстановлением нашего хозяйства. Ибо исторический смысл событий им стал ясен. После торжественного чествования Академии наук мы можем сказать, что этот смысл становится ясным для очень многих, и для тех, кто находится по ту сторону границы, для тех, которые живут вне СССР. Они поняли, что только в советском строе, когда он получит некоторую необходимую материальную базу, только при нем будет расцвет науки. И у нас технический персонал, работающий не за страх, а за совесть, работающий с энтузиазмом, он будет у нас в почете и в уважении, будет нам товарищем, с которым вместе мы создадим светлое будущее.

Вот те силы, вот тот механизм, который привел нас к выполнению таких заданий, какие не снились никому 5, 4 и даже 3 года тому назад.

Это может служить для нас гарантией, что те задачи, которые перед нами ставятся сейчас, если мы не сойдем с правильного пути, что эти задачи будут нами выполнены и без чужих средств, если их не будет. Если нам не предоставят кредитов, то мы сможем все же дальше развиваться. Да, пусть всякие меньшевики за границей пишут в своих изданиях, мало ли, что достигнут довоенный уровень, ведь были все заводы и фабрики и легко достигнуть довоенного, а вот посмотрим, как вы будете новое создавать. Эти меньшевики писали три года назад об этом, может быть они и теперь об этом говорят. Но как прошлый раз, так и на этот раз я глубоко убежден, что они ошибутся и в этом. В самом деле, ведь то самое сильное, что мы имеем, это есть наша связь с массами. Мы нашу политику хозяйственную базируем на этой связи. Мы нашу политику не скрываем. Наоборот, мы опираемся на 140-миллионную массу, которую мы подняли Октябрем от жизни рабов, для которых это все было алхимией, китайской грамотой, а теперь мы эти вопросы ставим на их разрешение и находим в них необходимую опору и встречаем у них громадную инициативу.

Что касается этих перспектив и значения в разрешении технических задач, я могу сослаться на слова В. И. Ленина. Тов. Кржижановский издал маленькую брошюру под заглавием: — «Ленин и техника». Я рекомендую тем, кто ее не читал, прочесть. Здесь каждый из нас может найти слова и записки Владимира Ильича, который указывает на значение техники, технической мысли и на те задачи, которые в этой области стоят перед нами.

Я прочту одну из бесед тов. Кржижановского с Владимиром Ильичем: «Как-то раз, в беседе с Владимиром Ильичем, я привел ему цифры того колоссального производства лампочек накаливания, что даже в С. Штатах при сопоставлении со 100-миллионным населением выходило, что электрическое освещение становится поистине демократическим, доходя до самых низовых групп населения. Помню, что мы с Владимиром Ильичем пришли к тому выводу, что за первым десятком отчаянно трудных начинательных лет мы сможем, при условиях советского строя, взять еще гораздо больше решительный темп популяризации советской науки и техники, чем американский. Вся сущность успеха наших начинаний при этом целиком будет обязана единому решающему моменту: нигде в мире нет такой прямой, безоговорочной, нелицемерной связи с широчайшими народными массами при проведении в жизнь любой идеи, связанной с интересами этих масс. А раз это так, то и в экономическом творчестве с неизбежностью должен сказаться тот общий закон, который отмечен Карлом Марксом и который гласит, что продуктивность того или иного исторического факта прямо пропорциональна наличности охвата им народных масс».

Наш Союз Советских Социалистических Республик охватывает 6-ю часть всего земного шара. Он охватывает 140 миллионов населения, которое могло бы, на этой территории при ее богатствах, увеличиться, может быть, в несколько десятков раз, находя для себя совершенно достаточно пропитания. И наш Союз может поэтому рассчитывать на то, что задачи, которые мы сейчас ставим в области рационализации производства, что эти задачи, имеющие в виду в первую очередь развитие нашей промышленности, что эти задачи поднятия производительности сил в деревне, поднятия сельского хозяйства, а значит и поднятия покупной способности всего населения, эти задачи будут разрешены. Каждый путь нашей работы по рационализации производства будет вызывать поднятие деятельности крестьянского населения, которое,

Лампочка Ильича. Три фотографии Магнитостроя.

в соответствии с общим подъемом народного хозяйства, будет вырабатывать большее количество пудов, если говорить о весе своих изделий. Таким образом, наша промышленность, поскольку она идет по пути удовлетворения нужд — производственных и потребительских — широчайших рабочих масс, этим самым создает себе материальную базу для своего дальнейшего развития.

При этом мы должны помнить не только о той силе, которая связана с нашим строем, но также и о той помощи, которую могут оказать наши специалисты в деле рационализации промышленности. Ведь только национализация, которая передала в руки рабоче-крестьянского государства всю промышленность, делает возможным без потерь, какие бывают в условиях буржуазного государства, где развитие производства или крупного комбината идет по линии уничтожения своего конкурента, такую рационализацию и такое восстановление всего народного хозяйства.

Кроме того, мы уже не так бедны. В прошлом году мы затратили на капитальные работы около 300—400 милл. рублей. Это при нашей нищете. В этом году по нашим заявкам и по нашим расчетам, мы предлагаем затратить на капитальные работы около 800 милл. рублей. Это громаднейшие, колоссальнейшие средства, которые мы тратим на рационализацию производства, причем эту рационализацию мы понимаем не в узком смысле только рационализации, как таковой, но также в смысле общего поднятия всего нашего производства. Несмотря на нашу бедность, мы можем кое-что сделать и это кое-что может оказаться чем-то большим. Дело в том, что если мы затрачиваем 500—800 милл. рублей на рационализацию, на переоборудование старых заводов и на постройку новых предприятий по последнему слову техники, то этим самым мы достигаем того, что каждый рабочий, который будет работать на переоборудованном предприятии, даст продуктов в 3—4 или даже в 5 раз больше. Эта рационализация дает нам основание утверждать, что мы сможем обойтись теми средствами, которые у нас сейчас есть.

Затем, мы с каждым годом добиваемся улучшения в смысле оборота нашего капитала. Тот товарный голод, который мы сейчас переживаем, подгоняет нас и научает нас увеличивать скорость этого оборота капитала. Конечно, наш оборот, по сравнению с заграничным, особенно американским оборотом, является пустяковым. Например, в 1924/25 году у нас было задание обернуть капитал металлопромышленности в 7,7 месяца, но мы обернули этот капитал в 5,9 месяца. Но что значит этот оборот по сравнению с оборотом у Форда, на его тракторном заводе? Я читал в сборнике, выпущенном к этой конференции, в статье проф. Черновского, что материалы на автомобильный завод приходят утром, а автомобиль выходит в готовом виде к обеду. Что касается тракторов, то весь тракторный материал оборачивается в 2 дня, т. е. 150 раз в год. Вот чем мы должны увлекаться, в чем мы должны быть энтузиастами, вот о чем должны бы думать, о чем должны говорить, когда металлопромышленность заявляет, что у нее есть 300 милл. рублей, а ей нужно 500 милл. рублей. Вот какой оборот должен нас подстегивать. И я думаю, что если наше совещание властно и компетентно скажет свое мнение по этому поводу и возьмет обязательство по отношению к органам ВСНХ руководствоваться принципом рационализации и искать путей в этой области, то с тем капиталом и с теми средствами, которые у нас сейчас есть, мы сможем добиться очень больших результатов.

Наконец, я хотел бы обратить внимание на то, что некоторые наши хозяйственники увлекаются заграничной техникой и заграничной постановкой дела. Это увлечение я могу только приветствовать. Я могу только пожелать, чтобы наши хозяйственники не уподоблялись тем, которые говорят: «зачем нам заграница, шапками ее закидаем, мы сами заграница». Этот путь самомнения и чванства своим национальным или советским очень опасен для нашего развития. Мы должны быть как Петр Великий, которого шведы, немцы и другие били, но который брал уроки у них, который учился строить корабли, строить армию, чтобы получить те знания и то умение, какие были заграницей. Мы должны пойти по этому пути и таким образом создать государство.

Тогда было государство Петра Великого, и он создал это государство. Мы сейчас — государство рабочих и крестьян, и мы это государство создадим. Мы должны использовать, и мы должны научиться той технике и тем достижениям, которые имеют наши враги. А достигли они удивительных вещей. Здесь тов. докладчики, наверное, расскажут об этом. Мне рассказал товарищ, правда не техник, тов. Жуков прямо сказки рассказывал мне о том, что он видел на заграничных заводах, о том, как при помощи правильной организации производства, как при помощи высокой техники, высокого разделения труда, производительность трудящихся рабочих возросла в неисчислимое количество раз. У нас были за границей, ездили наши рудоуправляющие из Донецкого бассейна, видели, какова там производительность при такой технике, которой они достигли, и за голову хватались.

Когда мы достигли довоенного уровня, то гордились, что, вот, мол, мы какие. Они говорили, что все это чепуха, что это абсолютно недостаточно. Ибо ясно, что если мы от заграницы техники не переймем, то заграница нас поработит. Это совершенно ясно. Наше советское государство не является и не может быть государством изолированным от всего мирового хозяйства. Оно является органически спаянным, без него не может существовать остальной мир экономический, и мы не можем существовать без сотрудничества, без работы с этим заграничным миром. Это понимают буржуазные государства, которые желали бы нас в порошок истереть, но они не могут из-за того, что у нас есть союзники, союзники сильные. Эти союзники — порабощенные нации и рабочий класс, угнетаемые, и поэтому они не могут нас уничтожить, и даже должны нас признать, но не желают нам идти навстречу для того, чтобы помочь нам встать крепкими ногами и эту заграничную технику получить. Мы должны ее завоевать, должны ее приобрести, и каждый хозяйственник, где бы он ни был, когда он работает, должен себе сказать: «а как у наших врагов, как у капиталистов, какая у них выработка на рабочего, почему у них такая выработка, какие у них цены на изделия и почему такие цены на изделия». Он должен ставить этот вопрос и учиться и, я думаю, что наш съезд есть начало этой кампании, которую мы должны поднять именно для того, чтобы взяться за учебу. Этот съезд — это совещание наше должно сыграть крупнейшую роль. Задача этого совещания заключается в том, что здесь представители, компетентные представители, знающие, в большинстве спецы своего дела, должны сказать всем хозяйственникам, что эта задача — не утопия. Что мы входим в новый период развития нашей промышленности для того, чтобы были удовлетворены те нужды и те задачи, удовлетворения которых население ожидает от нас. Мы можем их выполнить только в том случае, если возьмемся все, как один человек, за изучение того, что такое «рационализация», что такое правильная научная постановка, какова эта постановка за границей и другое.

Когда мы возьмем это на себя и когда мы перед всей нашей страной, и не только перед всей нашей страной, но и перед всем международным рабочим классом, перед всеми нациями, возьмем на себя обязательство, что мы, руководители промышленности рабоче-крестьянского государства, берем на себя обязательство, что так, как мы довели и доводим промышленность довоенного уровня, вопреки всем предреканиям, точно так же, вооружаясь и перевооружаясь технически сейчас, идя на путь научной рационализации, мы достигнем той производительности, которая достигнута уже в буржуазных странах. Ведь вы представьте себе, если бы Америка была свободной страной при ее технике, при ее разделении труда! Вы знаете, как там интересно работают рабочие, разве там нельзя было бы при той технике и при тех богатствах, которые рабочий класс там создал, разве нельзя было бы ввести 5—6 часов рабочий день, и все могли бы жить припеваючи. Разве не эти перспективы стоят перед нами? Разве мы, если действительно возьмем и пойдем по этому руслу, разве мы не сможем ограничить тогда труд человеческий 6-ю часами для того, чтобы впитать в себя всю трудовую семью промышленности, впитать в себя ту безработицу, которая у нас еще сейчас имеется, то избыточное население, которое не находит приложения своей рабочей силе, тех, которых насчитывается 10—15 милл.? Мы сможем это сделать, когда мы поставим технику. И какие огромнейшие, колоссальнейшие богатства, ни в одной стране нет такого разнообразия климата и связанных с этим богатств и горных, и растительных, и животных; когда у нас такая колоссальнейшая рабочая сила и когда у нас свободное государство рабочих и крестьян, которое может и будет иметь силу, науку так поставить, чтобы наука действительно работала не за страх, а за совесть...

Дальняя авиация. Сегодня ее корабли могут летать вокруг земного шара. Недавно на воздушном параде тысячи восхищенных зрителей, сотни специалистов всех стран следили за полетом этих огромных стремительных машин.

Редакция «Знание—сила» за «Круглым столом» встретилась с командованием и ветеранами Дальней авиации, возглавляемыми Главным маршалом авиации Е. Головановым, маршалами авиации А. Агальцовым и Н. Скрипко.

Дальняя авиация, авиация дальнего действия — так ее называли во время Великой Отечественной войны. Ее летчики бомбили Берлин и наносили удары по коммуникациям противника, останавливали танковые колонны, идущие к Москве, и летали к партизанам Белоруссии, Польши, Югославии. Имена Гастелло, Молодчего, Тарана знал во время войны любой мальчишка.

Сегодня вы еще не услышите выступления этих людей. С ними вы встретитесь на страницах нашего журнала в феврале будущего года, в дни, когда Советской Армии исполнится 50 лет.

В этом номере мы публикуем удивительный человеческий документ — воспоминания полковника В. Пономаренко. Выросший в опытного пилота на трассах Сибири и Дальнего Востока, В. Пономаренко провоевал всю войну, с первого ее дня и до последнего. В его воспоминаниях — картина отпора, который с самых первых дней суровой битвы, начавшейся в невыгодных для страны условиях, давали советские люди коварному врагу. Бороться и побеждать — вот чем жили тогда советские воины, и этим же духом проникнуты воспоминания пилота-бомбардировщика.

Самолет Пе-8 конструкции В. М. Петлякова (фото АПН).

1 ТЕТРАДЬ

Войну наш 212-й отдельный авиаполк, оснащенный двухмоторными дальними бомбардировщиками ИЛ-4, встретил на Смоленщине.

23 июня 1941 года — первый боевой приказ: бомбить аэродром Варшавы и пороховой завод севернее Варшавы. Вылет был удачным — уничтожили несколько машин врага, повредили аэродром. Все самолеты вернулись на свою базу. На обратном пути встретились с «мессершмиттами», но дымка и маневр по высоте дали нам возможность уйти от атак истребителей.

24 июня. Приказ: действовать по скоплению войск противника на железнодорожном узле Гродно. Нас предупредили: учтите, что там с немцами ведут упорный бой наши танки. И вот неопытность первых дней войны — спрашиваем: как же отличить наши танки от немецких? Отвечает начальник разведки полка: мне передали из верхов, пусть летчики определяют наши танки по размеру, они больше немецких. Вот это, думаем, да!

Команда «По самолетам!». В воздухе собрались звеньями и — курс на запад. Вышли на цель, сбросили бомбы. Наших танков не видели, зато немецких — очень много. Встретили нас фашисты ураганным огнем малокалиберной зенитной артиллерии. Уже знали — раз бьет МЗА и разрывы снарядов черные, то это немцы.

По пути назад были атакованы «мессершмиттами». Пользуясь превосходством в скорости и вооружении, они зажгли самолеты капитана Цесаренко, лейтенанта Вагина, младшего лейтенанта Сумцова. Видеть, как горят твои друзья! И ничем не помочь, хоть кричи...

Это были наши первые боевые потери. Через несколько дней Цесаренко и Вагин вернулись в часть с неполными экипажами, а Сумцов пришел не скоро и один — штурман и стрелки погибли.

Как нам недоставало тогда истребителей сопровождения! В те дни противник очень расчетливо использовал каждую полевую площадку, чтобы держать свои истребители поближе к наступающим частям. Фашисты прикрывали свои танковые колонны с воздуха, и мы почти всегда встречались с «мессершмиттами». Тяжело было воевать днем на ночном бомбардировщике, слабо вооруженном для самостоятельного боя. Но надо было преградить путь врагу. Полк действовал, стремясь задержать движение фашистских танков. Помню удачный налет на танковый корпус противника, когда мы застали его врасплох и на сутки он застрял на одном месте.

25 июня. Вылет на бомбежку колонны танков в районе Вильнюса. В сплошных черных разрывах вышли на цель, сбросили бомбы. Штурман Соколов докладывает: «Вижу разрывы в колонне танков, два пожара».

26 июня. Задание от командира полка подполковника А. Голованова: произвести фотографирование и бомбометание мотомеханизированной колонны противника от Вильнюса в направлении Минска.

В солнечную погоду с редкими облаками вышли в тыл к немцам, повернули на восток. Шли над болотами на малой высоте. Перед целью набрали высоту, сфотографировали и отбомбились в голове колонны. Но шли над колонной долго — ее длина составила несколько десятков километров. По основной дороге двигались танки, бронемашины. По бокам — танкетки и мотоциклисты.

Немецкие истребители появились с запозданием. Выполнив задание, мы спикировали до высоты 120 метров, а дальше перешли на бреющий полет. «Мессершмитты» нас потеряли.

Второй вылет — по этой же цели. Колонна противника рассредоточилась и замедлила движение вперед. Экипаж лейтенанта Пружинина на подбитом самолете с одним мотором дотянул до аэродрома.

27 июня. Снова вылет по той же цели.

2 ТЕТРАДЬ

28 июня. Задание: разведать шоссе и железную дорогу Бобруйск — Белосток. Просмотреть местность в Западной Белоруссии с целью обнаружить выходящие из окружения части. Пометить на карте их координаты.

Летим своим звеном: правый ведомый Федя Кузьмин, левый — Гриша Янчук. Проходим линию фронта. Стрелок Хабаров докладывает: «Под нами Ме-109». Остались незамеченными.

Через полчаса впереди появились точки в воздухе. Скоро они превратились в бомбардировщики Ю-88 численностью до полка. Помахал им крыльями, они ответили. Пусть принимают за своих. Еще дважды встречали самолеты противника. Как узнали позже, немцы перебазировали свою бомбардировочную авиацию ближе к наступающим войскам.

Записки пилота-бомбардировщика

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗАСЛУЖЕННОГО ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА СССР В. ПОНОМАРЕНКО

Просмотрели шоссейную и железную дороги. В заданном районе прочесали лес в нескольких направлениях. Вначале сфотографировали, а потом прошлись на низкой высоте. Никого не нашли.

Дошли до Белостока и легли на обратный курс. Возле линии фронта нашли мост на шоссе, сбросили бомбы. Шоссе повредили, мост остался стоять. Не так-то просто в него попасть.

На нашем аэродроме появилась шестерка истребителей — «Чайки» и Миг-1,— присланных для охраны и сопровождения.

30 июня. Враг все дальше вторгается на родную землю. Недавно летали к Белостоку, Вильнюсу, Минску, Вилейке. Сегодня уже к Бобруйску. Бомбили скопление мотомеханизированных войск. Потерь не было: зенитная артиллерия огонь открыла с запозданием, а истребители не появились вовсе.

На обратном пути стал греться левый двигатель. Сел на промежуточном аэродроме. За мной сели и ведомые звена. При осмотре мотора обнаружили пробоину в одном из цилиндров.

Только кончили осмотр — вражеский налет. Все бомбы разорвались в стороне.

1 июля. Тяжелые оборонительные бои на реке Березине севернее Бобруйска. Вместе с другими полками корпуса дальней бомбардировочной авиации действовали по вражеской переправе через Березину. Несколько раз ее повреждали, но не уничтожили.

Переправа была прикрыта мощной зенитной артиллерией и истребителями, и мы сразу потеряли несколько машин, а приходилось вновь и вновь прорываться сквозь заградительный огонь и атаки «мессершмиттов».

Подбитую машину младшего лейтенанта Богомолова (ныне Герой Советского Союза, майор запаса) мы проводили до Могилева, где он благополучно сел. Заместитель командира полка майор Филиппов (ныне генерал-майор запаса), оставляя горящий самолет, совершил парашютный прыжок методом срыва с кабины на высоте 50 метров.

Над Березиной — клубы огня и дыма: горели наши бомбардировщики, горели «мессершмитты», горела земля.

При втором налете переправу разбили, но наши потери велики. Взорвались в воздухе самолеты моих друзей — Кости Антонова и Ивана Белокобыльского. Пропали без вести экипажи Вдовина, Ищенко и других летчиков.

Несколько экипажей, в том числе, как помнится, экипаж лейтенанта Ковшикова спаслись, но не сразу вернулись в свою часть. Приземлившись прямо на поле боя, они участвовали в обороне берега Березины.

Остался жив и Коля Ищенко— мы случайно встретились с ним через год, и он рассказал, как было дело. Когда его самолет возвращался после бомбежки, экипаж отбил несколько атак истребителей. Но очередной «мессершмитт» добился своего: пушечные снаряды ударили по машине и она вспыхнула как факел. Живы ли штурман, радист и стрелок? На команду «Оставить машину!» никто не ответил. Не зная, что с товарищами, раненый и сам, Ищенко решил сажать бомбардировщик в поле на фюзеляж. Садился на ощупь, почти ничего не видя сквозь огонь и дым. Покинуть кабину не мог. Но тут откуда ни возьмись — полуторка. Капитан, ехавший в грузовике, и шофер вытащили из огня пилота и других членов экипажа, причем все были ранены. Едва полуторка отъехала, бомбардировщик взорвался.

Спасли наших товарищей военный корреспондент — известный писатель Евгений Петров и его шофер. С какой горечью мы узнали о гибели этого чудесного, отважного человека!

2 июля. Бомбометание по танковой колонне северо-западнее Борисова.

При пролете ст. Рудня видели, как навстречу врагу выдвигалась Московская пролетарская механизированная дивизия. Много танков, броневиков. Настроение приподнятое: идут свежие, готовые к бою части.

15 июля. Ясный жаркий день. На небольшой высоте наше звено идет над дорогой Смоленск—Красное. Вражеские танки! А сверху, над нами, две четверки «мессершмиттов». В кольце разрывов зенитной артиллерии заходим на цель, сбрасываем бомбы на танки. Сержант Хабаров докладывает: «Истребители идут в атаку». Уходим от цели со снижением — знаем, что на малой высоте мессеры нападают неуверенно.

Немцы атакуют попарно. Отстреливаемся. Хабаров докладывает о маневре истребителей и в соответствии с этим я произвожу контрманевр. Ура! Хабаров и Губин зажигают один мессер.

С Гришей Янчуком идем, как сцепленные. Непрерывные атаки. Пушечные трассы вьются вокруг нас. Самолет Янчука отваливает с резким креном. Слышу голос Хабарова: «Вижу парашютистов».

Снова атаки мессеров. Но земля рядом. Иду на бреющем. Несколько маневров и уходим от истребителей.

Возвращаемся на место боя. На малой высоте осматриваем местность, но упавший самолет Гриши Янчука найти не можем.

Встречали нас осиротевшие техники, механики звена. Какие экипажи потерял! Каких друзей! — разве можно об этом рассказать...

16, 17, 19 июля бомбили гитлеровские мотомехчасти.

23 июля. Вылет на вражеский аэродром. Цель очень и очень опасная. Шли к ней, обходя населенные пункты, прижимаясь к земле. Замысел удался: вывалились из облаков и нанесли неожиданный удар. Аэродром после нашей работы — весь в пожарах и клубах дыма.

26 июля. Снова вылет по танковой колонне. Собрали пять экипажей. Я шел левым ведомым, за мной младший лейтенант Богомолов, а справа — лейтенанты Пружинин и Богданов (ныне полковник запаса).

Прорвались сквозь заградительный огонь, отбомбились удачно. Видели горящие танки и бензозаправщики.

Внезапно зенитный огонь прекратился. Хабаров: «Атакуют истребители».

Скорей подтянуться к ведущему! Но — что за черт, кто так маневрирует! Скорость потеряна, мы зависли, а уже начался бой, какого не было ни раньше, ни потом. На пять слабо вооруженных бомбардировщиков — 18 истребителей Ме-109 и Ме-110.

После зависания наш строй рассыпался, но Богомолов держался за мной словно привязанный. Я вышел вперед и дал сигнал Пружинину и Богданову пристраиваться ко мне.

Жора Пружинин не успел сблизиться с нами: его перехватили четыре истребителя, зажали в клещи и вогнали в землю. Так погиб мой старый друг и первый инструктор по летной школе. Богданов сумел ускользнуть от атак и пристроился правым ведомым. Ну, теперь можно было поближе к земле.

Спикировали. Задымил и взорвался один истребитель, экипаж Богданова сбил второй. Пыл у немцев слегка угас, и мы ушли от них на высоте 5—10 метров — с такой высоты на землю было страшно смотреть: так все мелькало перед глазами.

После короткого отдыха — снова в воздух: бомбить танки, закопанные у Ельни. Это хорошо: налаженная военная машина немцев стала давать перебои — вот, например, танки остались без горючего.

В этот раз я летел ведомым и понял, что это такое: бьют по ведущему, а попадают по тебе.

Небольшой перерыв в боях. Тренировались в ночных полетах, учились взлетать и садиться почти без огней на полосе — из нас готовили «ночников».

16 августа. Собраны экипажи со всего корпуса; из нашего, головановского полка десять машин. Приказ: блокировать аэродромы фашистских ночных бомбардировщиков. Не дать им взлететь. Сорвать вылет на Москву.

Один за другим бомбардировщики уходили в ночь, в полную темноту — только в конце взлетной площадки слабо светил фонарь «летучая мышь». Взлетели и мы. Пошли одни — машин у корпуса было мало, и каждый экипаж получил свою цель. Нам достался Минский аэродром.

Часа через полтора полета — четкие огни на земле. Световой маяк! Один, а за ним другие. Что такое? Догадались: немцы обозначили для себя трассы.

Чудесно — взяли курс по немецким маякам. Когда цель была близка, изменил режим работы моторов, подстраиваясь под двигатели «Юнкерса-88». На аэродроме увидели много огней, были обозначены стоянки, взлетно-посадочная полоса. Несколько бомбардировщиков выруливали на старт, а один уже начал взлет.

По командам штурмана Соколова вышли на боевой курс, штурман сбросил две бомбы. На земле сразу вспыхнул пожар. Немцы, видно, растерялись: бомбардировщики прекратили взлет, но аэродром продолжал оставаться освещенным, а на самолетах горели бортовые огни. ПВО молчала.

Штурман работал, как в мирное время на полигоне: заход — бомба, заход — бомба. Пожаров стало несколько, начались взрывы.

Так же спокойно, как прилетели, вернулись домой. Соколов отлично привел самолет на базу. В эту ночь обошлось без потерь.

Шла Великая Отечественная...

В течение двух недель «ночники» корпуса летали, блокируя аэродромы фашистских бомбардировщиков.

Конец октября 1941 года. Некоторое время провел уже в глубоком тылу — на авиационном заводе. Готовился к получению нового самолета: четырехмоторного красавца ТБ-7 (ПЕ-8). Тренировался летать на нем. Машина оказалась необычайно простой и удобной в управлении.

Самолет был прекрасно вооружен. Вместо двух пулеметов, которыми располагал ИЛ-4, он имел: две пушки калибра 20 мм—центральную и кормовую и три крупнокалиберных пулемета 12,7 мм — носовой и два под шасси.

В самое трудное время войны, когда враг стоял у окраин Москвы, страна посылала на фронт эти могучие, совершенные богатыри, способные летать далеко в глубь фашистской Германии. В тылу, на том заводе, куда я приехал, люди работали буквально до изнеможения, по многу часов подряд, плохо питаясь, днюя и ночуя в цехах. И только одна мысль: своей работой помочь фронту остановить фашистов.

В эти дни вызвал меня к себе полковник А. Голованов. У него в кабинете я встретился с летчиком майором Тягуниным, штурманом М. Карагодовым и несколькими незнакомыми людьми. Причина вызова была необычной.

В городе Калинине наши отступившие войска оставили невзорванным железнодорожный мост через Волгу. Через этот мост немцы питали свою ударную группировку. Все попытки нашей авиации разбомбить его окончились неудачей, хотя при налетах были потери и в людях, и в самолетах. Было принято решение разрушить мост с помощью экспериментальной техники.

Для решения этой задачи было привлечено конструкторское бюро, которое уже не один год работало над беспилотным полетом, точнее — радиоуправлением одного самолета с другого. Нам выделили две машины: бомбардировщик ТБ-3 — он должен был стать беспилотным самолетом-торпедой, и ИЛ-4.

Скоро начались пробные вылеты. Майор Тягунин со своим экипажем поднимал ТБ-3 в воздух, а следом взлетала наша машина. Рядом со штурманом Карагодовым у нас летел военинженер 2-го ранга Володя Кравец, который контролировал работу аппаратуры.

Все шло хорошо, и техника работала надежно, но пока мы тренировались, а потом преодолевали трудности, связанные с погодой и с подготовкой к вылету, положение на фронте резко переменилось к лучшему. Наши войска перешли в наступление, выбросили немцев из Калинина, и те в свою очередь тоже не сумели подорвать мост. Наверно, так даже и лучше получилось.

Но затея с радиоуправляемым самолетом не была оставлена.

В марте 1942 года была организационно создана Авиация Дальнего Действия. Командовать ею был назначен генерал-лейтенант А. Голованов, а начальником штаба — генерал-лейтенант М. Шевелев. Командование АДД стало подыскивать цель, готовить вылет.

Наконец 25 марта мы получили «добро», вылет состоялся, но, к сожалению, из-за несогласованности в действиях разных подразделений успеха добиться не удалось. Вот как получилось.

С аэродрома поднимается ТБ-3, за ним наш ИЛ-4. После разворота заходим ТБ-3 в хвост, включаем систему радиоуправления и над аэродромом даем команду покинуть самолет. Экипаж и инженеры выбрасываются с парашютами.

Ложимся на курс. Впереди — самолет без единого человека. Это второй такой полет в истории нашей авиации. Первый выполнили в 1936 году на самолете ТБ-1. Система радиоуправления действует так хорошо, что даже не верится, будто на нашем ведомом нет пилота.

Вскоре к нам пристраиваются одиннадцать истребителей сопровождения и мы все вместе берем курс на цель — Вязьму, где железнодорожный узел, по сведениям разведки, забит немецкими эшелонами.

Полет необычайно трудный. ТБ-3 идет со скоростью 130—135 километров в час. Скорость ИЛ-4 намного больше и, чтобы держаться за ведомым, не обгонять его, мы выпустили шасси. Летим по прямой, потому что для маневра нет скорости. Элероны малоэффективны, и от кренов удерживаю самолет рулем поворота. Для истребителей мы уж и вовсе плетемся «по-черепашьи», но они хоть могут ходить вокруг нас, а мы должны следовать строго в кильватере ведомого.

До линии фронта 50 километров. Появляются облака, спускаются все ниже и ниже. Снижаю ТБ-3, снижаюсь сам. Видим, дальше погода будет еще хуже. Действительно, линию фронта проходим на высоте 200 метров. Но что такое: где истребители? Один рядом с нами, других не видно ни впереди, ни по сторонам. Стрелки докладывают: остальные десять повернули назад. Вот так.

Дымка сгущается. Боюсь потерять ТБ-3, подхожу к нему метров на сто. С земли начали стрелять из всех видов оружия. Наши самолеты — в кольце разрывов. Стрелки непрерывно отвечают. А моя задача: строго выдерживать курс, никакого маневра. Смотрю на истребитель — какой молодец! — не оставил.

До цели 20 километров. Идем в сплошном огне. Появляются пробоины. А облачность все давит к земле — наша высота уже 150 метров.

Внезапно — ТБ-3 исчез. Нет его, не видим под нижней кромкой облачности. Володя Кравец кричит: «Догоняй!». Я отвечаю: «Проверьте радиоуправление. Надо выдерживать скорость и курс. По расчету времени дадим команду на снижение».

Так и сделали. Но наш ведомый перестал подчиняться командам, а причину мы узнали, когда вернулись на свой аэродром: зенитным снарядом вырвало кусок обшивки фюзеляжа вместе с радиоантенной. По возвращении узнали и то, почему ушли истребители. Оказывается, они получили распоряжение вернуться, если облачность спустится до пятисот метров. Как было обидно, что пропал труд большого коллектива.

Весной 1942 года получил назначение в 432-й тяжелый бомбардировочный полк, который вскоре вошел в состав вновь организованной 45-й тяжелой бомбардировочной авиационной дивизии. Командиром первого полка был назначен майор Егоров, второго — майор Лебедев. Командир дивизии — полковник Лебедев, его заместитель — подполковник Счетчиков (ныне генерал-полковник).

Состав полка был очень опытным: кадровые летчики и штурманы гражданской авиации, летчики-испытатели, полярные летчики. Среди них, например, такие известные пилоты, как А. Алексеев и М. Водопьянов. Экипажи полка уже в 1941 году бомбили Берлин, Кенигсберг, Данциг.

После очередного курса тренировки на ТБ-7 снова боевые вылеты. **24 июня** — вылет на Кенигсберг. **25 июня** — Инстербург. Получай, фашистская Германия! Пусть твои города тоже узнают, как погружаться во мрак после первых разрывов бомб, пусть торопливо и запоздало огрызаются, посылая снаряды в пустое ночное небо. Вспоминаются страшные летние месяцы сорок первого года, когда мы избегали летать над железными и шоссейными дорогами, когда беженцы, уходившие на восток, разбегались при виде любого самолета, когда люди выбрасывались из идущих на полной скорости поездов, потому что гитлеровские летчики стреляли по любому составу — с ранеными, с мирными жителями, с детьми. Геринг клялся, что небо над Германией будет немецким. Так пусть теперь и немцы узнают, что небо может быть страшным.

Приказ: готовиться к вылету на Берлин. Были выделены экипажи майора Пусэппа, капитанов Кубышко, Родныха и мой. Это было все, что могла дать дивизия из тридцати кораблей для полета на полную техническую дальность.

Времени на подготовку было мало, а данных про ПВО Берлина еще меньше. Нас выручили штурман Карагодов и летчики Лавровский и Борис Кубышко (вместе мы учились в Батайской школе ГВФ). Эти наши товарищи перед самой войной летали на международной линии Москва — Берлин. Бывая в Берлине, они не раз оказывались свидетелями налетов английской авиации, и теперь они вспоминали о прежних своих наблюдениях: о расположении зенитных батарей, о взаимодействии их с ночными истребителями.

26 августа. Вылет назначен на 17.00. После завтрака — отдых. Спать не хочется, хоть и надо. В голову лезут всякие мысли —о войне, о жизни, о семье, которая осталась в оккупации в Минеральных Водах...

Время. Погода изумительная — только по лесу гулять, а не воевать. Корабли нагружены до предела и долго бегут по взлетной полосе. Наконец взлетаем. Постепенно вырабатывается горючее, и самолет становится более послушным. Погода между тем портится. Линию фронта проходим в облаках. Неожиданно быстро темнеет. В наушниках прослушиваются атмосферные разряды, корабль начинает потряхивать. За счет выгоревшего горючего набираем высоту. Поднимаемся на 7000 метров, но и здесь впереди — мощная облачность. Начинают сверкать молнии. Пытаемся обойти облачный фронт с севера, но тут тоже грозовые облака. Приказываю выключить радиостанцию. На приборах в самолете — снег. На пулеметах турельной установки,

Во дворе рейхстага

двумя жалами торчащих впереди самолета, — вольтова дуга. Корабль бросает как щепку. Огромную, перегруженную машину подхватывает восходящий поток и несет вверх. Не успеваю моргнуть глазом, как уже набрали 500 метров. Тут же корабль резко кренится влево, и мы проваливаемся куда-то вниз, повисая на привязных ремнях. И снова — вверх.

Потом резкие броски кончаются, исчезает вольтова дуга. Мы попадаем в относительно спокойную облачность.

И опять — впереди грозовые облака. Опять мотает из стороны в сторону.

И снова небольшая передышка, а за ней — новый грозовой фронт.

Наконец облака кончаются. Под нами — Балтийское море. Радист лейтенант Бородай запрашивает пеленг. Штурман капитан Легкоступ прокладывает радиопеленги, снимая их с наших и зарубежных широковещательных станций. Наши координаты определены, и штурманы прокладывают курс на Штеттин. На высоте 8000 метров выходим к этому портовому городу. Хорошо просматриваются береговая черта моря и река, идущая к Берлину.

Впереди не видно ни прожекторов, ни зенитных разрывов. Штурманам много работы: не хочется, чтобы такой тяжелый полет прошел впустую.

Подходим к Берлину. По-прежнему смущает, что не работает ПВО. Даю экипажу команду усилить наблюдение — может быть, действуют ночные истребители? Но тогда были бы прожектора, а их нет.

Но — время! Штурман выводит самолет на боевой курс. Поочередно докладывает: «На курсе! Люки открываю! Сбросил! Люки закрыл!»

И вот тут-то — начинается. В одно мгновение нас высвечивают прожектора, в кабине появляется запах пороха от близких зенитных разрывов. Резко бросаю самолет вниз и в сторону, и минут через пятнадцать вырываемся из-под обстрела.

Настроение у всех приподнятое — задание выполнено, можно домой. Идем по прямой, самым коротким путем, лишь обходя крупные города, — горючего и кислорода у нас в обрез. Понемногу снижаюсь: если кто-нибудь и потеряет сознание от кислородного голодания, то недолго будет снизиться до безопасной высоты.

Траверз Данцига проходим на рассвете. Кенигсберг — засветло. К линии фронта выходим в глухом месте, но нас все-таки встречают стрельбой. Противозенитный маневр, — и мы на своей стороне.

Вот когда дает себя чувствовать усталость. Всех клонит в сон, веки закрываются. Снижаюсь на малую высоту — внизу все мелькает, внимание напряжено, сон проходит.

После четырнадцати часов полета садимся на свой аэродром.

29 августа 1942 года. Снова — Берлин. Вылетает та же четверка: Кубышко, Пусэпп, Родных и мой экипаж. Погода на редкость удачная, чистое небо, светит луна.

После Штеттина попадаем в прожектора. Идем от Штеттина к Берлину, и один прожекторный луч передает нас другому. Берлин встречает яростной стрельбой. В кабине светло, тянет порохом. Внезапно — темная зона без разрывов. Значит, в хвост заходит истребитель. Ну, нет — лучше в огненное пекло, чем встречаться с ним.

Штурманы выводят на цель. Бомбы сброшены. Кормовой стрелок Ярцев докладывает об огромных взрывах. Штурман подтверждает. Ну, что же, не даром, значит, слетали.

Все еще идем в огне и прожекторах. Один противозенитный маневр, другой, третий — даже и не верится, наконец, что уходим от них.

Домой идем без приключений и на двенадцатом часу полета благополучно приземляемся.

Но из вылета вернулись не все. Не пришел экипаж капитана Кубышко. Уже много позже мы увидели в каком-то английском журнале фотографию его самолета с голубой пятеркой, сидящего на фюзеляже. В подписи было сказано: русский тяжелый четырехмоторный бомбардировщик, подбитый над Берлином. Подробности этой истории стали известны только после войны. Вот они вкратце. На самолете с голубой пятеркой были пробиты бензобаки, и горючего до нашей территории не хватило. Борис Кубышко ночью посадил машину на фюзеляж в поле где-то в районе Каунаса. Попробовали сжечь самолет, но бензина не было, а тут уже появились немцы. Штурман корабля майор Миша Колечко вызвался прикрыть отход товарищей пушечным огнем. Так он и погиб — в самолете, за пушкой. Однако добраться до своих экипажу не удалось — попали в плен. Из лагерей Борис Кубышко дважды бежал, и после третьего побега его расстреляли.

Жаль Бориса было до слез. Ведь нас вместе Минводский райком комсомола в 1931 году послал учиться в Батайское училище ГВФ. Борис показал себя талантливым летчиком, работал на международных линиях. За участие в боях на Халхин-Голе и в финской войне был награжден орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды.

1 сентября. Вылет на Варшаву.

4 сентября. Цель — Будапешт. Должен был праздноваться чей-то день рождения, и на праздник собралась с поздравлениями вся сволочь из государств, воевавших вместе с нацистами.

Собрались и мы тоже. Пришли к Будапешту, город освещен — словно и войны никакой нет. Зашли на цель, спокойно сбросили бомбы. Сразу же появились прожектора — шесть штук, где-то в стороне начали рваться снаряды. Оборона до того растерялась, что даже забыла выключить освещение города.

13 сентября. Вылет на военные заводы Бухареста. Цель встретила мощной зенитной защитой.

На обратном пути внезапно раздался удар по левой плоскости в районе первого мотора. Возникло пламя. Резким скольжением на правое крыло пламя сорвал. Мотор приказал выключить. Осталось три двигателя — жить можно. Только что об этом подумал — на третьем моторе лопнул коленчатый вал. Самолет начал дико вибрировать. Двигатель был выключен, а тряска нарастала. Появилась опасность разрушения корабля. Сперва попробовал увеличить скорость — не помогло. Стал ее уменьшать, чтобы остановить раскрутку винта. После остановки винта тряска прекратилась.

Все вздохнули с облегчением, но радоваться было рано. На двух двигателях корабль начал постепенно терять высоту. Правда, когда он снизился до 2500 метров, нам удалось этот процесс остановить, но вскоре мы попали в облака и, обледенев, потеряли еще 500 метров. Начал давать перебои двигатель номер два. Было трудно пилотировать самолет, но вторым пилотом был очень хороший летчик — Владимир Зеленский. Вдвоем мы справлялись с управлением. Когда до базы оставалось километров пятнадцать, пришлось и этот двигатель выключить. Садились на одном моторе. Нас на аэродроме уже никто не встречал — считали погибшими. Ждал лишь начальник санитарной службы дивизии подполковник Раковщик.

Сентябрь 1942 года — время ожесточенных боев под Сталинградом. Бомбили вражеские части на подступах к городу. Нарушая переброску немцами войск, наносили удары по железнодорожным узлам: Рославлю, Смоленску, Орше, Полоцку, Витебску.

1943 год. Снова частые вылеты. Немцы усиливают зенитную оборону над железнодорожными узлами, аэродромами, расположением войск — в 1941 году нам и не думалось, что она может быть такой плотной.

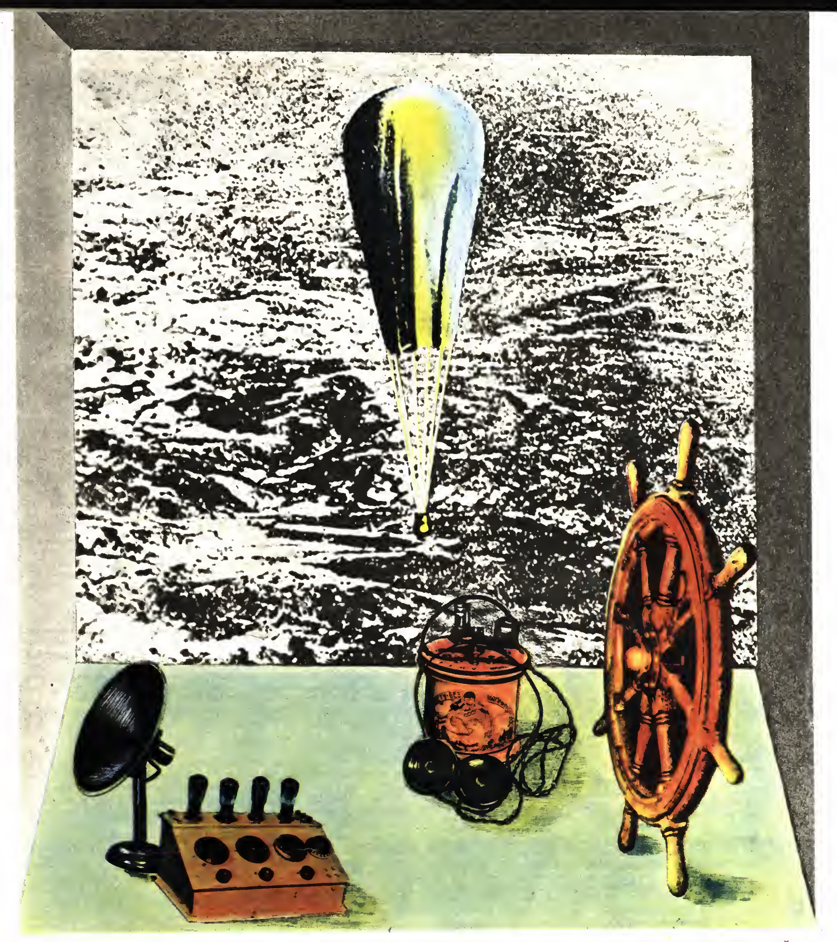
27 мая. Разведка сообщила, что в Могилеве в одном из больших зданий должно произойти совещание немецкой жандармерии и русских предателей-полицаев. На бомбежку были посланы два самолета — каждый с бомбой-пятитонкой. Первым на цель зашел экипаж Николая Ищенко, он разрушил здание прямым попаданием. Наш экипаж ударил следом. Чтобы налет был неожиданным, а поражение точным, бомбили с небольшой высоты. Взрывная волна от пятитонки швырнула самолет, как щепку, и мы едва удержали его в воздухе. Как позже сообщила разведка, трупы полицейской сволочи вывозили в течение нескольких суток.

...20 июня. Над целью не сбросилась одна бомба весом в тысячу килограммов. Сделали несколько заходов. Резко тормозили, выпуская закрылки. Не помогло: бомба продолжала висеть под левой плоскостью. Тогда старший техник-лейтенант Зубрицкий полез в плоскость, прорубил окно и по команде нажал над целью на замок — бомба ухнула вниз.

Обнаружилось, что немцы пошли на такую хитрость: по ночам начали уводить железнодорожные составы с больших станций. Используя донесения партизан, наша дивизия стала бомбить вражеские эшелоны на перегонах и полустанках.

* * *

На этом мы кончаем публикацию отрывков из воспоминаний полковника В. Пономаренко. С каждым месяцем все сокрушительней становились удары советских бомбардировщиков, и В. Пономаренко участвовал во многих операциях, встретив зарю Победы. Сейчас он находится на действительной службе, продолжая охранять рубежи нашей Родины.

С первых лет Советской власти наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа. Советское государство даже в самые тяжелые для страны годы не жалело средств на организацию широкой сети научно-исследовательских учреждений, развитие фундаментальных и прикладных направлений науки, экспериментальной базы научных исследований, подготовку кадров.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

В номерах этого года наш журнал рассказывал о многих важных и примечательных событиях из истории советской науки и техники, о том, как начиналась наша наука: о деятельности штаба русской науки — Академии наук СССР в 1918—1922 гг., о творческих поисках физика Александра Вериго, медика и инженера Сергея Брюхоненко, инженера Ивана Граве, технических юбилеях, московской математической школе, развитии радиосвязи, о советских ученых в годы Великой Отечественной войны.

Теперь читайте: рассказ о физико-техническом институте, о географических исследованиях на Памире, о советской геологической школе.

ГОДЫ РОЖДЕНИЯ

Л. КОКИН

По декрету А. В. Луначарского в первый же, такой трудный для молодой Советской республики год было создано три института, и среди них — физико-технический в Ленинграде... Прошли десятилетия. Оглядываясь на прошлое, историки науки с изумлением обнаруживают, как много неожиданных и смелых теорий было выдвинуто, как много открытий фундаментального значения было сделано в те далекие голодные, холодные, неустроенные и героические годы.

О создании института, о его первом директоре — Иоффе, о молодых его сотрудниках, будущих академиках и будущих старейшинах советской науки, рассказывает публикуемый ниже очерк.

1. Богиня Физика

6 мая 1919 года в газете «Северная Коммуна» (Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов) было помещено извещение «От Народного Комиссариата по просвещению», подписанное Луначарским. В нем сообщалось об основании в Петрограде трех первых советских научных институтов. Одним из трех был Государственный рентгенологический и радиологический институт, учреждаемый «для научного исследования вопросов рентгенологии и радиоактивности и их практических применений в медицине и технике».

«Устройство и содержание... института, — говорилось в извещении,— обеспечивается средствами казны по сметам Народного Комиссариата по просвещению».

И действительно, когда Иоффе получил деньги на организацию института, их было столько, что пришлось погрузить в мешок. Он принес мешок денег к себе домой и, пригласив Чернышева, рассыпал их по столу. Денег было много, и нужд было много, да мало что можно было купить на эти деньги, хотя Наркомпрос не поскупился.

Наркомпрос не скупился не только на деньги. Вот, к примеру, каким мандатом располагал Иоффе:

«Народный Комиссариат
по просвещению
Москва-Кремль
Кабинет
19-го июня 1920 г.
№ 1850

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Ввиду большого государственного значения Рентгенологического и Радиологического института, который, кроме выполнения своих научных задач, обслуживает лечебные заведения, Красную Армию и технические предприятия, Народный Комиссариат по просвещению просит все ведомства и учреждения оказывать институту всяческое содействие.

Народный Комиссар
по просвещению
А. Луначарский»

Мандат за подписью Луначарского, безусловно, помогал раздобывать дрова, билеты на поезд, карандаши и бумагу. Но в условиях топливного, транспортного, бумажного и прочих кризисов отнюдь не был чудодейственным.

«В отдел распределения канцелярских принадлежностей, — писал товарищ президента института Чернышев. — Физико-технический отдел просит предоставить: карандашей обыкновенных... синих и красных... химических... резинок... перьев... бумаги, кнопок, гуммиарабику, туши... Институт особенно нуждается в карандашах, конвертах, бумаге обыкновенной и копировальной и лентах для пишущей машинки, которых у него абсолютно нет...»

Снабженный мандатом представитель института отправлялся в «Отдел распределения», но работник отдела, разводя руками, против слова «перьев» зачеркивал проснмые 2 дюжины и писал 1, против слова «бумаги» зачеркивал 1 стопу и писал $^1/_2$, против слова «гуммиарабику» вместо 2 флаконов писал 1 и совсем вычеркивал карандаши синие и красные, и химические, и копировальную бумагу, и ленты для пишущей машинки, которых у него тоже не было вовсе.

Потому и в отпечатанных на машинке бумагах того времени так тесно лепится строка к строке, и все они полуслепы, и отпечатаны с обеих сторон, и зачастую буквы подправлены чернилами, чтобы легче было разобрать текст: «...Физико-технический отдел ходатайствует о предоставлении ему 250 куб. сажен дров для отопления его помещений и получения газа... Отдел ведет весьма интенсивную научно-техническую работу... Помимо разработки чисто научных вопросов и теорий, в лабораториях Отдела вышла целая серия практических изобретений... Исключительное государственное значение отдела засвидетельствовано особым мандатом, выданным т. Луначарским... Единственным препятствием, которое может остановить всю жизнь учреждения, явилось бы отсутствие топлива...»

А пока бумаги, подобные этой, ходили по инстанциям, не замерзать же было!

«Ночь. В Сосновке нет фонарей. Трамваи не ходят... На Приютской улице... лес. Среди высоких стволов крадутся три тени... Впереди служитель одной лаборатории Политехнического института с топором, позади двое с пилой: профессор Яков Ильич Френкель да я. Идем, озираемся по сторонам. Тишина... Вдали кто-то пилит дерево. Мы приступаем к работе. После больших наших усилий падает сосна. Никто, к счастью, не видит нас. С трудом превеликим пилим ствол на части, тащим на себе трофеи... Осталось донести последнее полено. Чу! Навстречу нам какие-то люди. Мы поспешно бросаем полено и удаляемся восвояси. А люди почему-то сворачивают в противоположную сторону. Мы не рискуем вернуться за поленом, а в душе проклинаем этих праздношатающихся... На другой день узнаем, что это были наши студенты, среди них мой однокурсник — Виктор Николаевич Кондратьев. Они, оказывается, переполошились, встретив нас, ведь они тоже занимались незаконной охотой за дровами». Это рассказывает профессор Я. Г. Дорфман, а академик В. Н. Кондратьев говорит: «Встретили ночью Френкеля с Дорфманом, они тащили бревно, а мы больше по воротам и калиткам промышляли — много домов было брошено. Уж в крайнем случае срубишь сосну. Удивляюсь, как удавалось разжечь сырую...»

Третий участник ночной встречи, Яков Ильич Френкель, незадолго перед тем вернулся из Крыма. Он был поражен воздухом города: совершенно чистым, как на курорте, свободным от дыма — топлива не было, заводы стояли. По той же причине трамваи, как писал тогда Френкель родителям, хромали на обе ноги. «Даже утром уличное движение поддерживается лишь «11-м номером», т. е. при помощи нижних конечностей, причем я уже настолько приспособился к этим путешествиям, что для сбережения драгоценного времени читаю по дороге книжки...» А дорога в Лесной из города, прямо сказать, не близка, по крымским масштабам, как от Алупки до Ялты. Летом кое-кто пользовался велосипедом, ну, а зимой — один, как Френкель, умудрялись читать на ходу, другие обдумывали великие (или малые) замыслы, а третьи — лирики, широко известные в Лесном и окрестностях, слагали из жизни физиков стихи и даже поэмы.

Такова поэма «О трех, умученных физикой».

«Под петербургским небосклоном родились Вальтер с Харитоном, на лоне волжской благодати впервые свет узрел Кондратьев, они росли, они мужали и вместе юношами стали. Тут злобный рок их подстерег и вздумал дать им всем урок: он свел их всех, шутя, играя, в лабораторью Николая Семенова. Конец их близок. Семенов тот был лютый физик...

В лабораторьи — тишина: наука там царит одиа. Валь, Хар н Ко, склоиившись низко, с волненьем ждут развязки близкой ...гулять никто из них не выйдет: им воздух нужен в жидком виде.

Вдруг стук — патрон. Вскочили трое, дрожат: оставит ли в покое? Вошел высокий, черный, гибкий, н с саркастической улыбкой... взор устремил на Харитона. И молвил самым строгим тоном: «Вам далековько до открытий, когда на лекциях вы спите, хитро закрыв одни лишь глаз. Но вы не проведете нас!.. На сон — часа четыре в сутки! И все свободные минутки лишь ей, лишь физике отдать — она богиня нам и мать...»

2. Бараньи головы

«Начался ли действительно переход в новое здание? — летом 1921 года спрашивал Иоффе в письме из Лондона. — Что-то не верится, чтобы это так просто можно было сделать...» Третий год ютились рентгеновцы в дальнем южном крыле Политехнического института квартирантами профессоров Скобельцына и Шателена. Между тем «квартиранты» владели поблизости, по дороге в Сосновку, собственным зданием в стиле ампир. Оно было отдано им почти сразу же после организации Рентгеновского института, кирпичное, двухэтажное, имевшее на манер дворянской усадьбы форму подковы и принадлежавшее прежде Красному кресту. У здания было бурное прошлое. Строили его под богадельню, а во время империалистической войны передали для сумасшедшего дома. Одного этого было более чем достаточно, чтобы служить пищей для острословия, но этим дело не ограничивалось. Вдобавок владение научного института ограждала глухая, соответствующая прежнему назначению дома стена, на которой, повторяясь в настойчивом ритме, были вылеплены барельефы бараньих голов. Недурная символика для научных работ! Впрочем, физики не суеверны, символика никого не смущала, тем более, что здание было добротным, светлым и требовало лишь переустройства внутри, ну и, разумеется, соответствующего оборудования. Иоффе с Чернышевым горячо принялись за дело, составили сметы. «Передай, пожалуйста, Чернышеву, — писал Иоффе жене из Москвы, — что нам уже выдано 9 миллионов и еще 3 миллиона на постройку...» Но в годы разрухи проблемы вставали одна неразрешимее другой. Как превратить наркомпросовские миллионы в гвозди, краски, цемент, провода, трубы?.. Профессора изо дня в день занимались этим: раздобывали материалы, оборудование, подбирали рабочих. Но материалов было мало, оборудования не хватало, рабочие разбегались, и стройка почти не двигалась с места, пока не явился хозяйственный гений. Он явился в лице Николая Николаевича Семенова, нежданно-негаданно, как находка.

А получилось так.

В библиотеке кафедры физики — той самой, где собирался когда-то семинар Иоффе, — заседал, теснясь возле дымящей буржуйки, хозяйственный комитет: Иоффе, Чернышев, Шателен, студент Сергей Зилитинкевич. Кто-то подал идею: вон, в институтском дворе три зимы стоит без дела локомобиль, перетащить бы его во внутренний дворик, был бы он как котел, а в здании есть калориферы, если бы подсоединить их к котлу, — можно отапливать здание!.. Идея всем понравилась, но как локомобиль перетащить, вот что составляло проблему. Посыпались предложения — одно фантастичней другого. Во время дебатов Семенов сидел тут же, в комнате, к Хозяйственному комитету отношения он не имел, читал книжку, но в конце концов не выдержал, вмешался: «Ну уж, доставить локомобиль куда нужно—за это разрешите мне взяться: у меня все-таки человек двадцать студентов, сообща как-нибудь справимся!» И Семенов со своими студентами приступил к действию. Раздобыли где-то веревку и по снегу — раз, два, взяли — дотянули машину до дверей. Тут застопорило: в двери локомобиль не проходил, о чем и пришлось доложить на следующем заседании комитета. Что было делать? Пробивать дверь? А может быть, не пробивать, а построить вокруг локомобиля сарайчик? «За это я берусь, — сказал Семенов. — У одного моего студента отец — подрядчик». — «Действуйте!» — решили члены Хозяйственного комитета. И Семенов отправился к подрядчику. «Мне, конечно, этим невыгодно заниматься, — сказал подрядчик, — но для вас придумаем что-нибудь...» И придумал-таки, сколотил дощатый сарайчик. На этом, правда, успехи кончились, с локомобилем возились ползимы, но отопления так и не наладили. Зато все решили: вот молодая сила! И выбрали Семенова Товарищем Председателя Физико-технического отдела, а когда вскоре отдел превратился в самостоятельный институт, физик Семенов сделался помощником директора по хозяйственной части.

Разделение медико-биологического и физико-технического отделов — «развод» Неменова с Иоффе — назревал давно. Расположенные в разных концах города и все более расходившиеся по своим научным задачам, медики и физики Рентгеновского института фактически уже долгое время действовали сами по себе. В конце 1921 года «развод», наконец, был оформлен, и в Лесном начал свое существование отдельный Физико-технический Рентгенологический институт с задачами исследовать рентгеновы лучи, электронные и магнитные явления, строение вещества, применять эти явления в технике, выпускать физико-технические приборы. Директором института стал академик Иоффе.

Теперь уже целый институт теснился у политехников в учебных лабораториях, а рядом, через дорогу, пустовало прекрасное, как дворец, здание в стиле ампир, отпугивая поздних прохожих силуэтами бараньих голов.

Казалось бы, совсем немного оставалось доделать и можно переезжать... Но сколько слезниц исписано с мольбами о газовых трубах — всего-то их нужно сажен двести,—чтобы соединиться с газовым заводом. Стеклодувам без газа делать нечего, а, стало быть, физикам тоже. Наконец всякими правдами и неправдами трубы отыскали. Но— с электропроводкой плохо. Добираясь за полночь до постели, помощник директора по хозяйственной части никак не заснет. Все придумывает способ раздобыть электрический кабель.

Наконец он решается. Надо ехать в Москву, в Главэлектро. С начальником Главэлектро Валерьяном Владимировичем Куйбышевым Семенов немного знаком — когда-то встречались в Самаре... Может быть, старое знакомство выручит?

...В огромной комнате сидят за столами человек пятьдесят. За фанерной перегородкой в конце зала маленький кабинет Куйбышева. «Захожу, — вспоминает Семенов, — рассказываю, что привело меня в Москву. Он знает о Иоффе, о новом институте. Он особо заинтересован в развертывании наших лабораторий электроники, вакуума, высокого напряжения... Говорим о будущей тематике этих лабораторий... о создании более совершенных высоковольтных изоляторов и изоляции вообще... Нельзя ли заняться этими вопросами — ведь тут такое поле для разворота теории и для практической мысли физиков...» Куйбышев вызывает из «зала» известного профессора-электрика и еще одного человека, одетого более чем странно. На сотруднике советского учреждения черная монашеская ряса с крестом на груди. Что это за маскарад? — поразился Семенов, едва войдя в Главэлектро. Ему объяснили: занятная личность. Окончил Электротехнический институт, а потом поступил в духовную академию, постригся в монахи. Но недавно опять потянуло к технике. Работает хорошо, а рясы снимать не хочет...

Профессор и «монах» получают от Куйбышева задание: держать постоянную связь с Рентгеновским институтом, обсудить вместе с физиками планы их будущих работ.

«...Потом мы говорим о трудностях с кабелем и проводами» — они нужны и для восстановления электростанций, и для нового Волховстроя. Незаметно разговор переходит на план ГОЭЛРО, ленинский план электрификации, недавно принятый Съездом Советов. «Я чувствую горячий пульс восстановления разрушенной страны...»

Для института Куйбышев дает все необходимое.

«...Тут же появляется на столе письменное распоряжение — выдать то, что нам нужно, с Ногинского склада. Он сам звонит по телефону в Ногинск. Я уже собираюсь уходить, как вдруг соображаю, что я не смогу доставить катушки кабеля и провода из Ногинска — это 40 верст от Москвы — на вокзал для отправки... Извозчиков, которых можно было бы нанять, в Москве не найти... Куйбышев и здесь приходит на помощь. Он звонит в «Автогуж» — государственную транспортную организацию столицы — и договаривается, что мне дадут три подводы. Самому мне бы этого не добиться — с транспортом туго. Я благодарю за помощь, а он вдруг спрашивает еще: «Ну, а как у вас с источниками постоянного тока?» Отвечаю, что аккумуляторные батареи есть, умформер же понадобится только через полгода, потому я и не решился заговорить об этом сейчас. Куйбышев улыбается: «Я все-таки дам наряд на завод «Электросила», чтобы к лету вам был подобран умформер, а заодно и генератор высокой частоты».

..Переночевав в холодной квартире у московских знакомых, уезжаю с утра на санях по бескрайним снежным полям в Ногинск. Через сутки привожу на вокзал все, что мне выдали.

На четвертый день с торжеством возвращаюсь в Петроград. Провода у нас теперь есть в избытке, да еще и наряд на умформер! Мой авторитет как хозяйственника поднимается высоко...»

Пока, кутаясь в городское свое пальтишко, физик Семенов путешествует на санях из Москвы в Ногинск, отставной солдат Андрей Матвеевич Степанов в Лесном, в «богадельне», с утра до ночи возится с секционными котлами Стреля. Котлы разморожены, их требуется перебрать, но ни Андрей Матвеевич, ни тем более его помощник с такими котлами никогда не имели дела, да и вообще они не котельщики. Это сказывается незамедлительно: собранное с превеликим трудом отопление работать не желает. Приходится начинать все сызнова — при консультации профессоров... Впрочем, профессорские обязанности этим не исчерпываются. По субботам, по воскресеньям научные сотрудники превращаются в чернорабочих. Убрать ли помещение, установить ли какой-нибудь агрегат — созывают физиков. И сорок комнат бывшего сумасшедшего дома медленно, но верно приобретают обличье кабинетов, лабораторий, мастерских.

3. Из дворца во дворец

...На лошадях и ассистентах
Переезжает институт....

Это — институтский фольклор той поры. В точности ему не откажешь.

Лошадей Андрей Матвеевич Степанов нанимал поблизости, в деревне Гражданке. Везти-то от дальнего крыла Политехникума к «богадельне» чепуха—полверсты. Главное—погрузить и разгрузить. Этим Андрей Матвеевич занимался сам. Силы ему не занимать было. Если что полегче, да погрубее, — доверял «ассистентам», но были установки драгоценные и тяжеленные. Трансформаторы пудов на пятьдесят, на сто. И другое в подобном же роде. Подъемных кранов тогда не было. Слеги из окон проложишь, лом, лапки, распорки, оттяжки — вот вся техника. Подведешь каточки либо салазки — и «раз, два, взяли!».

Подвода ходила по чернотропу. А когда выпал снег, приборы стали возить на ручных санках. В просторных комнатах нового здания красовались купленные Иоффе заграницей новенькие рентгеновские трубки, электрометры, гальванометры, да и старые приборы выглядели совсем иначе, чем в прежней тесноте.

Почти два десятка станков установлено в новой механической мастерской. Ее основатель и заведующий Владимир Николаевич Дыньков не знает покоя ни днем, ни ночью. Великий стеклодув Михайлов тоже расширил свое хозяйство. Взял себе в помощь двух молодых

пареньков с провинциального стеклодувного завода. Впоследствии они прославятся в своем ремесле, эти братья Петушковы.

В здании тепло, водяное отопление работает на славу, водопровод тоже, закончена электропроводка, пущен умформер, дает ток аккумуляторная батарея... Но вот неожиданная заминка. Нужны распределительные щиты, а делать их не из чего. Какими-то непостижимыми путями Семенов узнает, что в здании бывшего Пажеского корпуса сохранились мраморные доски. Предназначались они прежде для увековечения имен выпускников. «Эврика!» — воскликнул помощник директора по хозяйственной части. И скоре вместо золотых букв и громких имен на досках укрепляют рубильники электрической сети. «В Рентгеновском все сияет новизной, — сообщает Иоффе жене в начале 1923 года. — Отопление действует... телефон проводят, устроили радиосигнализацию от воров. Денег получаем достаточно. Мебель выдали нам из складов Зимнего дворца... С пятницы начинается перевозка...»

Когда заведующий Научными учреждениями Петрограда старый большевик Михаил Петрович Кристи узнал, что здание, в сущности, готово, только в комнатах по полстола, а стулья профессора приносят из своих квартир, он сказал, поразмыслив, что единственное место, где можно добыть мебель, — это Зимний дворец. «Обойдите и подберите, что вам подходит, — сказал Кристи. — Нельзя только трогать парадных комнат и царских покоев».

Во дворец отправились втроем — помощник директора физик Семенов, отставной солдат Андрей Матвеевич Степанов, заявивший отныне должность «смотрителя здания», и новый секретарь Хозяйственного комитета физик Дорфман, единственный из троих, не первый раз переступавший дворцовый порог. Юнкером, накануне Октябрьской революции, ему пришлось двое суток стоять в квартире Столыпина, и он немного представлял себе, где что находится во дворце.

Сопровождаемые служителями — те не спускали с них глаз, — они шли по холодным, нетопленным залам. Кухонные столы и шкафы, которые можно было приспособить в лабораториях, привлекали физиков куда больше роскошных раззолоченных гарнитуров, но ведь и сидеть на чем-то надо было! Так отобрали они белую в цветочках мебель из покоев великой княжны Татьяны Николаевны, получив еще в придачу запасные тюки с английским обивочным ситцем. Глаза у физиков разгорелись, когда они попали в дворцовую аптеку. Грандиозные аптечные шкафы мореного дуба прекрасно подходили для книг и приборов. Аптечные прилавки можно было великолепно использовать для демонстрации опытов студентам. А большой перегонный куб и химическая посуда, казалось, просто были предназначены для лабораторий...

Через несколько дней Андрей Матвеевич Степанов снова нанял подводы в деревне Гражданке. Не один день возили подводы из Зимнего в Лесной, не один день разгружали физики столы и шкафы красного дерева с кручеными завитушками и резьбою в стиле рококо, кресла, обитые шелком, настольные лампы, стулья... Даже медный четырехведерный самовар привезли; его поставили возле институтских дверей, чтобы в обеденный перерыв чаевничать по-царски...

«Раз уж мебель рококо в здании ампир, — сказала Милица Владимировна Кирпичева, когда дворцовую мебель разгрузили, — почему бы пол в зале не сделать синим?» Абраму Федоровичу Иоффе такая идея понравилась. А когда краска в зале подсохла, кто-то пустил по синему полу белый бумажный кораблик.

4. «Теперь у нас планы...»

В коридорах второго этажа и в библиотеке накрыты столы, вывезенные из кладовых Зимнего. Коридор убран хвоей, разукрашен разноцветными фонариками, над столами от стены к стене протянули цветные гирлянды. Городские власти отпустили по случаю праздника продуктов на полторы сотни персон. В воскресенье 4 февраля 1923 года в 5 часов дня состоится, как сказано в пригласительных билетах, торжественный акт по поводу открытия Физико-технического Рентгеновского института...

Последние приготовления, час поздний, но в зале, ярко залитом светом, на синем полу под сенью цветных гирлянд еще толпится человек десять, никак не могут разойтись по домам.

И вдруг кто-то вспоминает: на здании нет вывески! Гости съедутся в институт со всего города, а куда они пришли — неизвестно! Конечно, бараньи головы на заборе кое о чем говорят, надоумят гостей, что научный институт находится здесь, не где-нибудь еще. Но какой именно институт? Физики вовсе не объявляли монополии на этот символ! Шутить некогда! Надо срочно решать, как быть с вывеской. «Наш архитектор, который, к счастью, оказался тут же, в зале, — рассказывает об этой ночи Николай Николаевич Семенов. — бежит домой за своими красками. Остальные, запасшись лестницей и инструментом, отправляются за километр в центр пригорода. Там много заколоченных лавок бывших купцов. Лавки маленькие, а вывески огромные. Это листы жести, набитые на деревянную основу. На улицах темно. Светя фонариком, мы выбираем подходящую вывеску. На ней надпись громадными буквами: «Решетников. Бакалея». Сдираем ее и тащим в институт».

Николай Николаевич, по скромности, не выделяет своей собственной роли в этом ночном походе. Между тем нет сомнения, что роль его была не последней — у него к тому времени был уже опыт в подобных делах. Незадолго перед тем на очередном субботнике рентгеновцы затаскивали в здание института электрический генератор, о происхождении которого потом пошла по институту такая молва. Будто бы, попав однажды по служебным делам на товарную станцию железной дороги, помощник директора заметил где-то в тупике, на снегу, под открытым небом эту заманчивую машину. Будто бы попробовал навести справки. Никто на железной дороге не знал, кому машина принадлежит, и поэтому никто ничего не мог разрешить. И, следовательно, запретить тоже. Убедившись, что попытки обнаружить хозяина тщетны, помощник директора будто бы явился однажды на станцию ночью с группой верных людей, с фонариком и с санями. И, подобно вывеске «Решетников. Бакалея», генератор переехал той ночью в Рентгеновский институт...

Итак, человек пять, руководимые архитектором, увлеченно водили кистями по «Решетникову. Бакалее»... «и когда забрезжил свет зимнего утра, была готова сверкающая белая доска размером один метр на шесть, на ней изящной старомодной вязью было выведено черным: «Государственный физико-технический институт».

Гости начали съезжаться задолго до назначенного часа — ученые из Академии наук, из Университета, из Политехнического и других институтов, работники Петросовета и Главнауки во главе с Михаилом Петровичем Кристи, без помощи которого едва ли могло состояться торжество. Еще более наглаженный, чем обычно, академик Иоффе, сияя, как именинник, водил гостей по лабораториям. «Те были поражены зрелищем совершенно оборудованного европейского научного института, чистого и изящного», — писал Иоффе жене.

К пяти часам хозяева и гости заполнили зал, и ученый секретарь профессор Бурсиан зачитал отчет о деятельности института, а директор академик Иоффе, как и было предусмотрено программой, выступил с речью на тему: «Наука и техника». Это излюбленная, это выстраданная им тема. Сама организация института была попыткой сблизить науку с техникой, объединить их под одной крышей, под одной вывеской. «Физико-технический институт»—отныне выведено крупной вязью на фронтоне. Теперь, когда у института есть, наконец, просторные лаборатории и хорошо оборудованные мастерские — их общая площадь, сообщает гостям Иоффе, более трехсот квадратных сажен, — когда бесконечная организационная нервотрепка отойдет, наконец, на второй план, когда, в трудных условиях, сложился и закалился хороший квалифицированный коллектив исследователей, — какие превосходные перспективы открываются перед институтом. Глуховатым от волнения голосом Иоффе говорит об огромных новых проблемах физики — теоретических и прикладных. Необходимо, чтобы наша, советская физика окрепла и быстро развивалась. Он говорит о необходимости активного воздействия физики на различные области техники, об исторической миссии физики в развертывании промышленности. Он говорит об основной идее самой организации физико-технического института, заключающейся в том, чтобы наша физика не была абстрактной, — пусть она будет глубоко теоретической, но и одновременно инженерно-действенной. Тут же следует изложение новых технических замыслов и идей, кажущихся фантастическими. Однако иные из них впоследствии сделались действительно центральными в развитии техники. Он говорит об огромных новых проблемах, поставленных партией перед всей нашей экономикой, и о том вкладе, который должна внести в их решение советская физика...

На другой день Иоффе так описывал прошедшее торжество:

«Все прошло великолепно. Народу — сколько вмещал зал, много приветствий, и очень теплых... Вечером был ужин, изготовленный соединенными усилиями... с тортами, мороженым... и даже белым вином... После ужина... концерт при участии лучшей в Петрограде пианистки Епанешниковой, потом ряд юмористических описаний института и инсценированных шарад. Разошлись только в 5 ч. утра. Мастера, вдохновленные обильной выпивкой, держали трогательные речи — словом, все как следует. Сейчас еще не прошел угар от этого открытия, и все бродят и разговаривают...»

Николаю Николаевичу Семенову как, должно быть, и его товарищам, этот день запомнился на всю жизнь. Спустя много лет он без труда представил его.

«...Мы сидим веселой компанией за столами. Взволнованные тосты звучат один за другим... Жизнь так полна и прекрасна. Так много в нас молодых сил. И почему это чем больше мы их тратим, тем больше их в нас становится!..

Мы, конечно, не знаем в деталях, как сложится наша судьба. Мы не догадываемся, что из нашего маленького коллектива вырастет со временем довольно большая часть будущей армии физиков Советского Союза — армия, которая будет участвовать в освоении атомной энергии, космических ракет, локации, высоковольтных аппаратов и передач, химической промышленности и многого другого. Мы ничего этого, конечно, не знаем, но мы чувствуем, что наша жизнь пойдет по широкой и светлой дороге...»

А Иоффе на другой день после памятного торжества писал:

«Теперь у нас планы постановки производства, устройства своего газового завода, автомобиля, нефтяного отопления и т. д. Кристи так был восхищен нашими успехами, что обещал все сделать. Что из этого еще выйдет — кто его знает, но институт уже существует, и это большой уже успех».

Шел одиннадцатый год Октября. Еще преодолевалось тяжелое наследие старой России: отсталая экономика, оторванные от горячего пульса современности окраины. На карте страны зияли белые пятна — совершенно неисследованные земли.

Революционеры ленинской гвардии, ставшие государственными деятелями, возглавили героическую экспедицию на Памир, стали колумбами земли советской. На каждом шагу путешественников подстерегала опасность — контрреволюция еще не смирилась со своим поражением. Геологический молоток в руке и винтовка за плечами — такая это была эпоха в истории советской науки...

ЭКСПЕДИЦИЯ НАРКОМОВ

В. МАРКИН

«Гляди: среди снежных горных корон, среди гор, стреляющих вверх и почти достигающих неба, стоит человек...»

М. Чюрлёнис

Осенью 1925 года торжественно отмечалось 200-летие Российской Академии наук. Это событие привлекло к себе внимание ученых всего мира. Внимание, особенно пристальное потому, что Академией, основанной Петром Великим, вот уже восемь лет руководили революционеры-коммунисты.

Именно на этой сессии родился проект большой экспедиции для картирования и комплексного изучения Памира — одного из последних больших белых пятен на карте нашей страны.

Традиции колумбов российских возрождались к новой жизни.

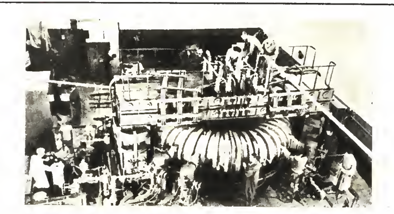
Подготовка к экспедиции была тщательной и долгой. Только в 1928 году исследователи вышли на «исходный рубеж». Экспедицию в целом возглавлял Николай Петрович Горбунов, ее инициатор, управляющий делами Совнаркома. Организация географических работ была поручена известному исследователю Средней Азии профессору Н. Л. Корженевскому, геологических — профессору Д. И. Щербакову. Важная миссия выпала на долю альпинистского отряда — исследовать район пика Ленина, проникнуть к леднику Федченко, к пику Гармо, который считался высочайшей вершиной Памира, разыскать перевалы через ледяные барьеры хребтов.

Альпинистская группа состояла почти целиком из «членов правительства». Верховный прокурор РСФСР, первый Главковерх Республики, нарком юстиции Николай Васильевич Крыленко был начальником группы. А «рядовыми» были: Отто Юльевич Шмидт, в ту пору нарком статистики, Елена Розмирович, член Коллегии РКИ.

...Караван навьюченных лошадей растянулся по скотопрогонной тропе. Ее утоптали тысячи овечьих ног; она проложена века назад кочевниками Памира в щедрую широкую Алай-долину. Впоследствии по ней прошел высокогорный Памирский автотракт. Летом 1928 года по тропе впервые двигался караван науки.

Позади — крутой перевал Кзыл-Арт, 4200 метров, мрачная и пыльная, абсолютно безжизненная «Долина смерти» — Маркан-су, замкнутая тесным кольцом белоснежных пиков. Впереди — оазис, большое горное озеро Кара-Куль. Там будет база экспедиции.

Шел 1928 год, 11-й год Октября... В горах Таджикистана было неспокойно: отряды басмачей перебрасывались из-за афганской границы и, объединяясь с местными баями, терроризировали население. Поэтому экспедиция была вооружена и ее сопровождал кавалерийский отряд.

Власть над атомом — в наших руках. Советский атомный реактор

ТА НЫ МАС — ТЫ НЕ УЗНАЕШЬ МЕНЯ

XIII ВЕК. МАРКО ПОЛО. («Книга, именуемая о разнообразии мира»). «Двенадцать дней едешь по той равнине, — называется она Памиром, и все время нет ни жилья, ни травы, еду нужно нести с собой. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холода и огонь не так светел, и не того цвета, что в других местах, и птица не так хорошо варится».

В окрестностях Кара-Куль работали пять дней, потом двинулись на запад, к верховьям реки Танымас — по-таджикски «Ты не узнаешь меня». На берегу озера осталось, по выражению Горбунова, «вымершее племя» — два метеоролога, впервые наладившие наблюдение за погодой на Памире.

По пути к Танымасу, в центр «белого пятна», экспедиция разделилась на две группы: первая, во главе с Горбуновым, направилась в долину реки Язгулем, вторая, в составе которой были Крыленко, Шмидт, Дорофеев, — к леднику Федченко, размеры которого еще совершенно не были известны. Оба отряда работали, по сути дела, вслепую — не было сколько-нибудь достоверной карты этих мест...

По литературным описаниям, ледник Танымас должен был быть большим, вытянутым в широтном направлении, но вместо этого экспедиция встретила восемь боковых ледников «меридионального простирания».

Топограф Иван Дорофеев с двумя красноармейцами, с минимальным запасом продовольствия, перебрался через перевал в долину ледника Федченко. Он стал первым человеком, ступившим на поверхность самого большого ледника страны. Он произвел инструментальную съемку всего нижнего и среднего течения ледника и определил его длину — 73 километра.

По карте ледник Федченко имел в длину всего 20 километров.

Вторая победа на ледовом пути — открытие перевала Кашал-Аяк, 4800 метров над уровнем моря.

Был тяжелый двенадцатичасовой переход, — приходилось утопать в снегу, перепрыгивать трещины, рубить ледорубом ступеньки в отвесной ледяной стене... сначала подъем, потом — спуск, такой же долгий и трудный. Никто с уверенностью не мог сказать, куда ведет этот спуск — в долину Ванча или Язгулема.

Темнело. Склон уходил в пропасть. И вдруг красноармеец Гизятов закричал:

— Огонь! Огонь! Вижу внизу огонь!

Никто, кроме него, ничего не мог разглядеть в сгущающемся сумраке. И только наутро смогли убедиться в том, что зрение не подвело Гизятова. Внизу была долина. По ней извивалась серебряная лента реки. Что за река? Ванч или Язгулем? Можно было лишь гадать.

Там, где вечером был виден огонь, теперь желтел квадратик ячменного поля. В долине — люди. Может быть, это то самое «дикое племя» людоедов, о котором говорилось в легендах таджиков, живущих у границы неисследованной области Памира?

Было уже за полдень, и вода в реке, разделенной на четыре рукава, стремительно прибывала, освобождаемая солнцем из ледниковых кладовых. С неистовой силой река набросилась на людей. Россель был сбит с ног. Обессиленного, его вытащили веревкой на берег. Потом тот же прием пришлось применить и к Крыленко, который внезапно почувствовал, что ноги оторвались от дна и течение понесло его.

Решили двинуться в обход, через ледник.

Уже пошли, смирившись с перспективой десятикилометрового «крюка», как вдруг на той стороне реки появились четыре всадника. Руки инстинктивно потянулись к оружию. Но представители «дикого племени» стали бросать в гостей огромными, как бомбы, яблоками. Они как будто знали, что уже несколько дней экспедиция сидит на голодном пайке.

Потом один из «туземцев» снял одежду и бросился в воду, подвязав под плечи два надутых бурдюка. Он быстро перемахнул через сорокаметровый бурный поток. Первый вопрос к представителю той стороны: «Ванч или Язгулем?» — «Ванч! Ванч!» — радостно закивал таджик. Он представился председателем местного Совета кишлака Пой-Мазар. Вот тебе и «людоеды».

Посетили кишлак, жители которого хоть и не были «дикими», но имели весьма приблизительное представление о русских. Бесстрашный «урус адам» (русский человек), спустившийся с ледяных высот, на которых господствует лишь одна смерть, вызывал восхищение таджиков. А от открытого, без паранджи, лица участницы экспедиции Елены Федоровны Розмирович они не могли отвести взоров. Это была первая женщина без паранджи, которую они увидели.

Короткий отдых — и снова в путь, вверх по узкому ущелью. Оно оказалось обитаемым. В нем жили горцы, которые охотились с помощью луков маленькими круглыми камешками, а вместо спичек употребляли кремень. Может быть, именно они послужили источником легенды о «диком племени»?

...Альпинисты остановились перед ледопадом, гигантскими ступенями спускавшимся, казалось, с самого неба.

— Дальше ходил только святой, и больше никто туда пройти не может, — старик-проводник умолял повернуть назад.

Крыленко попытался все же пройти, но и он вынужден был отказаться от дальнейшего движения по леднику. Но за ледопад пройти надо во что бы то ни стало. И люди идут по очень крутой каменной стене, ползут вверх медленно извивающейся черной гусеницей. Когда сверху срывается камень и начинает катиться вниз, быстро набирая скорость, «гусеница» застывает, — в любую минуту усилившийся камнепад может привести к катастрофе. Но и этот подъем преодолен.

С вершины открылась «бездна, гор полна». И все они неизвестны. Дорофеев принялся засекать их положение с помощью компаса-буссоли. Но что это за перевал, какие горы, долины, ледники лежат за ним, — этого никто не знал.

Ночлег на высоте 5200 метров был холодным, непрерывно дул пронизывающий ветер, температура воздуха опустилась ниже минус 20°. Крыленко распорядился отдать таджикам, одетым очень легко, палатку. Члены экспедиции легли в спальных мешках на снег.

Утром обнаружили, что палатка стоит на краю огромной трещины. И еще увидели, что с перевала открывается спуск по какому-то очень большому пологому леднику.

Новая загадка. Она была разгадана не сразу. Но Дорофеев все же «узнал» горы, обступившие ледник, и воскликнул: «Мы на леднике Федченко!». Радость была велика. Открыт Танымасский перевал!

Здесь снова, в последний раз, вспомнилось, что слово «Танымас» означает «Меня не узнаешь».

ПО ГРЕБНЮ ХРЕБТА

Н. В. КРЫЛЕНКО: «Я не взошел на пик Ленина, но я показал дорогу другим. Мы расшифровали... второе «белое пятно» на карте Памира».

За первой экспедицией последовала вторая.

В экспедиции 1928 года участвовала немецкая альпинистская группа, которая совершила восхождение на пик Ленина.

Ее проводил до высоты 4000 метров советский альпинист Лев Перлин. Но это было чисто спортивное восхождение. Никаких научных наблюдений, даже картирования, немцы не производили.

На следующий год экспедиция под руководством Н. В. Крыленко снова расположилась лагерем в Алайской долине под белой стеной Заалайского хребта, на берегу реки Муук-су.

К вершине выходит большая группа — 14 человек. Но все это люди «негорные», нетренированные. Группа восходителей начала «таять».

Первым был Куликов, любитель поесть и поспать. Однажды он заявил, что заболел и дальше наверх не пойдет. Потом ушло двое рабочих. Носильщик Худай-Назар как-то отстал на подъеме, сбросил груз и пошел вниз, не отвечая на оклик Крыленко.

К седловине, от которой начинается собственно вершина, приближалось только четверо. Полторы тысячи шагов, на которые ушло около двух часов, — и с высоты 5850 метров открывается панорама долин и гор Памира.

Ночевка на гребне Заалайского хребта... Справа — отвесный склон к Алайской долине, высотой километра два, слева — немного менее крутой спуск к фирновому полю. Весь гребень — шириной чуть больше метра.

Остались последние тысяча метров. Решили встать до восхода солнца, чтобы двинуться в путь с его первыми лучами. Нелегко заставить себя вылезти из спального мешка при тридцатиградусном морозе. Остался еще один, побежденный горной болезнью. Пошли втроем: Крыленко, Латкин и Нагуманов.

Гребень вершины образует три колена, в каждом из. которых очень крутой участок сменяется относительно пологим. На первое колено спутники Крыленко забрались лихо, ему пришлось даже сдерживать их. Но на втором перегибе подъема их настроение резко изменилось. Латкин отпросился вниз. Ушел.

Последние пять метров второго колена образует почти прямая стена. В ней Крыленко прорубает ступеньки ледорубом, поднимается

Символы величия и мощи современной советской науки и техники — строительство Братской ГЭС, выход человека в космос

на гребень и зовет Нагуманова. Но тот не откликается, лежит на снегу, не шевелясь. Пришлось спускаться.

— Что с тобой, Нагуманыч?

— Сердце болит, очень сердце болит. Оставьте меня...

На какой-то момент чувство полного отчаяния, бессилия охватило Крыленко. Он остался один на высоте 6600 метров. Но уходить нельзя, надо попытаться пройти, хотя путь предстоит нелегкий и, главное, до ночи оставалось совсем немного времени. Идти надо потому, что в полотняном мешочке через плечо он несет на вершину маленький бюст Ленина, человека, с которым довелось работать бок о бок и который учил не склонять головы даже перед самыми непреодолимыми на первый взгляд препятствиями.

Сильнейший ветер внезапно сорвался с вершины, взмутив кристально-чистый воздух высоты тончайшей снежной пылью. Вверху, за снежным вихрем, невозмутимо светит солнце, а внизу, там где упрямо бредет к вершине прославленный командарм — на этот раз без армии, беснуется метель. Низовая метель...

280 метров высоты осталось до вершины. Но на часах уже 16.20. До наступления темноты осталось два с половиной часа. На обратный путь нужно минимум три часа. Придется спускаться в темноте по отвесным ледяным стенам, искать дорогу. Крыленко колеблется — идти дальше или нет? Ведь так близок триумф! Но — нельзя! Это — предел целесообразного риска.

Через три часа Крыленко был у палатки. А утром он вдвоем с Нагумановым уже спускался с гребня в Алайскую долину, но не тем путем, которым группа поднималась на вершину. Это был рискованный спуск по совершенно неизведанному северному склону Заалайского хребта, по никем еще не пройденному Ленинскому леднику, по северной окраине «белого пятна» Памира.

НАПАДЕНИЕ

Н. В. Крыленко: «С 1928 года по 1933 ежегодно, кроме 1930-го, я проводил отпуска среди гор и ледников Памира».

Ежегодно, кроме 1930-го...

Весной, как всегда, выехал передовой отряд экспедиции, отряд геологов и топографов, во главе с Иваном Дорофеевым.

Изыскатели двигались от Дараут-Кургана, через Алайскую долину, к истокам Муук-су. На перевале Терс-Агар, в мрачном ущелье реки Монтек, пролилась кровь тех, кто шел закрывать «белое пятно».

В геологическую партию Никитина в качестве носильщика устроился тот самый Худай-Назар, который участвовал в прошлогоднем крыленковском восхождении на пик Ленина и одним из первых повернул назад, бросив груз.

Вероятно, этот инцидент не был случайностью. Худай-Назар, как оказалось, был связан с бандитами.

11 июля 1930 года геологи ушли, как всегда, на работу, и во время их отсутствия Худай-Назар с сообщниками зарезал двух парней, оставшихся в лагере. Захватив винтовки, бандиты напали вечером и на четверых возвращавшихся с работы геологов. Сразу был убит Борис Громилов, но его товарищам удалось бежать через перевал и скрыться. Они думали, что спасены, когда спустились в сумрачное ущелье Терс-Агар. Однако басмачи хорошо знали горные тропы. Они подкараулили геологов и убили еще двоих. В живых остался один Сумин. Простреленный тремя пулями, истекая кровью, он отлежался и отправился через всю Алайскую долину в Дараут-Курган...

Как по сигналу, начались нападения и на другие группы. Банда басмачей, во главе с баем Абдурахманом, напала на партию, работавшую на реке Монтек. Геологи гостеприимно открыли дверь палатки спустившемуся с гор человеку. Он сказал, что ищет шесть жирных баранов. Видимо, это была «шутка» бандита, так он называл как раз этих, приветливо встретивших его шестерых геологов. Ничего не подозревавшие ребята угостили Абдурахмана чаем. Но платой за гостеприимство был свинец. Троих уложил басмач из револьвера на месте. Но оставшиеся начали отстреливаться, им удалось вырваться...

Третье нападение было совершено на двоих топографов, возвращавшихся из селения Алтын-Мазар. Один из них погиб, но другому удалось добраться до Дорофеева и предупредить его. Работы экспедиции были прекращены. А затем место мирных исследователей заняли кавалеристы буденновской конармии и таджикские отряды «красных палочников». Басмачи были разгромлены.

Но и в следующем 1931 году работать было еще опасно. Тогда басмачи напали на исследовательскую партию, работавшую на берегах Кара-Куля, и увели всех лошадей. Еще одна банда прорвалась в тому году из-за китайской границы и как кровавый смерч прошла по Памиру...

Научный штурм «белого пятна» Памира не обошелся без жертв.

КОНЕК КРЫШИ

1871 ГОД. А. П. ФЕДЧЕНКО: «Эти горы... за отсутствием пока местного названия, буду называть Заалайскими... По грандиозности своей вид на этот хребет не имеет себе подобных в Туркестанском крае».

«Белое пятно» было соткано из загадок. Одна из самых сложных — узел пика Гармо.

60 лет назад А. П. Федченко первым из европейцев увидел с севера белую цепь Заалайского хребта. Он определил высочайшую точку хребта, назвав ее пиком Кауфмана, по имени тогдашнего туркестанского генерал-губернатора. Долгое время пик Ленина, — так эта вершина стала называться в 20-х годах, — считался высшей точкой Памира и всей страны.

Во время экспедиции 1928 года немецкий геодезист из Мюнхена Рудольф Финстервальдер засек в районе «белого пятна» вершину, более высокую, чем пик Ленина. Ее назвали пиком Гармо. Пик Гармо был известен давно, его описали еще первые экспедиции, посетившие Памир в начале века. Но высота его считалась значительно меньшей, чем у пика Ленина. Может быть, Финстервальдер ошибся? Две свои экспедиции Крыленко посвятил в основном именно этой проблеме — проблеме пика Гармо, узла Гармо, потому что район пика оказался своеобразным центром Памирской горной системы. В нем сходятся в могучий узел несколько горных хребтов.

...Экспедиция 1931 года двинулась по пути, намеченному еще в прошлом году. Она вышла к верховьям реки Муук-су, где лента ледника Мушкетова уперлась в крутой склон какой-то огромной заснеженной горы. Ее вершину закутало облако, но на глаз высота ее была не меньше семи километров. Что это за вершина? Ясно только, что она не может быть пиком Гармо, — тот лежит значительно западнее. Решили, что это пик Евгении Корженевской, «Женечка», как ласково стали звать его альпинисты.

К концу полевого сезона стало ясно, что это еще неназванная вершина, — «Женечка» находилась на несколько километров севернее. А вершина, замыкающая ледник Мушкетова, стала «Зиночкой» — пиком Зинаиды Крыленко.

Надолго запомнился переход по Сагранскому леднику. С отвесного «берега» ледника сыпались непрерывным потоком камни. Другого пути нет. Надо идти под градом пудовых камней. Особенно опасны последние сто метров, преодолеть которые можно только бегом. Но бежать со всех ног под стеной было трудно — ноги скользили и вязли в жидкой грязи, расплывавшейся по льду.

Таджик-проводник отказался идти. Он уверен, что и «урус адам» не пойдет на верную смерть. Но они пошли. Первым — молодой Арик Поляков. Камни посыпались. Один из них ударил Арика в живот, швырнул в липкую грязь. Он потерял сознание. Подбежавшие товарищи, как под орудийным обстрелом, быстро поволокли его из-под камнепада назад. Потом по двое стали перебираться через «зону обстрела», прижимаясь к стене, не обращая внимания на грязь, в которой ноги тонули по щиколотку. Последним шел Дорофеев с тяжелым фототеодолитным оборудованием, которым он навьючен не хуже верблюда.

Перевал был достигнут. Его нарекли Пешим. С него открылся путь к неведомому леднику Гандо; в скалах вокруг него геологи обнаружили признаки золотоносности, а в верховьях ледника Дорофеев измерил высоту двух грандиозных вершин. На карте появились пики Сакко и Ванцетти.

Сотни километров пути, ночевки на пятикилометровой высоте при тридцатиградусном морозе, восхождения на шеститысячники для того, чтобы обозреть с высоты панораму гор и ледников, — всего этого было вдоволь. Результаты были плодотворными. Много новых ледников появилось на карте. По праву первооткрывателей после коллективного обсуждения давали ледникам названия, устраивали ледникам «крестины», как принято было тогда говорить, «октябрины».

Экспедиция 1933 года прошла все «белое пятно», ее альпинистская группа во главе с Виталием Абалаковым 3 сентября совершила героическое восхождение на высочайшую, главную вершину Советского Союза. Теперь она называется пиком Коммунизма. Была завершена разгадка узла Гармо.

Н. В. КРЫЛЕНКО: «Альпинизм мы подчиняем науке, хотим сделать полезным и необходимым орудием ее...»

Альпинисты прокладывали пути. Следом шли затем географы и геологи. Из-под белого пятна проступали неизученные советские земли, таящие в себе великие богатства.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ГЕОЛОГИЯ: вчера, сегодня, завтра

На вопросы нашего корреспондента отвечает директор Геологического института Академии наук СССР, лауреат Государственной премии, академик *Александр Вольдемарович ПЕЙВЕ.*

— Александр Вольдемарович, не могли бы Вы коротко рассказать об основных достижениях советской геологической науки за несколько последних десятилетий?

— Это мог бы быть бесконечный рассказ. Тема совершенно необъятная...

Помню первые годы работ в Средней Азии. Приехало нас трое — совсем еще молодых геологов. Поручили нам изучить строение района величиной с Бельгию или Данию. На брата пришлось по солидному горному хребту — на добрую сотню километров, где еще ни один геолог не работал. Так мы начинали. На огромном пространстве от Немана до Урала у нас не было ни одной глубокой скважины. Сибирь была вся в белых пятнах... Не было тогда даже Второго Баку. А сейчас — вот уже десять лет существует государственная геологическая карта масштаба 1 : 2 500 000, на которой нет ни одного белого пятна.

Но главное достижение, пожалуй, — это детальное изучение геологического строения всех основных горнорудных районов страны — Алтая, Казахстана, Урала, Кавказа. Подробно изучены и нефтеносные области — основа нашего национального богатства и благополучия.

Словом, говорить можно было бы очень долго. Давайте попробуем сузить тему нашего разговора, а то мы не выберемся из перечислений.

— Может быть, Вы расскажете о наиболее интересных теоретических проблемах, решенных геологами?

— В нашей науке, пожалуй, было бы както трудно противопоставить или резко разграничить теоретические и практические проблемы. Геологическая карта, разрезы, скважины — это все делается геологами для практических целей и в то же время является основой для теоретических обобщений. А все теоретические выводы немедленно проверяются на практике. И критерий для такой проверки очень четкий: полезные ископаемые, месторождения, которые мы ищем и находим.

За последние десятилетия пересмотрены теоретические представления во всех отраслях геологии. Ну вот, например, наиболее общая проблема — строение земной коры. Посмотрите на карту. В одном месте и горы, и вулканы, и землетрясения — эти наиболее подвижные участки Земли называют геосинклиналями. Между ними спокойные бескрайние равнины — платформы. Закономерности взаимоотношения, строения и развития таких зон изучает теория геосинклиналей. Она родилась еще в прошлом веке, но за годы Советской власти были детально пересмотрены и разработаны все ее стороны. Сейчас первенство советских геологов-тектонистов в разработке крупнейших теоретических проблем этой науки несомненно.

Еще в 1954 году у нас под руководством академика Николая Сергеевича Шатского была составлена первая детальная тектоническая карта страны, удостоенная высшей награды — Ленинской премии. Работы продолжаются, — и совсем недавно группой наших сотрудников под руководством академика Александра Леонидовича Яншина закончено составление тектонической карты всего Евразиатского материка. Такой карты еще не было в мировой геологической практике.

А вот вторая важнейшая проблема... Вы знаете, что море в течение миллионов лет много раз наступало на сушу и отступало снова. При этом создавались мощные толщи песков, глин, известняка — осадочные породы. С ними связаны важнейшие полезные ископаемые — уголь, нефть, газ, железо, фосфориты, марганец, калийные соли и многие другие — более 60 процентов всех ископаемых, используемых в промышленности. В нашем институте трудится лауреат Ленинской премии академик Николай Михайлович Страхов — крупнейший специалист в области литологии — науки об осадочных породах. На примере марганцевых, железных и других руд он показал весь путь движения рудного вещества — от образования его в выветрелых породах до накопления в виде крупных пластов осадочных месторождений. Рудные залежи в засушливых областях не похожи на месторождения тропиков или приполярных областей. Николай Михайлович изучил все эти климатические типы и показал не только, как они выглядят сейчас, но и как это было в далеком прошлом.

Дальше. Календарь геологов — это слои земные, их последовательность в недрах земли, возраст. Наука о земных слоях называется стратиграфией. Возраст земных пород определяется по раковинам, костям и другим остаткам древних организмов. У нас был разработан метод определения возраста пород по микроскопическим раковинам простейших животных. Значит, мы можем определять очень точно и очень детально возраст пластов по небольшим кусочкам породы, например, по кускам керна из скважин. Сейчас без микропалеонтологии — так называют эту науку — нельзя даже представить себе нефтяную геологию. Основоположница этого метода Дагмара Максимилиановна Раузер-Черноусова — тоже лауреат Ленинской премии.

Или вот — проблема докембрия. Это — древнейшие породы на Земле. Тогда еще и ракушек никаких не было. Считалось, что тут палеонтологи бессильны. А наши товарищи сумели разработать способы определения возраста по остаткам древних растений. Выяснилось, что в те давние времена в морях было очень много водорослей. Они и плавали, и перекатывались по дну, и даже строили мощные рифы. В каждый этап истории Земли был свой комплекс водорослей— вот и зацепка для геологического «датирования». А это очень важно: с докембрийскими толщами связаны крупнейшие месторождения железа, марганца и других ископаемых.

— А как Вы представляете себе будущее наук о Земле? Какие проблемы кажутся Вам наиболее интересными?

— Их много. Наиболее интересными мне представляются три.

Мы не сможем полностью познать строение Земли, если будем ограничиваться только материками, сушей. Мы начали изучение геологии морей и океанов. Наши сотрудники участвуют в экспедициях на судах «Витязь», «Курчатов»...

Вторая проблема — это земные глубины. Вы, очевидно, слышали о проблеме «мантии Земли». Мантия начинается на глубинах от 10—12 до 50—60 километров, сразу под корой. Что это такое? Один считают, что на границе Мохоровичича меняется химический состав пород, другие — что меняются физические условия. Вполне возможно, что эта поверхность имеет прямое отношение к общим закономерностям строения земной коры. По ней, например, могли скользить, перемещаться большие блоки. Появились смелые проекты пробурить скважину, достать кусочки этой самой мантии. Мне кажется, что сама по себе эта мантия, может быть, не так уж и интересна. Ну, пробурим, вытащим кусок. Интересно, конечно. Но вряд ли можно ждать от этого большой практической пользы. Слой расплавленного золота, к которому рвался инженер Гарин, — это все-таки из области фантастики. Но сокровище на больших глубинах есть. Это — тепло. Вся жизнь изменилась бы, если бы мы смогли получить неограниченное количество дешевой энергии. И один из таких возможных источников — глубинное тепло Земли.

Тогда не понадобится никаких шахт — прямо на поверхности земли лежат огромные богатства. Только их пока не всегда выгодно разрабатывать. Ну вот пример. В тонне обыкновенной глины содержится несколько десятков килограммов железа. Но сейчас экономически выгодно разрабатывать только руды, в которых железо составляет не менее 25—30%. Если бы была решена проблема энергии, мы смогли бы пустить в дело так называемые «непромышленные месторождения». Это дало бы многие миллионы тонн полезных ископаемых прямо из-под ног. Над этой проблемой стоит задуматься. Не стремиться извлечь металлы с неведомых глубин, — а брать их прямо с поверхности с помощью дешевой энергии, добытой с этих глубин!

Ну и третье. Мне кажется: очень многое в нашей геологии, земной науке, изменится после того, как человек побывает на другой планете. Хотя бы на Луне для начала.

— Разрешите задать несколько неожиданный вопрос. За что, по-вашему, геологи так любят свою профессию?

— Я думаю, что геология, это прежде всего наука энтузиастов. Энтузиазм нужен в любом деле, но у геологов это проявляется как-то нагляднее. Казалось бы, чего хорошего: всю жизнь куда-то ездить, переносить неудобства, лишения — прямо скажем, комфорта в экспедициях маловато, — а мы снова и снова рвемся куда-нибудь, что-то ищем, добиваемся. И — положа руку на сердце— большинство из нас мечтает — так и жить до самой смерти. Конечно, пусть это будет попозже, — но, наверное, и умереть лучше где-нибудь в горах, чем в уютной домашней постели.

Геология — в каком-то смысле наука наук. Среди геологов много людей с различными вкусами, симпатиями, склонностями. Одному больше нравится, скажем, математика, другому — химия, третьему — биология. И все они находят свое место в геологии. Наша наука дает возможность обратить все эти увлечения на конкретные, земные цели и получать практические, весомые результаты.

— А что Вы думаете о научно-популярной литературе по геологии?

— Она очень нужна и полезна. К сожалению, за повседневными работами, текучкой мы забываем об этой стороне дела. Вы, наверное, читали книги В. А. Обручева, А. Е. Ферсмана. Это и великолепная литература, и самый высокий научный уровень — как раз то, что нам очень нужно и сейчас. Право же, наша наука заслуживает хорошей популяризации. И если ваш журнал поможет нам, найдет интересных авторов, сумеет найти способ яркой и интересной подачи материала, — это будет, по-моему, очень хорошее и нужное дело.

ПИСЬМА РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Пишут фронтовики, подпольщики, строители, пахари — создатели нового мира. ПИШУТ ПОБЕДИТЕЛИ

Письмо Сергея Лазо матери

25 декабря 1917 г.

Дорогая мама!

Пишу второе письмо из Иркутска. Возможно, первое не было получено, так как я его послал без марок. Поэтому вкратце сообщу пережитое за это время. 5 декабря я уехал в Ачинск и Канск — уездные города Енисейской губернии, а оттуда по делам Исполнительного комитета в Иркутск. Я приехал туда 10 декабря в разгар боя революционных солдат с юнкерами, который поднялся из-за введения в городе и округе Советской власти. Через несколько часов после приезда я был с винтовкой в руках на передовой линии.

20 декабря был выбран в Военно-революционный комитет и утвержден Окружным бюро Советов Восточной Сибири комендантом города Иркутска с правами начальника гарнизона. Пришлось налаживать заново жизнь гарнизона. Прежде всего прошла приемка оружия и увольнение юнкеров. После пришлось налаживать охрану города, караульную службу и т. д.

Чем дольше живу в Иркутске, тем больше втягиваюсь в работу и, очевидно, надолго останусь здесь...

Много пришлось пережить за это время. Здесь впервые выходишь на арену действительной революционной борьбы. Красноярск был, в сущности, хорошей школой, так как оппозиция к власти Советов даже среди сибирского крестьянства, которое теперь отлично организовано, была все время ничтожна.

В Иркутске, конечно, обстановка иная.

...мы, социалисты, понимаем, что это открытая борьба, это стремление порвать те цепи, которые долгие годы угнетали народ, разрушить те базы, которые служили источником неисчислимых страданий.

И я не закрываю глаза, я лучше, чем кто-либо другой, знаю громадную разруху жизни в России, но и последняя не повергнет меня в уныние. Мы видим, наряду со старым, которое рушится безвозвратно, мощные ростки новой жизни. И пусть все упрекают Советы в тех бедствиях, которые происходят, я не брошу этого упрека им. Наоборот, Советы, и они одни, могут дать выход из положения.

Идет великое разрушение. Старое падает тем решительнее, чем сильнее и основательнее подгнило в своей основе. И где были те, которые бросают нам упрек, во все годы войны, войны, порожденной противоречиями нашего уклада жизни? Не они ли призывали к новым и новым потокам крови? Ну да все равно. Вопрос решается не спорами, а классовой борьбой.

...Жизнь заставляет по-прежнему думать над рядом вопросов, несколько и над самой жизнью. Теперь все переживаешь иначе, глубже, сосредоточеннее и спокойнее. Но главное, основные положения, во имя которых работаешь, — неизменны. И пусть народ не организован, мы не положим рук. И нам, революционерам, если только мы искренне работаем, конечно, приходится переживать минуты тяжелого раздумья и сомнений, но после них выходишь с новыми силами.

...Жизнь строится, новая жизнь, и строится как-то иначе, чем ее направляло течение вещей, и ближе к тем задушевным мечтам, которые носил с раннего детства.

Твой Сергей

Письмо Люси Люсиновой[1] родным

30 октября 1917 г.

Наконец-то я дома, напилась чаю и лягу в постель. Ходила, не переставая, целый день, провела три митинга по заводам, организовывала Красный Крест и Союз молодежи, сходила в Совет рабочих депутатов. Ночь темная, дождь, снег и ветер, но состояние бодрое. Немного только подтачивает такое здоровое состояние — это выжидание.

Сегодня в Кремле стоят юнкера и наши войска. Может, ночью будет бой.

На чьей стороне будет победа?

Мамочка, дорогая, ты за меня не волнуйся, я ни в каком опасном месте не буду. Буду или сидеть в лазарете, или буду в Совете; в общем ни в какие летучие отряды я не поступаю. Затем без толку на улицу не показываюсь и одна не хожу. Мамочка, даже на заводские собрания я не буду ходить, так как уже всех оповестили о положении дел. Ну, прощайте, пока всего хорошего. Крепко целую. Здоровье, очевидно, не ухудшается, а наоборот. Прочту сейчас газеты и — спать.

Крепко всех обнимаю перед сном.

Ваша Люська

За меня не бойтесь.

Письмо М. Горностаева[2] семье

5 мая 1919 г.

Здравствуй, сестрица! Это здравствуй, нежное здравствуй после долгого молчания направляю к старичкам родителям и младшим проказникам.

В воскресенье вечером прибыли железной дорогой в Самару, где нас намеревались подержать (подучить и обмундировать) несколько дней, но вот по поступившей депеше выезжаем ближе к фронту.

Оля, напиши, не писал ли кто из вас по адресу: Ярославль, губком партии — ты или Тоня или кто из молодежи, если да, я затребую оттуда ваши письма. Пиши больше, пиши, как живут старички, как развивается детвора, наконец, как и что поделываешь сама, пиши больше далекому брату. Оля, поместили ли в газете мое стихотворение и статью, если да, то не теряй этого номера газеты, а сразу же с получением адреса пришли мне.

Оля, пишите с Тоней, как вы работаете в ячейке. Как провели 1-е Мая, пишите мне, вам можно улучить минутку. Ну, а если от меня иногда долго не будет, не обижайтесь; знайте тогда, что не от меня это будет зависеть.

Доехали благополучно пароходом до Ярославля, а там до Самары по железной дороге. Теперь опять поедем на пароходе...

Геню-то не забывайте, учите его, чем он интересуется. Рисовать хочет, веди в клуб — любители человечества всегда пойдут навстречу. Лишь бы он не бегал весь день по улице. Бойтесь одного — только улицы. Ну до свидания, пока! Всего лучшего семье.

М. Горностаев

[1] Это последнее, предсмертное письмо Л. А. Люсиновой не было закончено. Ее убили днем 1 ноября 1917 года на Остоженке. Именем Люси Люсиновой названа бывшая Серпуховская улица в Москворецком районе г. Москвы.

[2] Михаил Горностаев — один из организаторов Рыбинской комсомольской организации. Погиб 21 июля 1919 года в бою под Уральском.

В Волховский уездный комитет РКП(б)

10 октября 1919 г.

Товарищи, ввиду моей болезни с 10 по 15 октября и т. к. в этот период времени было отработано два коммунистических субботника, на которые я, благодаря своей болезни, не мог попасть, прошу, товарищи, мне дать работу взамен этих двух дней, так как эти дни являются для нас большой важностью.

Иванов

Письмо Г. Фейгина[1] в Иваново-Вознесенский губком РКСМ

12 марта 1921 г.

Питер, Балтийский вокзал.

Итак, дорогие ребятки, направляюсь под Кронштадт, в город Ораниенбаум. Сегодня ночью или завтра буду в бою. Из ивановских со мной Эдельман из Вичуги, а также весь Владимирский губком РКП. Всего человек до ста. Все ответственнейшие работники вплоть до членов ВЦИК и реввоенсоветов. Тут же половина Туркестанского правительства и три члена ЦК коммунистической партии Украины. Уехал я добровольно.

Как живете? Как раз перед отъездом сюда решил обязательно остаться работать в Иванове. Если вернусь живым, обещаю приехать в Иваново. Кронштадт брать на днях, так что вполне возможно, что я «гордо водрузив Красное знамя» на крепостных стенах Кронштадта, вернусь очень скоро в Иваново. Съезд, в силу создавшихся условий, отложите. Это самое целесообразное...

Герасим

В «КРЕСТЬЯНСКУЮ ГАЗЕТУ»

От гражданина дер. Михаич, Круглянского района, Оршанского округа, БССР Калистрата Семеновича Трубенок

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу крестьянскую газету зачислить меня селькором вашей газеты, так как я все время работал по распространению газет в деревне совместно с убитым селькором Ф. Ракушевым. В настоящее время работаю в кружке друзей газет и в бюро селькоров и обязуюсь описывать всю жизнь деревни.

Проситель Калистрат Трубенок.

БССР, Оршанского округа, п/о Круглое, дер. Михаич.

14 февраля 1925 г.

Из письма москвича — строителя Сталинградского тракторного завода Константина Лянгузова друзьям на родину

1929 г.

Дорогие мои товарищи! Долго я не отвечал на ваши письма, но вы простите меня, время у нас горячее и даже письмо написать некогда... Вам, конечно, трудно представить, что у нас тут делается. Если бы вы видели, что на голом пустыре растет город, причем город настоящий, большой и с кирпичными домами, вы дались бы диву и не поверили, что строят этот город безусые мальчишки, вроде меня и моих орлят из бригады.

[1] Фейгин Герасим (1902—1921) — один из создателей комсомольской организации г. Владимира. Погиб во время подавления Кронштадтского мятежа.

Так заучите ж, как стихотворенье,
Всю нашу жизнь, чтоб, молодость храня,
Глаза в глаза столкнулись поколенья
И поздоровались, как старые друзья!

Михаил СВЕТЛОВ

Вы знаете, что я раньше никогда не умел плотничать. Теперь я научился и топором работать, и кирпичики укладывать, и стены ставить. Подобралось нас 12 парней. Все из разных городов. Один за одного в огонь и в воду... Живем мы пока в бараках, а они протекают. Утром встанешь, а на полу по щиколотку вода. Пока до выхода доберешься — мокрый, как котенок, и зубы стучат. Печка есть, да разве весь свет обогреешь? Одеяло было теплое, одно на всю бригаду, по очереди одевались...

Письмо комсомольца Алексея Барышева строителям Магнитогорска

1931 г.

Товарищи магнитостроевцы! Я работаю телефонистом на нашей станции Амосово. Я много читал о вашем героизме. Так вот и представляется мне сибирский мороз и в нем огни горят. Из морозного тумана поднимаются леса вокруг будущих домен. Вокруг тех самых, что насытят нашу страну железом, сталь которых хлестнет по крыльям вражьих самолетов, если они задумают на нас налететь. Хотелось мне попасть к вам, но я больной и прикованный к станции... Смотрю я на поезда, хожу по станции и вижу в тупике на вагонах мелком написано: «Груз Магнитостроя». И стоят эти вагоны... То идет, другое идет, а они стоят. Взял я тайно (не знаю, можно ли так). Только написал я сам плакаты, да и приклеил на вагоны. А написал так: «Товарищ! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей железа. Проталкивай груз в первую очередь!». И что же? Ушли все вагоны. Не показываю я виду, спрашиваю у начальника про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать». Я про себя посмеялся. Мне стало радостно своей помощи. Захотелось с вами поделиться. Вот и написал.

Алексей Барышев

Письма члена подпольной комсомольской организации г. Донецка С. Г. Матекина жене

Август — 5 октября 1942 г.

Шура,

что может сделать человек, находящийся в тюрьме под угрозой верной смерти? И все же они боятся меня. Скажи об этом нашим. Я знаю, что для меня уже все кончено и что этот момент наступит скорее, чем можно предположить. Прощай. Я прошу тебя сказать всем, что это не конец.

Я умру, но вы остаетесь жить.

Прощай, Шурочка!

Оставь все заботы обо мне. Займись устройством своей жизни. Я человек уже обреченный. Передач не носи. Не отрывай крохи от себя. Я для расстрела и так хорош...

Из письма комсомолки-партизанки Веры Ананьевой родным

7 августа 1942 г.

...Да, мамочка, благодарю за туфли, которые ты мне купила. Мы с девчатами даже посмеялись. Говорят: «Вот, видишь, придется обязательно вернуться домой, а то туфли не обновлены останутся». Ну «порешили» вернуться!

Мамочка, еще раз прошу тебя, не волнуйся за меня. Знаешь, какое тяжелое время переживает наша Родина. Кто-то должен защищать нашу землю, нашу свободу, и, кроме нас самих, никто этого не сделает. За меня не беспокойся. О будущей жизни когда-нибудь напишу, а пока учусь работать. Учиться легко, но немножко трудно быть командиром. Ведь нужно не только командиром быть, но и в то же время и товарищем. Ну да ничего, как говорил Суворов, «тяжело в ученье — легко в бою»*...

Из письма комсомольца Казьмина матери

Октябрь 1942 г.

...Не листай, мама, закапанные воском листы древних книг, не ходи к деду Архипу Найденову, не ищи вместе с ним чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы — мы побеждаем ее потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых — Родину. Когда я произношу это слово, мне хочется стать на колени.

Дорогая мама. Я готов спокойно умереть в бою во имя жизни Родины и не дрожу даже тогда, когда вспомню, что тебе придется остаться одинокой, без сына.

Целую тебя крепко.

Твой сын Казьмин

Письмо Юлии Силачевой матери

22 апреля 1954 г.

Здравствуй, мама!

Сегодня я получила твое письмо, это уже третье. Спасибо, родная. Письма в эту трудную пору организационного периода — самый лучший и приятный отдых. Когда получишь из Москвы письмо от тебя или от коллектива нашего, — они очень часто пишут нам, — то на душе бывает так хорошо! Встретишь на улице юношу или девушку — улыбается. Спросишь: «Чего ты сияешь?». А он или она довольно так отвечает: «Письмо пришло из Москвы!» Я очень рада, что дома все в порядке, что ты и сынулька мой здоровы... Может быть, тебе что там и говорят по поводу моего отъезда, так ты, мама, жена коммуниста и мать комсомольцев, не слушай, родная, глупых, недалеких людей. Мне очень трудно самой сознавать разлуку с мальчуганом моим, но ведь выше счастья Родины нет в мире ничего! Была бы только Родина богатой да счастливой, а сын будет счастлив... Мне хочется, чтобы осенью, когда к нам будут приезжать семьи, ты приехала сюда с Вовочкой. К тому времени у нас будут дома. Тебе здесь понравится, а лечиться тоже будешь здесь: врачи к нам приедут... Вячеслав пишет, что многие из его части решили после демобилизации ехать на целинные земли и сам он подумывает об этом. Вот тогда все будет хорошо, не сразу ведь Москва построилась, мама! А ты веришь там каким-то бабьим, грубо выражаясь, слухам, что мы голодные здесь. Не выдумывай прислать мне сухарей, опозоришь меня на всю Европу. Половина московских продуктов, то есть колбаса, сыр, сушки, масло, пряники, вермишель и рис, которые нам накупали и заботливо набили в банки сотрудники, еще есть, да и в столовой обедаем мы...

Скоро выезжаем в степь, будем жить в палатках. Там будет потруднее — ну так что ж!... Все знали, что может быть и очень плохо, а ехали ведь — значит комсомольская воля сильнее всяких трудностей...

До свидания.

Твоя Юля.

Да! Забыла! Мы получили уже шесть тракторов, плуги, спецовку, постель, палатки и даже целые сани продуктов: консервы всякие, мясо, муку, конфеты и даже колбасу любительскую. Скоро, через несколько дней, будем прокладывать первую борозду на целине.

Письмо Василия Довлюка матери

24 апреля 1961 г.

Привет из Сибири! Здравствуйте, мама и ты, брат Митя. Сообщаю, что письмо от вас получил и в ту же минуту даю ответ после некоторых раздумий. Мама, твое письмо до глубины души меня расстроило.

Как вы могли додуматься, будто я попал в Сибирь в наказание? Да как жѐ вы живете, не зная того, чем столько лет живет вся страна? Сколько молодежи едет на передний край, на стройки Сибири, Севера и Дальнего Востока!

Мама, ты знаешь, я строил казахстанскую Магнитку, был целое лето на целине, приезжал оттуда бо́дрым, здоровым, радостным...

Эх, мама, мама! Так я и знал. Нашепчут тупые «сердобольные» люди, и защемит у тебя сердце...

Ты помнишь Ксению Шемчук, жену погибшего твоего родного брата, она целыми днями болталась по базарам, презирая тебя и всех честных хлеборобов. Не раз я писал об этом в газете и за это она опутывала меня клеветой, бросалась с кулаками, но я держал свою линию. И ты тогда мне сказала: «Вася, зачем же так, родичи ведь...» Ты пожилая, а я не могу так жить и думать. С дрянью надо бороться, чтоб каждый уважал труд, кто б ни был он: друг, родич или брат.

Но шло время, ты со мной смирилась. И уже гордилась мной и любила. И вот—опять. Но, мама, родная, ты ведь ничего не знаешь о Сибири. А я с гордостью говорю: я строитель комсомольской ударной стройки Ачинск—Абалаково. И комсомольский билет со мной. Мама, пишите, жду.

Ваш Василий.

24 апреля 1961 г.

Публикуемые документы взяты из фондов Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, из газеты «Комсомольская правда», из сборников: «Коммунистические субботники в Петрограде в 1919—21 г.г.», Л., 1949; «Письма с целины», М., 1955: «Марш ударных бригад», М., 1965; «Из дневников современников», М., 1965; «Говорят погибшие герои», М., 1966; «Солдатские письма», М., 1965.

Материал подготовила кандидат исторических наук Р. ОКУНЕВА.

* Вера Ананьева погибла в августе 1943 г. во время высадки партизанского десанта в тылу врага.

Издательство «Высшая школа».
Рукописи не возвращаются.

Т-12365. Подписано к печати 14.IX.1967 г. Объем 6 печ. л. Бумага 70×108 1/16. Тираж 700 000. Заказ 930. Адрес редакции: Москва, И-301, Мурманский пр., 8. Тел.: И 7-18-90; И 7-34-79.

Тип. им. К. Пожелы, г. Каунас, ул. Гедимино, 10. Цена 30 коп.

Цена 30 коп.
70332